

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Археология и этнография»

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

Д. В. Селин канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия)
- Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)
- Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан)
- Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Н. В. Полосьмак чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан)
- К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан)
- Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)
- Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amir Khanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board

of the Issue “Archaeology and Ethnography”

Executive Editor

A. I. Krivoshapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

D. V. Selin Candidate of Sciences (History), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- L. A. Bobrov Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kradin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- N. V. Polosmak Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Z. S. Samashev Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Astana, Republic of Kazakstan)
- K. Sh. Tabaldiev Candidate of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- J. Chochorowski Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Suk-Bae Jung Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 22, № 3: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Фурсова Е. Ф.* Проблемы этнической (этнокультурной) идентичности в научной литературе во второй половине XX – XXI веке (к курсу «Основы культурной антропологии») 9

История и теория науки, новые методы исследования

- Нестерова М. С.* Изучение свойств кости как топлива по результатам экспериментальных наблюдений 24

Археология Евразии

- Белоусова Н. Е., Селецкий М. В., Федорченко А. Ю.* Инструменты для обработки каменного сырья в индустриях начального и раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 года) 36

- Курманиязов Ы. С., Чеха А. М., Дарменов Р. Т., Назаров А. Ж.* Сырьевые источники и технико-типологическая характеристика местонахождения Жалгыз-агым в Северном Приаралье 49

- Мосин В. С.* Хронология энеолитических памятников лесного Зауралья 61

- Селин Д. В., Чемякин Ю. П.* Керамика калинкинской культуры из городища Барсов городок III/2: технико-технологические особенности 72

- Кулик Н. А., Молодин В. И., Вишневский А. В., Бондаренко В. П., Мирошниченко Л. В., Ненахов Д. А., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Мыльникова Л. Н.* Железная руда из кургана № 51 Усть-Тартасского могильника. Саргатская культура 86

<i>Кан Ин Ук.</i> Феномен «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» в культуре хунну	99
<i>Матвеева Н. П.</i> Об оборонительных сооружениях бакальской культуры (по материалам Старо-Лыбаевского-1 городища, лесостепное Зауралье)	114
<i>Татауров Ф. С., Сопова К. О.</i> Погребальный обряд русских Омского Прииртышья на рубеже эпох (1870–1920-е годы) и глиняная посуда как элемент его структуры	125
Этнография народов Евразии	
<i>Бурнаков В. А.</i> Конь в свадебной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века)	140
<i>Бураева О. В., Афанасьева Е. Ф.</i> История имянаречения у баунтовских эвенков	155
Список сокращений	168
Информация для авторов	169

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Fursova E. F.* Problems of Ethnic (Ethno-Cultural) Identity in Scientific Literature in the Second Half of the 20th – 21st Century (To the Course “Fundamentals of Cultural Anthropology”) 9

History and Theory of a Science, New Research Methods

- Nesterova M. S.* Bone as a Fuel: Studying the Properties Based on the Results of Experimental Observations 24

Archaeology of Eurasia

- Belousova N. E., Seletskiy M. V., Fedorchenko A. Yu.* Tools for Stone Raw Material Treatment in the Initial and Early Upper Palaeolithic Industries of the Ust-Karakol-1 Site (Excavation Area, 1986) 36
- Kurmaniyazov Y. S., Chekha A. M., Darmenov R. T., Nazarov A. Zh.* Raw Materials Sources and Technical and Typological Characteristics of the Zhalgyz-agym Site in the Northern Aral Sea Region 49
- Mosin V. S.* Chronology of the Eneolithic Sites of the Forest Trans-Urals 61
- Selin D. V., Chemyakin Yu. P.* Pottery of the Kalinkino Culture from the Barsov Gorodok III/2 Settlement: Technical and Technological Characteristics 72
- Kulik N. A., Molodin V. I., Vishnevskiy A. V., Bondarenko V. P., Miroshnichenko L. V., Nenakhov D. A., Durakov I. A., Efremova N. S., Mylnikova L. N.* Iron Ore from Mound No. 51 of the Ust-Tartas Burial Ground. Sargat Culture 85

<i>Kang In Uk</i> . The Phenomenon of the “Golden Statue of a Man for Sacrifices to Heaven” in Xiongnu Culture	99
<i>Matveeva N. P.</i> Defensive Buildings of the Bakalskaya Culture (The Staro-Lybaevskoe-1 Settlement in the Forest-Steppe Trans-Urals)	114
<i>Tataurov Ph. S., Sopova K. O.</i> The Funeral Rite of the Russians of the Omsk Irtysh Region on a Boundary of the Epochs (1870s – 1920s) and Pottery as an Element of Its Struc- ture	125
Ethnography of the Peoples of Eurasia	
<i>Burnakov V. A.</i> The Horse in the Wedding Ceremony of the Khakass (Late 19 th – Mid 20 th Century)	140
<i>Buraeva O. V., Afanasyeva E. F.</i> The History of Naming among the Baunt Evenks	155
List of Abbreviations	168
Instructions to Contributors	169

Научная статья

УДК 159.922.4 + 394

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-9-23

Проблемы этнической (этнокультурной) идентичности в научной литературе во второй половине XX – XXI веке (к курсу «Основы культурной антропологии»)

Елена Федоровна Фурсова

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
mf11@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>

Аннотация

Статья посвящена анализу наиболее известных трудов по проблемам этнической / этнокультурной идентичности, которые включают публикации не только культурных антропологов, но и психологов, философов, социологов, культурологов и пр. Автор исходит из понимания того, что термин «идентичность» ввиду его взаимосвязи с такими понятиями, как «самосознание», «самость», «Я-концепция», «Я-образ» до сих пор не приобрел однозначной трактовки, единого разделяемого всеми определения этого понятия. В соответствии с научными позициями выделен ряд подходов к изучению идентичности, ее структуры, содержания компонентов, в их числе этнокультурного. Различные трактовки этого феномена раскрыты с позиций примордиализма, инструментализма и конструктивизма.

Ключевые слова

культурная антропология, этнокультурная идентичность, концепции

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 22-28-00865

Для цитирования

Фурсова Е. Ф. Проблемы этнической (этнокультурной) идентичности в научной литературе во второй половине XX – XXI веке (к курсу «Основы культурной антропологии») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 9–23. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-9-23

Problems of Ethnic (Ethno-Cultural) Identity in Scientific Literature in the Second Half of the 20th – 21st Century (To the Course “Fundamentals of Cultural Anthropology”)

Elena F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
mf11@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>

Abstract

Purpose. The article presents an analysis of the most famous works on the problems of ethnic / ethnocultural identity, which include publications not only by cultural anthropologists, but also by psychologists, philosophers,

© Фурсова Е. Ф., 2023

sociologists, culturologists, etc. The author proceeds from the understanding that the term “identity” when due to its relationship with such concepts as “self-consciousness”, “self”, “I-concept”, “I-image” has not yet acquired an unambiguous interpretation, a single definition of this concept shared by all scientists.

Results. In accordance with scientific positions, a number of approaches to the study of identity, its structure, the content of its components, including the ethnocultural one, have been identified. Various interpretations of this phenomenon are revealed from the perspective of primordialism, instrumentalism, constructivism in the works of Russians and foreign scientists. Particular attention is paid to works on the relationship between ethnic and regional identities, the relationship between social transformations and the processes of ethnic formation, confessional and a number of other identities.

Conclusion. An analysis of trends in the development of the modern problem of ethnic / ethnocultural identity shows that many of the constructed concepts have not yet become the result of empirical research, but rather are the fruit of reflections that cannot always be applied to the proper degree.

Keywords

cultural anthropology, ethno-cultural identity, concepts

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project of the Russian Science Foundation no. 22-28-00865

For citation

Fursova E. F. Problems of Ethnic (Ethno-Cultural) Identity in Scientific Literature in the Second Half of the 20th – 21st Century (To the Course “Fundamentals of Cultural Anthropology”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 9–23. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-9-23

Введение

Французский философ П. Рикёр, наверное, первым обратил внимание на семантическую двусмысленность, «угрожающую понятию “идентичность”» [Рикёр, 1995, с. 19]. «Идентифицировать» и «различать», по его мнению, составляет нераздельную глагольную пару: для того, чтобы идентифицировать, нужно различить, и, различая, мы идентифицируем. В истоках понятия идентификации лежит отношение «к самому себе» в его отличии от «по отношению к иному» [Рикёр, 2010, с. 30–32].

В 1980–1990-х гг. к исследованию идентичности обратились культурные антропологи, этнологи, социологи, психологи, философы, культурологи, историки, что помогло значительно продвинуться в понимании феномена идентичности и ее роли в гармоничном функционировании общества или группы. К настоящему времени значительный вклад в исследование этнической идентичности внесли ученые Института этнологии и антропологии РАН, Центра исследования межнациональных отношений, Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН и др.

Обзор антропологических исследований

Этнической (этнокультурной)¹ идентичности посвящено немало исследований, в том числе содержащих различные трактовки этого феномена с позиций примордиализма, инструментализма и конструктивизма. Первичную основу изучения проблемы этнической идентичности и связанного с этим понятием осмысления этнических процессов заложили этнологи. Сторонники *примордиалистского* (или близкого к нему) подхода (С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилёв, В. И. Козлов, М. В. Крюков, В. В. Пименов, С. М. Широкого-ров и др.) рассматривали этническую идентичность как объективное фундаментальное свойство человеческой природы, не подверженное или мало подверженное изменениям. С. М. Широкого-ров еще в 1920-х гг. применил словосочетание «самосознание этноса» и сформулировал понятия «наклонности», «привычки» как «способность повторяться постоянно», вводя вместе с этим теорию «психоментального комплекса» [Путешествия..., 2021,

¹ Этнической идентичности не может быть без существования самобытной культуры, поэтому автор использует этнокультурную идентичность как близкое по содержанию понятие.

с. 528–534]. Сторонники этого подхода исходят из понимания этноса как категории, обладающей объективными характеристиками, коренящимися в кровных связях: раса, тип, язык, территория, религия, мировоззрение и т. д. Для объяснения этих исконных связей немного позднее в рамках социальной психологии была предложена теория аффилиации (естественная потребность в принадлежности к группе, обществу). В 1970–1980-х гг. на основе естественноисторической трактовки этничности Ю. В. Бромлеем разработана теория этноса, получившая широкое распространение, прежде всего в советской этнографии [Бромлей, 1983, с. 44]. В научный обиход было введено общее для всех типов этнических общностей понятие «этническое самосознание», несколько позднее В. И. Козлов и другие ученые выдвинули этническое самосознание на первое место среди признаков этноса, которое фиксируется в форме самоназвания, т. е. этнонима [Бромлей, 1983, с. 173, 180; Козлов, 1974, с. 85]. Сфера этнического сознания, по мнению ученых, может быть направлена как внутрь этноса, на осознание этнического бытия, исторических судеб народа и пр., так и вне его – на межэтнические контакты [Козлов, 1974, с. 84]. Ю. В. Бромлей ввел узкое и широкое понимание обсуждаемого термина: в первом случае человек относит себя к тому или иному народу, в широком смысле предполагается не только самоотнесение к национальности, но и представление о ней (автостереотипы), ее истории, культуре, территории, государственности при ее наличии. В качестве критерия «этнической диагностики» у Л. Н. Гумилёва (естественно-географическая или биологизаторская трактовка) выступает «ощущение» принадлежности к тем или иным общностям-этносам, которые образуются в процессе пассионарного импульса и гармонически сочетаются с ландшафтами земли [Гумилёв, 1993, с. 484]. Представление об этносе как совокупности информационных связей и уровней их плотности было предложено этнографами С. А. Арутюновым, Н. Н. Чебоксаровым [Арутюнов, Рыжакова, 2004, с. 54, 55].

В конце XX в. под влиянием англоязычных трудов в области антропологии отечественная этнология перешла с термина «самосознание» на кальку с английского «identity» с широким и продолжающим расширяться смысловым диапазоном (немецкий термин «Identität» означает идентичность более конкретно – как «историческую индивидуальность»).

У зарубежных авторов это теоретическое направление было реализовано в исследованиях К. Гирца, К. Фокса, У. Коннора, Е. Шилза и др.). К. Гирц писал о национализме, идентичности, природе человека, стараясь не отрываться от «прочной поверхности жизни», от реалий политики, экономики, социальной стратификации. «По существу задача интерпретативной антропологии, – считает ученый, – не в том, чтобы дать нам ответ на самые сокровенные наши вопросы, но в том, чтобы дать нам доступ к ответам других...» [Гирц, 2004, с. 39–40]. Обозначив отрицательные и положительные стороны религиозного фанатизма и националистической ненависти, Гирц писал о том, что надо стремиться понять, почему эти феномены принимают именно такие формы, а не иные, так как эпоха идеологии и сдвигов в общественном самосознании в новых государствах еще не завершена [Там же, с. 290].

Из зарубежных исследователей интересны взгляды английского антрополога К. Фокса, которая на основе метода включенного наблюдения «и его издержек» пришла к выводу о том, что именно сокрытые, неписанные правила поведения англичан определяют национальную самобытность, а большинство людей повинуются законам инстинктивно, не сознавая, что они делают. Ученая с позиций генетической трактовки культуры следует утверждению, что «самобытность носит непрерывный характер, простирается в будущее и в прошлое, в ней заложено нечто неискоренимое, как в живом существе» [Фокс, 2013, с. 10]. При этом Фокс невозможно отказать в профессионализме и великолепной наблюдательности, позволившей «прислушаться к музыке смыслов жизни».

У. Коннор, рассуждая о разногласиях с Э. Смитом по поводу сущности наций, подчеркивал совершенно разные подходы по вопросу идентичности, а именно конфликта гражданской и этнической идентичности. Неважно, утверждал Коннор, когда возникла нация, так как, если время хронологической истории нации может быть недавним, то в народном восприятии

ее членов она «вечна», «вне времени». Национальная идентичность, по его мнению, основана на эмоциональной психологии предполагаемых родственных связей и, соответственно, принадлежит сфере подсознательного и нерационального [Connor, 2004; Smith, 1991].

Инструменталистский подход, признающий объективное существование этнического самосознания, но считающий, что оно активизируется только в ситуациях, стимулирующих его эксплуатацию для достижения политических, экономических и иных прагматических целей, т. е. чувство этничности (и идентичности) в обычном состоянии просто «дремлет» в людях. Такой подход позволяет рассматривать некоторые сложившиеся этнические идентичности как мобильные, способные при определенных обстоятельствах изменять конфигурацию. В рамках инструменталистских подходов выполнен ряд трудов отечественных этнографов, в том числе на основе социологического метода анализа (М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, С. В. Чешко и пр.).

Большое значение имеют труды о соотношении этнической и региональной идентичности, взаимосвязи между социальными трансформациями и процессами формирования этнической, конфессиональной и ряда других идентичностей, подходы к изучению двуязычия, этничности и идентичности (см. [Губогло, 2003; Границы..., 2012] и др.). М. Н. Губогло считал, что региональную идентичность можно определить как соотнесение самих себя (людей) с определенной местностью, традициями и сложившимся укладом повседневной жизни [Губогло, 2003]. По меткому определению географа М. Крылова, региональная идентичность отвечает на вопрос «кто мы?» и представляет «совокупность культурных отношений, связанных с понятием “Малая родина”» [Крылов, 2010, с. 13]. Региональная идентичность, считает автор, – это внутренний (с точки зрения местных жителей) и обычно «нераскрученный» имидж территории, включающий внутренний набор образов, символов, мифов, в отличие от внешнего имиджа (с точки зрения мигранта, политтехнолога, организатора туризма, путешественника и пр.) [Там же, с. 71]. Роль «локальностей» традиций разного типа в формировании идентичности рассматривается в статье И. А. Морозова, в которой в рамках психокультурного подхода утверждается, что для каждой культуры характерен особый топос («образ культуры»). Локальная идентичность выступает в качестве базовой и относительно стабильной, считает автор, в то время как культурная («топическая») может изменяться в зависимости от различных внешних (социальных, политических, экономических) факторов [Морозов, 2015, с. 7].

В этой связи чрезвычайно большое значение приобретает понятие «этнокультурного кода» и связанной с ним этнокультурной идентичности индивида, в которую включены базовые ценности народа, морально-этические идеалы, представления о своем месте и своем имени (этнониме) в мире. К мнению о том, что этноним-самоназвание народа является самым ярким проявлением этнического самосознания, добавим, что и народные коллективные названия групп (прозвищ) отражают определенную степень их этнокультурного самосознания [Фурсова, 2019, с. 33].

Конструктивистский подход к интерпретации феномена этнокультурной идентичности впервые был реализован в исследованиях зарубежных ученых (Б. Андерсон, Ф. Барт, П. Бурдьё, Дж. Комарофф, Э. Геллнер, А. Д. Смит, С. Хантингтон и др.) в середине 1970 – 1980-х гг. Согласно этому подходу этничность и представления о ней являются искусственным конструктом, создаваемый интеллектуальной элитой (политологами, писателями, учеными и пр.). Этнос, этническая группа, нация, по отношению к которым антропологи часто повторяют фразу Б. Андерсона о «воображаемых сообществах», формируются не на основе общности происхождения, а на основе представлений о своем происхождении, истории, психологическом складе. Отправной точкой для Б. Андерсона стало то, что национальность, «вместе с ней и национализм» являются особого рода культурными артефактами, и в задачи исследования входит показать, почему эти артефакты порождают в людях такие глубокие привязанности [Андерсон, 2001, с. 29].

В работе «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон не вводит понятие «социальная идентичность», но, как он предполагает, под этим термином следует понимать онтологическое убеждение (личности, группы), проявленное в процессе взаимодействия с некоторой «инаковостью» (т. е. идентичность можно определить только через отношение к «другим») [Переслегин, 2003, с. 588]. Одни идентичности, по мнению Хантингтона, образуют цивилизации (таких насчиталось восемь, одна из которых русская), другие не образуют, при этом никакие идентичности никогда не смешиваются. Большое внимания ученый уделил проблемам идентичности в другой книге «Кто мы?..», где он постарался ответить на вопрос, что сплачивает людей в период кризиса идентичностей [Хантингтон, 2008, с. 49, 51]. «Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению. ...идентичности – воображаемые сущности: то, что мы думаем о самих себе, то, к чему мы стремимся. Не считая культурной наследственности (от которой можно и отречься), пола (который можно и сменить) и возраста (который нельзя изменить, но с которым можно бороться), люди относительно свободны в определении собственной идентичности...» [Там же, с. 51].

В ситуации существования полиэтнических сообществ Ф. Барт, один из отцов-основателей конструктивизма, признавал социальное значение этнической идентичности и ее принудительную силу ограничивать поведение индивида [Барт, 2006, с. 20]. Было высказано мнение, что этно- или национально-культурная идентичность есть результат социального конструирования, и она может рассматриваться как одна из форм контроля, «диктата государства». Наибольшее распространение конструктивистский подход получил там, где этносы развивались на вновь осваиваемых территориях, не имея естественной укорененности (Америка, Австралия, Канада). Несмотря на ограниченность сферы применения подобного подхода, он, как оказалось, отражает и вполне объективные социальные реалии. К слову, известен пример деятельности администрации Ханты-Мансийского автономного округа по консолидации пестрого с этнической точки зрения местного населения. При этом декларировалось формирование нового этноса – «сибиряки» (позднее «югрыне») с широким привлечением новой символики и нового названия края – Югра [Костина, 2011а, с. 28].

Конструктивистское направление получило развитие в работах отечественных ученых Р. Г. Абдулатипова, В. С. Малахова, С. В. Соколовского, В. А. Тишкова и др. В Институте этнологии и антропологии РАН многие годы этническое самосознание является объектом масштабных исследований на стыке этносоциологии, политологии, социальной психологии [Тишков, 2011, с. 12, 13]. Методология этих исследований строится на взаимодействии структурных характеристик общества, внимании к этнокультурным и этносоциальным особенностям общностей (групп людей) и когнитивно-мотивационной сферы личности. В ситуации актуализации этничности 1990-х гг. В. А. Тишков акцентировал идею «дрейфа идентичностей», «этнического дрейфа» и высказался за переключение внимания населения с этнической идентичности на государственную – российскую, подчеркивая значение этой общегосударственной идентичности [Тишков, 2001, с. 233].

Сегодня исследователями признается множественность и не взаимно исключающая природа этнической идентичности [Хершак, Кумпес, 1993, с. 29–30; Тишков, 2001, с. 37, 229–233; Малахов, 2002, с. 136; Русские: этнокультурная идентичность, 2013; Костина, 2011б]. Выделяются уровни идентичности, которые связаны со структурами, принадлежащими национальной, этнической и массовой культурам, которые существенно дополняются и корректируются иными формами и типами идентичности (цивилизационной, конфессиональной, субкультурной, расовой, гендерной и пр.). Идентичности могут выступать в качестве персональных или коллективных, как носить устойчивый характер, так и формироваться ситуативно, проявляться как взаимодополняющие, позитивные и как конфликтные, противоречивые, подчас антагонистические [Костина, 2011б, с. 59].

Может быть, по этой причине, М. Секефелд писал, что в условиях множественности идентичностей и их различий человеку необходимо обладать чем-то еще, чтобы оставаться самим

собой. Иначе говоря, то, что остается «тем же самым» (самим собой), является рефлексивным чувством основного различия между собой и всем остальным [Sökefeld, 1999, p. 417]. Исследование этнокультурной идентичности тесным образом связано с решением проблемы критериев формирования этнического самосознания. В последние годы в трудах антропологов и философов предлагается различать идентичность как внутреннее чувство (осознание себя, Self) в сравнении с внешней информацией о себе, т. е. со стороны [Sökefeld, 1999, p. 417]. Высказывалось предположение, что у каждого народа есть некая «центральная зона» – средоточие ценностей и верований, определяющих природу «священного» для каждой культуры, т. е. этнические общности обладают культурным стержнем, не осознаваемым ни их членами, ни внешними наблюдателями [Shills, 1961, p. 117; Лурье, 1997, с. 183].

В работах последних лет поднимаются важные вопросы групповой идентификации как в историческом прошлом, в том числе в составе СССР, так и в глобализирующемся мире. Знаковым для отечественной этнографии стал выход сборника научных статей «Феномен идентичности в современном гуманитарном знании» (2011), в котором исследователи разных областей знания высказали свой взгляд на феномен этнокультурной идентичности. В. М. Михайлов пришел к выводу, что без этнической, региональной, родовой идентичности не может быть чувства привязанности к России, т. е. российской идентичности [Михайлов, 2011, с. 119].

Работы психологов и психокультурное направление

Значительный вклад в понятие и сферу применения этнической идентичности внесли *психологи*, причем, длительное время эта проблематика была в фокусе зарубежных ученых. Идентичность как психологическая потребность исследована в рамках гуманистического психоанализа Э. Фромма (2009). Американский философ Э. Фромм, отнеся идентичность к числу самых глубинных потребностей человека, рассуждал о том, что индивид в любом обществе должен объединяться с другими, если вообще хочет выжить, либо для защиты от врагов и опасностей природы, либо для того, чтобы иметь возможность трудиться и производить средства к жизни. Он писал: «Способность мыслить позволяет человеку – и заставляет его – осознать себя как индивидуальное существо, отдельное от природы и от остальных людей... Сознвая свою отдельность... человек не может не чувствовать, как он незначителен... Если он не принадлежит к какой-то общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет». Человек, не ощущающий своего «Я», слепо следующий за другими, предает себя, закрывает путь к полноценной реализации и креации [Фромм, 2009, с. 25].

Американский антрополог, представитель психокультурного направления антропологии, Дж. Де Вос анализирует проблему в исторической динамике, выделяя различные ориентации «Я»: на настоящее (как гражданина государства и как индивида, имеющего определенный социоэкономический статус), на будущее (как приверженца какой-либо идеологии в светской или религиозной форме) и на прошлое, т. е. на какую-либо определенную форму этнической идентичности. Индивиды, разделяющие ту или иную этническую идентичность, объединены в этнические группы, которые количественно могут иметь различные размеры (от мини до мега), но в качественном отношении все они выполняют функцию носителя разнообразия социальной общности (современной или традиционной) [Белик, 2009, с. 256]. В своей концепции этнической идентичности Дж. Де Вос подчеркивал, что во многом основой культурной (этнической) идентичности является аффективно-замещающая связь (привязанность) человека с культурой и образом малой родины, которая нисколько не мешает гражданской этнополитической идентичности страны, государства. Консолидирующим моментом концепции Де Воса является преемственность поколений в единстве чувственного и рациональ-

ного осмысления этого феномена и достаточно сбалансированные взаимоотношения между личностью и общностью [Белик, 2009, с. 260, 288].

Американский психолог Э. Эриксон выделил понятие «психосоциальной идентичности» как продукта взаимодействия между общностью и личностью, которая характерна только для зрелой личности, у которой «внутренняя тождественность и непрерывность» интегрирована с социальными структурами (государством, нацией, социальными группами). Инструментом идентификации выступает «идеология», «систематизированная совокупность идей и символов». В психосоциальной идентичности Эриксон выделил позитивные и негативные элементы, ввел понятие «кризисов личностной идентичности», указав на их неразрывную связь с кризисами общественного развития [Эриксон, 1996, с. 298].

В отечественной психологии исследования по проблеме этнокультурной (этнической) идентичности принадлежат Б. А. Вяткину, В. Ю. Хотинец (1997), Ю. П. Зинченко, Г. У. Солдатовой, Л. А. Шагеровой (2016) и др. Расширяя сферу переносимых на себя этнических свойств и особенностей «других», человек оценивает систему сущностных свойств применительно как к себе, так и к другим, в результате чего возникает ощущение похожести себя на окружающих других. Значит, подытоживают Б. А. Вяткин и В. Ю. Хотинец, у человека складывается образ самого себя и своего поведения, привязанный к условиям бытия конкретной этносоциальной общности, к которой он себя причисляет [Вяткин, Хотинец, 1997, с. 22].

Этническая идентичность понимается группой исследователей под руководством Г. У. Солдатовой как разделяемые членами этнической группы общие представления – осознание общей истории, культуры, традиций, места происхождения, государственности. Механизмами интериоризации (перевода из внешнего во внутренний план) установок, норм, схем поведения группы являются эмоционально-когнитивные и ценностные процессы этнической идентификации и межэтнической дифференциации [Солдатова, 1996, с. 296]. Исследователи пришли к выводу, что в числе основных интегрирующих внутригрупповых категорий и, следовательно, одним из главных параметров межэтнического сравнения оказались психологические особенности этнических групп [Там же, с. 315].

В последние годы появились работы, посвященные методологическим проблемам этнокультурной идентичности как объекта психологического исследования, в которых обосновывается необходимость применения постнеклассического подхода к изучению этого феномена [Зинченко, Шайгерова, 2016, с. 23]. Междисциплинарный характер понятия этнокультурной идентичности требует дальнейшей интеграции знаний наук, причем не только гуманитарных – этнологии, антропологии, культурологии, философии, социологии, истории, но и привлечение таких дисциплин, как нейробиология и психофизиология. В свете современных представлений этнокультурная идентичность наряду с другими элементами идентичности (гендерная, возрастная, статусная, профессиональная и пр.) включена в другую сложную саморазвивающуюся систему – общую идентичность, элементы которой взаимодействуют между собой [Там же, 2016, с. 33].

Вклад философов и культурологов в проблему идентичности

Массив идей и концепций по проблемам региональной и этнокультурной идентичности был высказан *философами и культурологами*. В целом философы рассматривают идентичность как степень совпадения идеалов, ценностных ориентаций, социальных установок, мировоззренческих позиций и пр. с ценностными ориентациями, социальными установками, мировоззренческими позициями социальной группы. Что касается определений феномена этнической идентичности, то и здесь прослеживается общность толкований, как то: психологическая потребность человека в упорядочении представлений о себе и своем месте в мире, подсознательном стремлении к обретению единства с окружающим миром, что достигается посредством интеграции в культурно-символическое пространство социума. При этом эволюция исторических форм этнокультурной идентичности, по мнению И. В. Малыгиной, не

сводится к линейному движению от родовой формы идентичности к этнической и национальной, но представляет процесс интеграции и дистрибуции идентификационных оснований. Исходя из положения о том, что контуры и границы современной национальной идентичности образуются путем напластования предшествующих исторических форм, автор дает характеристики: 1) *идентичности архаических человеческих сообществ*, которая содержала в себе уже значительный этнокультурный ресурс (на основе тотемистических верований); 2) *этнической идентичности*, которая сложилась в ходе этногенеза и когда реальное родство предыдущего периода постепенно заменилось сакральным осознанием единства на основании иных, не родственных признаков; 3) *национальной идентичности*, которую следует рассматривать прежде всего как результат политических процессов [Малыгина, 2011, с. 6].

По мнению И. В. Малыгиной, феномен этнокультурной идентичности обладает чрезвычайно сложной структурой. Прежде всего он несводим исключительно к рефлексивным (когнитивным и оценочным) процедурам, но отражает процессы глубинного эмоционального, почти сакрального переживания единства с некоторой этнокультурной общностью, а также различные формы его манифестации. Поэтому следует говорить о наличии в структуре этнокультурной идентичности рационального, чувственно-эмоционального, ментального и поведенческого компонентов [Там же].

Авторы коллективной монографии «Кто мы? Проблема формирования национально-культурной идентичности в современной России» считают, что культурная идентичность для россиян проявляется главным образом в языковой общности, а также в исторически сложившемся взаимопонимании между различными конфессиями. Указанная ситуация проявляется в России гораздо ярче, чем во многих других полиэтничных государствах, где идентичность основана на гражданских принципах и идее нации [Кто мы?..., 2011, с. 4]. Книга содержит понимание роли этнической (национальной) идентичности и национальной идеи в современном мире: идентичность в границах нации задается не общим происхождением, не принадлежностью к определенному месту развития, не тождеством интересов людей как интересов добрососедского развития и обороны от врагов. Идея нации неотделима от идеи свободы, символ которой представляет суверенное государство [Там же, с. 65]. Этнокультурная идентичность, по мнению В. В. Савченко, конструируется через формирование способности человека ориентироваться в окружающем пространстве и времени, определять и реализовывать себя в соответствии со спецификой ценностных ориентаций этногруппы. Исследовательница констатировала заметную трансформацию идентичности русских в советскую идентичность на завершающем этапе существования СССР [Савченко, 2009, с. 9].

Обозначив проблему идентичности как одну из значимых проблем современности на фоне нарастания неопределенности, кризисных явлений в глобальном масштабе, новосибирский ученый Ю. В. Попков пришел к выводу о необходимости формирования четкой государственной позиции по отношению не только к государственно-гражданской, но и этнической идентичности как неперемennого условия сохранения этнокультурного многообразия [Попков, 2019, с. 9]. Е. А. Ерохина обозначила альтернативную и комплементарную стратегию этнической идентификации, обосновывая тезис о гибридной для недоминантных этнических групп и моноцентричной для русского большинства формах идентичности [Ерохина, 2019, с. 41].

Социологические исследования и их результаты

В отечественной *социологии / этносоциологии*, как и в этнологии, еще три десятка лет назад оперировали понятием «самосознание». В коллективной монографии «Русские (Этносоциологические очерки)» по материалам социологических исследований Ю. В. Арутюняном, Л. М. Дробижевой, М. Н. Кузьминым, Н. С. Полищук, С. С. Савоскул были рассмотрены различные аспекты национального русского самосознания, в котором, как пишут авторы, находят отражение все стороны жизни [Русские..., 1992, с. 370]. Национальное самосознание ис-

следователи понимают широко – не только как самоидентификацию, но и как представления о своем народе, его автостереотипах, культуре, территории, историческом прошлом и т. д. Заслуживают внимания результаты этносоциологических исследований 1970-х гг., когда ученые отметили этнический парадокс: особенности этнической культуры стирались, а этническое самосознание людей росло. В работе Ю. В. Арутюняна на период конца XX в. выделено существование четырех источников этнической (или национальной) идентичности: 1) «родовой» источник, питаемый сознанием общности происхождения и исторических судеб народа; 2) «психический» источник, включающий накопленные народом духовные идеалы – от религиозных до социальных; 3) «этнокультурный» источник – приобщенность людей к национальной культуре, нормам поведения, языку, обычаям; 4) «социальный» источник – социальная позиция и социальные интересы этноса [Арутюнян, 1990, с. 42, 49].

Состояние и динамика российской идентичности на современном этапе развития общества отражены в исследованиях Ю. В. Арутюняна, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, В. В. Коротеевой, С. С. Савоскула, Г. У. Солдатовой и др. Принимая за основу широкое бромлеевское понимание этнического самосознания, этносоциологи дополнительно включали в него интересы, осознаваемые личностью, группой как этнические (национальные). Когда этническое самосознание стало чаще называться, как на Западе, идентичностью, некоторые ученые-социологи увидели различие между этими понятиями (С. В. Рыжова, Г. У. Солдатова) в том, что в идентичности акцентируется культурно-психологическая составляющая, а в самосознании – и социально-политическая [Дробижева, 2006, с. 11].

В коллективной монографии «Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России» Л. М. Дробижева рассмотрела вопросы динамики изучаемых государственной и гражданской идентичностей российского общества на материале массовых стандартизированных и глубинных интервью ряда регионов, включая сибирский (Якутия). Использование специальных методик опроса позволило выявить факторы, влиявшие на интенсивность этнической и российской идентификаций в конце XX – начале XXI в. [Дробижева, 2006, с. 15; Русские..., 2011, с. 85–89]. Автор разграничивает этническую идентичность, которая базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории, и российскую идентичность с основой на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре. При этом российская идентичность более динамична, чем этническая, выбор которой не исключает российской идентичности, а когнитивное наполнение той и другой идентичности делает возможным дополнять друг друга, что позволяет говорить об их совместимости [Дробижева, 2006, с. 28]. Сравнивая общегражданский проект и национальную парадигму развития, М. Ф. Черныш привлек эмпирический материал массовых опросов «населения» и «управленцев» и сделал вывод, что в общественном сознании существуют и конкурируют друг с другом несколько типов этнических (русской, прежде всего) идентичностей – идентичность нового российского буржуа, идентичность среднего класса, идентичность люмпена. В российских условиях этническая идентичность не может рассматриваться только как антипод общегражданских ценностей, но в одних случаях она воплощает классовый интерес, в других – сохранение и умножение национальной культуры с учетом ее интеграции в систему общегражданских ценностей [Черныш, 2006, с. 112]. Оказалось, что применительно к населению ни одна из отдельно взятых объективных переменных или их комбинаций (удовлетворение ходом реформ, группы потребления и пр.) не имеет сколь угодно заметного влияния на факт идентификации с этносом. Такие переменные можно отнести к категории «призраков», дремлющих в глубинах культуры и оживающих лишь в силу возникновения подходящих обстоятельств [Там же, с. 110].

Из зарубежных социологов и философов рассмотрением проблем идентичности занимался Дж. Г. Мид, считающийся основоположником парадигмы символического интеракционизма. По его мнению, люди не реагируют на внешний мир и других людей непосредственно, а осмысливают реальность в неких символах и соответственно продуцируют эти символы

в ходе общения с другими людьми. Автор вводит понятие «значимого символа», под которым подразумевает «взаимосвязь этого символа с подобным набором откликов как в самом индивиде, так и в другом». И далее: «Символ имеет тенденцию вызывать в индивиде некую группу реакций, подобных тем, которые он вызывает в другом». В итоге то, что подразумевается под самосознанием, констатирует автор, есть пробуждение той группы установок, которую «мы» пробуждаем в «других», особенно если это какой-то важный набор «откликов», которые являются определяющими для членов сообщества [Мид, 1996а, с. 217; 1996б, с. 227]. С Дж. Г. Мидом соглашаются П. Бергер и Т. Лукман, представляющие идентичность как феномен, возникающий из диалектической взаимосвязи индивида и общества [Бергер, Лукман, 1995, с. 281]. Идентичность рассматривается как нечто постоянно изменяющееся, контекстуальное, когда индивидуальные представления о себе и других преобразуются в реальные факты.

Подытоживая обзор наиболее известных трудов по проблемам этнической / этнокультурной идентичности, автор вынуждена согласиться с теми учеными, которые видят сложность исследования проблемы идентичности в том, что выстроенные подходы и концепции пока еще не стали в полной мере результатом эмпирических исследований, а являются скорее плодом размышлений, которые не всегда находят применение [Головнёва, 2018, с. 5–6]. Ведь в исследовании образа жизни народов, важны не только факты, но и восприятие фактов самими людьми, которое формирует их отношения и поведение.

Список литературы

- Андерсон Б.** Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
- Арутюнов С. А., Рыжакова С. И.** Культурная антропология. М.: Весь Мир, 2004. 216 с.
- Арутюнян Ю. В.** Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 42–49.
- Барт Ф.** Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.
- Белик А. А.** Культурная (социальная) антропология: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2009. 540 с.
- Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бромлей Ю. В.** Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Вяткин Б. А., Хотинец В. Ю.** Интегральная индивидуальность и этнические особенности человека. Пермь: ПГПУ, 1997. 65 с.
- Гирц К.** Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
- Головнёва Е. В.** Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона): Дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2018. 339 с.
- Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Ред.-сост. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2012. 443 с.
- Губогло М. Н.** Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
- Гумилёв Л. Н.** Этногенез и биосфера земли. М.: Мишель и Ко, ДИ-КАРТ, 1993. 503 с.
- Дробижева Л. М.** Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С. 10–29.
- Ерохина Е. А.** Стратегии и формы этнической идентификации большинства и меньшинства в межэтнических сообществах Сибири // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 41–47.
- Зинченко Ю. П., Шайгерова Л. А.** Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности: в поисках продуктивного подхода // Этнокультурная идентичность как

- фактор социальной стабильности в современной России. М.: Факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. С. 23–44.
- Козлов В. И.** Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2. С. 79–92.
- Костина А. В.** Процедуры идентификации: обусловленность доминирующим типом личности // Кто мы? Проблема формирования национально-культурной идентичности в современной России. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011б. С. 58–60.
- Костина А. В.** Этничность как основание идентификации // Кто мы? Проблема формирования национально-культурной идентичности в современной России. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011а. С. 22–33.
- Крылов М. П.** Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
- Кто мы? Проблема формирования национально-культурной идентичности в современной России: Коллективная монография / Отв. ред. А. В. Костина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. 311 с.
- Лурье С.** Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 446 с.
- Малахов В. С.** Новое в междисциплинарных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 131–140.
- Малыгина И. В.** Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире // Проблемы формирования национально-культурной идентичности в современной России. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. С. 3–13.
- Мид Дж.** Азия // Американская социологическая мысль. М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996б. С. 225–234.
- Мид Дж.** От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996а. С. 213–221.
- Михайлов В. М.** К вопросу об эволюции государственно-гражданской идентичности россиян // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В. А. Тишкова. М.: Наука, 2011. С. 115–123.
- Морозов И. А.** Локальные традиции и меняющиеся идентичности // ЭО. 2015. № 2. С. 5–14.
- Перслегин С.** Послесловие. О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. С. 579–603.
- Попков Ю. В.** Глобальный контекст актуализации темы идентичности и ее место в проблемном поле государственной национальной политики // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 9–17.
- Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям: этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых: В 2 т. М.: Индрик, 2021. Т. 1. 544 с.
- Рикёр П.** Повествовательная идентичность // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: КАМІ, 1995. С. 19–20.
- Рикёр П.** Путь признания. Три очерка. М.: РОССПЭН, 2010. 268 с.
- Русские (Этносоциологические очерки). М.: Наука, 1992. 464 с.
- Русские. Этносоциологические исследования. М.: Наука, 2011. 190 с.
- Русские: этнокультурная идентичность / Отв. ред. и сост. И. В. Власова. М.: ИЭА РАН, 2013. 312 с.
- Савченко В. В.** Этнокультурная идентичность русских в современной России: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2009. 21 с.
- Солдатова Г. У.** Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация // Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 296–355.
- Тишков В. А.** Этнология и политика. М., 2001. 240 с.

- Тишков В. А.** Историческая культура и идентичность // Урал. ист. вестник. 2011. № 2 (31). С. 4–16.
- Фокс К.** Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ Классик, 2013. 512 с.
- Фромм Э.** Бегство от свободы / Пер. с англ. А. Лактионова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 284 с.
- Фурсова Е. Ф.** Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX–XX веков) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 30–34.
- Хантингтон С.** Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с.
- Хершак Э., Кумпес Й.** Два типа этничности (хорватский и сербский примеры) // ЭО. 1993. № 4. С. 29–39.
- Черныш М. Ф.** Этнические и общегражданские ценности в сознании россиян // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С. 101–113.
- Эриксон Э.** Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Connor W.** The timelessness of nations. *Nations and Nationalism*, 2004, vol. 10, no. 1/2, pp. 35–47.
- Sökefeld M.** Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology. *Current Anthropology*, 1999, vol. 40, no. 4, pp. 417–447. DOI 10.1086/200042
- Shills E. A.** Centre and Periphery. In: *The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday*. London, Routledge and Kegan Paul, 1961, pp. 117–130.
- Smith A. D.** *National Identity*. London, New York, Penguin Books, 1991, 227 p.

References

- Anderson B.** Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma [Imaginary Communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, KANON-PRESS-C Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001, 288 p. (in Russ.)
- Arutyunov S. A., Ryzhakova S. I.** Kul'turnaya antropologiya [Cultural anthropology]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2004, 216 p. (in Russ.)
- Arutyunyan Yu. V.** Sotsial'no-kul'turnoe razvitiе i natsional'noe samosoznanіe [Socio-cultural development and national identity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 1990, no. 7, pp. 42–49. (in Russ.)
- Bart F.** Vvedeniе [Introduction]. In: *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii [Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, pp. 9–48. (in Russ.)
- Belik A. A.** Kul'turnaya (sotsial'naya) antropologiya [Cultural (social) anthropology]. Tutorial. Moscow, RSUH Press, 2009, 540 p. (in Russ.)
- Berger P., Lukman T.** Sotsial'noe konstruirovaniе real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995, 323 p. (in Russ.)
- Bromley Yu. V.** Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]. Moscow, Nauka, 1983, 412 p. (in Russ.)
- Chernysh M. F.** Etnicheskie i obshchegrzhdanskіe tsennosti v soznaniі rossiyan [Ethnic and general civic values in the minds of Russians]. In: *Grazhdanskіe, etnicheskie i religioznye*

identichnosti v sovremennoi Rossii [Civil, ethnic and religious identities in contemporary Russia]. Moscow, Institute of Sociology RAS Publ., 2006, pp. 101–113. (in Russ.)

- Connor W.** The timelessness of nations. *Nations and Nationalism*, 2004, vol. 10, no. 1/2, pp. 35–47.
- Drobizheva L. M.** Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost' [State and ethnic identity: choice and mobility]. In: Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii [Civil, ethnic and religious identities in contemporary Russia]. Moscow, Institute of Sociology RAS Publ., 2006, pp. 10–29. (in Russ.)
- Erikson E.** Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Transl. from English. Ed. by A. Tolstykh. Moscow, Progress Publ., 1996, 344 p. (in Russ.)
- Erokhina E. A.** Strategii i formy etnicheskoi identifikatsii bol'shinstva i men'shinstva v mezhetnicheskikh soobshchestvakh Sibiri [Strategies and Forms of Ethnic Identification of Majority and Minority in Interethnic Communities of Siberia]. In: Etnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii [Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, pp. 41–47. (in Russ.)
- Fox K.** Nablyudaya za anglichanami. Skrytye pravila povedeniya [Watching the British. Hidden rules of conduct]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2013, 512 p. (in Russ.)
- Fromm E.** Begstvo ot svobody [Escape from freedom]. Transl. from English by A. Laktionov. Moscow, AST: AST MOSKVA Publ., 2009, 284 p. (in Russ.)
- Fursova E. F.** Osnovnye faktory formirovaniya etnokul'turnoi identichnosti (po materialam russkikh Sibiri na rubezhe XIX–XX vekov) [The main factors in the formation of ethno-cultural identity (based on the materials of the Russians of Siberia at the turn of the 19th – 20th centuries)]. In: Etnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii [Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, pp. 30–34. (in Russ.)
- Geertz K.** Interpretatsiya kul'tur [Interpretation of cultures]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 560 p. (in Russ.)
- Golovnyova E. V.** Konstruirovaniye regional'noi identichnosti v sovremennoi kul'ture (na materiale sibirskogo regiona) [Construction of regional identity in modern culture (based on the Siberian region)]. Dr. Filosof. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2018, 339 p. (in Russ.)
- Guboglo M. N.** Identifikatsiya identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki [Identity identification. Ethnosociological essays]. Moscow, Nauka, 2003, 764 p. (in Russ.)
- Gumilev L. N.** Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the earth]. Moscow, Mishel' i Ko Publ., DI-KART Publ., 1993, 503 p. (in Russ.)
- Hershak E., Kumpes J.** Dva tipa etnichnosti (khorvatskii i serbskii primery) [Two types of ethnicity (Croatian and Serbian examples)]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 1993, no. 4, pp. 29–39. (in Russ.)
- Huntington S.** Kto my?: vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti [Who Are We?: Challenges to American National Identity]. Transl. from English by A. Bashkirov. Moscow, AST: AST MOSKVA Publ., 2008, 635 p. (in Russ.)
- Kostina A. V.** Etnichnost' kak osnovaniye identifikatsii [Ethnicity as the basis of identification]. In: Kto my? Problema formirovaniya natsional'no-kul'turnoi identichnosti v sovremennoi Rossii [Who are we? The problem of the formation of national-cultural identity in modern Russia]. Moscow, Moscow Humanity Uni. Press, 2011, pp. 22–33. (in Russ.)
- Kostina A. V.** Protsedury identifikatsii: obuslovlennost' dominiruyushchim tipom lichnosti [Identification procedures: conditioning by a dominant personality type]. In: Kostina A. V. (ed.). Kto my? Problema formirovaniya natsional'no-kul'turnoi identichnosti v sovremennoi Rossii [Who are we? The problem of the formation of national-cultural identity in modern Russia]. Moscow, Mosk. gumanit. un-t Publ., 2011, pp. 58–60. (in Russ.)
- Kostina A. V.** (ed.). Kto my? Problema formirovaniya natsional'no-kul'turnoi identichnosti v sovremennoi Rossii [Who are we? The problem of the formation of national and cultural identity

- in modern Russia]. Collective monograph. Moscow, Moscow Humanity Uni. Press, 2011, 311 p. (in Russ.)
- Kozlov V. I.** Problema etnicheskogo samosoznaniya i ee mesto v teorii etnosa [The problem of ethnic identity and its place in the theory of ethnos]. *Sovetskaya etnografiya* [*Soviet Ethnography*], 1974, no. 2, pp. 79–92. (in Russ.)
- Krylov M. P.** Regional'naya identichnost' v Evropeiskoi Rossii [Regional identity in European Russia]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2010, 240 p. (in Russ.)
- Lurye S.** Istoricheskaya etnologiya [Historical ethnology]. Moscow, Aspect Press, 1997, 446 p. (in Russ.)
- Malakhov V. S.** Novoe v mezhdistsiplinarnykh issledovaniyakh [New in interdisciplinary research]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [*Social Sciences and Modernity*], 2002, no. 5, pp. 131–140. (in Russ.)
- Malygina I. V.** Grani i granitsy etnokul'turnoi identichnosti v sovremenном mire [Facets and boundaries of ethnocultural identity in the modern world]. In: Problemy formirovaniya natsional'no-kul'turnoi identichnosti v sovremennoi Rossii [Problems of Formation of National-Cultural Identity in Modern Russia]. Moscow, Moscow Humanity Uni. Press, 2011, pp. 3–13. (in Russ.)
- Martynova M. Yu.** (ed.). Granitsy, kul'tury i identichnosti. Etnologiya vostochnoslavyanskogo pogranič'ya [Borders, cultures and identities. Ethnology of the East Slavic borderland]. Moscow, IEA RAS Publ., 2012, 443 p. (in Russ.)
- Mid J.** Ot zhesta k simvolu [From gesture to symbol]. In: Amerikanskaya sotsilogicheskaya mysl' [American Sociological Thought]. Moscow, Int. Uni. of Business and Management Publ., 1996, pp. 213–221. (in Russ.)
- Mid J.** Aziya [Asia]. In: Amerikanskaya sotsilogicheskaya mysl' [American Sociological Thought]. Moscow, Int. Uni. of Business and Management Publ., 1996, pp. 225–234. (in Russ.)
- Mihailov V. M.** K voprosu ob evolyutsii gosudarstvenno-grazhdanskoi identichnosti rossiyan [To the question of the evolution of the state-civil identity of Russians]. In: Fenomen identichnosti v sovremenном gumanitarnom znanii. K 70-letiyu akademika V. A. Tishkova [The phenomenon of identity in modern humanitarian knowledge. To the 70th anniversary of Academician V. A. Tishkov]. Moscow, Nauka, 2011, pp. 115–123. (in Russ.)
- Morozov I. A.** Lokal'nye traditsii i menyayushchiesya identichnosti [Local traditions and changing identities]. *Etnograficheskoe obozrenie* [*Ethnographic Review*], 2015, no. 2, pp. 5–14. (in Russ.)
- Pereslegin S.** Posleslovie. O spektroskopii tsivilizatsii, ili Rossiya na geopoliticheskoi karte mira [Afterword. On the spectroscopy of civilizations, or Russia on the geopolitical map of the world]. In: Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsii [Clash of Civilizations]. Transl. from English by Yu. Novikov. Moscow, AST Publ., 2003, pp. 579–603. (in Russ.)
- Popkov Yu. V.** Global'nyi kontekst aktualizatsii temy identichnosti i ee mesto v problemnom pole gosudarstvennoi natsional'noi politiki [The global context of the actualization of the theme of identity and its place in the problem field of the state national policy]. In: Etnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, pp. 9–17. (in Russ.)
- Puteshestviya cherez sibirskuyu step' i taigu k antropologicheskim kontseptsiyam: etnoistoriya Sergeya i Elizavety Shirokogorovyh [Journeys through the Siberian steppe and taiga to anthropological concepts: the ethnohistory of Sergei and Elizaveta Shirokogorova]. In 2 vols. Moscow, Indrik Publ., 2021, vol. 1, 544 p. (in Russ.)
- Ricœur P.** Povestvovatel'naya identichnost' [Narrative identity]. In: Ricœur P. Germenevtika. Etika. Politika [Hermeneutics. Ethics. Politics]. Moscow, KAMI Publ., 1995, pp. 19–20. (in Russ.)
- Ricœur P.** Put' priznaniya. Tri ocherka [The path of recognition. Three Essays]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 268 p. (in Russ.)

- Russkie (Etnosotsiologicheskie ocherki) [Russians (Ethnosociological essays)]. Moscow, Nauka, 1992, 464 p. (in Russ.)
- Russkie. Etnosotsiologicheskie issledovaniya [Russians. Ethnosociological research]. Moscow, Nauka, 2011. 190 p. (in Russ.)
- Savchenko V. V.** Etnokul'turnaya identichnost' russkikh v sovremennoi Rossii [Ethnocultural identity of Russians in modern Russia]. Abstract of Cand. Philos. Sci. Diss. Stavropol, 2009, 21 p. (in Russ.)
- Soldatova G. U.** Etnicheskaya identichnost' i etnopoliticheskaya mobilizatsiya [Ethnic identity and ethnopolitical mobilization]. In: Demokratizatsiya i obrazy natsionalizma v Rossiiskoi Federatsii 90-kh godov [Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in the 1990s]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, pp. 296–355. (in Russ.)
- Sökefeld M.** Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology. *Current Anthropology*, 1999, vol. 40, no. 4, pp. 417–447. DOI 10.1086/200042
- Shills E. A.** Centre and Periphery. In: The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday. London, Routledge and Kegan Paul, 1961, pp. 117–130.
- Smith A. D.** National Identity. London, New York, Penguin Books, 1991, 227 p.
- Tishkov V. A.** Etnologiya i politika [Ethnology and politics]. Moscow, 2001, 240 p. (in Russ.)
- Tishkov V. A.** Istoricheskaya kul'tura i identichnost' [Historical culture and identity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 2011, no. 2 (31), pp. 4–16. (in Russ.)
- Vlasova I. V.** (ed.). Russkie: etnokul'turnaya identichnost' [Russians: ethnocultural identity]. Moscow, IEA RAS Publ., 2013, 312 p. (in Russ.)
- Vyatkin B. A., Khotinets V. Yu.** Integral'naya individual'nost' i etnicheskie osobennosti cheloveka [Integral individuality and ethnic characteristics of a person]. Perm, PSPU Press, 1997, 65 p. (in Russ.)
- Zinchenko Yu. P., Shaigerova L. A.** Metodologicheskie problemy izucheniya etnokul'turnoi identichnosti: v poiskakh produktivnogo podkhoda [Methodological problems of studying ethnocultural identity: in search of a productive approach]. In: Etnokul'turnaya identichnost' kak faktor sotsial'noi stabil'nosti v sovremennoi Rossii [Ethnocultural identity as a factor of social stability in modern Russia]. Moscow, MSU Press, 2016, pp. 23–44. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Федоровна Фурсова, доктор исторических наук
Scopus Author ID 23484635200
WoS Researcher ID Q-6536-2016

Information about the Author

Elena F. Fursova, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 23484635200
WoS Researcher ID Q-6536-2016

*Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 14.01.2023
The article was submitted on 15.09.2022;
approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 14.01.2023*

Научная статья

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-24-35

Изучение свойств кости как топлива по результатам экспериментальных наблюдений

Марина Сергеевна Нестерова

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

msnesterova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4024-6753>

Аннотация

Статья посвящена результатам экспериментальных исследований свойств кости как топлива. Приводится обоснование и описание экспериментальных костров, способов фиксации параметрических характеристик и их статистический анализ. Проведенная серия экспериментов позволила выявить, что использование костного топлива в качестве дополнительного источника горючего материала увеличивает максимальную температуру горения до 800–900 °С и средний диапазон температуры горения более чем на 100 °С, обеспечивает устойчивую высокую температуру. Было выявлено, что состояние кости (сухая / свежая; целая / фрагментированная), а также ее структура (с преобладанием компактной / губчатой ткани) влияет на ее горючие свойства. Сделан вывод о том, что кость не является универсальным видом топлива, но некоторые ее свойства могли использоваться для операций, требующих устойчивой высокой температуры.

Ключевые слова

костер, эксперимент, виды топлива, кости животных, температурное воздействие

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-78-00115

Для цитирования

Нестерова М. С. Изучение свойств кости как топлива по результатам экспериментальных наблюдений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 24–35. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-24-35

Bone as a Fuel: Studying the Properties Based on the Results of Experimental Observations

Marina S. Nesterova

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

msnesterova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4024-6753>

Abstract

Purpose. Burnt animal bones are regularly found at archaeological sites of different eras and territories. One of the popular hypotheses suggests that they were used as fuel. The purpose of this work, based on experimental observations, is to determine the combustion temperature regime of bones different types in comparison with wood.

Results. A series of nine experimental bonfires revealed the following advantages of bone as fuel: 1) increase in the maximum combustion temperature to 800–900 °C versus 600–700 °C in a fire with wood fuel only; 2) increase

© Нестерова М. С., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 24–35

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 24–35

in the average range of combustion temperature by more than 100 °C; 3) minimization of temperature fluctuations; 4) ensuring a stable high temperature. We also found that the bones condition (fresh / dry; unbroken / fragmented) and its structure (the predominance of compact / spongy bone tissue) affects its combustible properties. Fresh bones with spongy tissue predominance (the spine, limbs bones) have the best qualities. Dry fragmented bones burn much worse and have no advantages over other fuels.

Conclusion. Thus, animal bones are not universal independent fuel. Some of its properties could be used for operations requiring a stable high temperature. It could be simple activities (cooking, heating, hearth maintenance, drying) and the specialized ones.

Keywords

bonfire, experiment, fuels, animal bones, temperature exposure

Acknowledgements

This work was funded by Russian Science Foundation, project no. 20-78-00115

For citation

Nesterova M. S. Bone as a Fuel: Studying the Properties Based on the Results of Experimental Observations. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 24–35. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-24-35

Введение

Кости животных со следами температурного воздействия регулярно встречаются в заполнении очажных устройств на археологических памятниках самых разных эпох и территорий. Однако их интерпретация зачастую остается проблематичной. Традиционно предлагается несколько моделей, объясняющих их нахождение в древних очагах: следы приготовления пищи, утилизация пищевых отходов в гигиенических целях, случайное попадание, ритуальное сжигание, использование кости в качестве топлива [Cain, 2005, p. 874; Costamagno et al., 2009]. О горючих свойствах кости писал еще Геродот: «Заложив мясо в котлы, поднимают кости жертвы и на них производят варку... Кости отлично горят» [1972, с. 61]. Документированное использование кости как топлива было зафиксировано на многочисленных памятниках верхнего палеолита, расположенных в зоне перегляционных тундр [Costamagno et al., 2009; Morin, 2010; Петровичева, Зубавичус, 2020, с. 19]. Обожженные кости встречаются в большом количестве и в очажных устройствах на поселениях эпохи бронзы, раннего железного века на территории Сибири, Казахстана, Прикамья, южнорусских степей, в том числе в местах, богатых лесом [Гришин, 1980, с. 94–95; Чиндина, 1984, с. 137; Venescke et al., 2021].

Изучение обожженных костей из заполнения очажных устройств с целью определения причины их попадания в контекст включает несколько аспектов.

1. Определение видового и морфологического состава костей с целью установить, имел ли место преднамеренный отбор костей по виду или типу костной ткани [Costamagno et al., 2009]. Так, экспериментальные исследования, базирующиеся на изучении верхнепалеолитических памятников Франции, позволили установить, что для использования в качестве топлива лучше всего подходят кости с преобладанием губчатой ткани [Théry-Parisot et al., 2004].

2. Изучение физико-химических свойств кости и их изменений при нагревании с целью определить температуру и условия горения, исходные характеристики кости. Костная ткань представляет собой сложный материал, состоящий из воды, органических белков (преимущественно коллаген I типа) и минеральных соединений (биоапатит) [Solari et al., 2015]. В процессе термического воздействия костная ткань проходит следующие этапы трансформации: при температуре до 200 °C теряется вода, при температуре от 200 до 450 °C разлагается органическое вещество, и, наконец, при температуре от 450 до 650 °C сжигаются органические остатки; при температуре выше 650 °C обнаруживаются только неорганические остатки [Pijoan et al., 2007]. Эти изменения по-разному влияют на цвет кости [Cain, 2005, p. 875], текстуру растрескивания [Joly, March, 2003] и микроструктуру [Shipman et al., 1984; Gallo et al., 2021].

3. Экспериментальные исследования горючих свойств кости для определения преимущественных качеств данного типа топлива. Было выявлено, что кость обладает слабой теплопроводностью, что ограничивает ее способность воспламеняться самостоятельно [Clattenburg, 1975]. Так, минимальная температура воспламеняемости (теплового потока, создаваемого внешним источником тепла) кости составляет около 380 °С, что эквивалентно свойствам сырой древесины. Соответственно, использование кости как единственного типа топлива невозможно. Но при сравнении соотношения массы топлива и длительности горения кость показывает лучшие результаты, чем древесина, т. е. эквивалентная масса костного топлива горит дольше и быстрее достигает температурного максимума [Théry-Parisot, Costamagno, 2005, p. 248].

Вопрос о причинах использования кости в качестве топлива, учитывая ее специфические свойства, является дискуссионным. Одна из гипотез базируется на теории стресса окружающей среды в период бытования памятников и, соответственно, модели приспособления к суровым холодам в условиях недостатка древесины [Costamagno et al., 2009; Marquer et al., 2010, p. 2744; Петровичева, Зубавичус, 2020, с. 19]. Другая гипотеза основана на модели сезонности поселений. Исследователи полагают, что кость использовалась в зимнее время в связи с труднодоступностью других топливных ресурсов [Costamagno et al., 2009]. Наконец, в соответствии с третьей гипотезой костное топливо использовалось для специфических операций, требующих открытого огня в течение длительного времени [Théry-Parisot, Costamagno, 2005].

Цель данной работы – выявление особенностей температурного режима горения разных видов кости в сравнении с древесиной, основанное на экспериментальных наблюдениях.

Материалы и методы

Любая костная ткань состоит из воды, органического и минерального компонентов, соответственно, разные кости идентичны по своим биохимическим свойствам. При этом компактные (кортикальные) и губчатые (трабекулярные) костные ткани различаются по структуре. Компактная кость имеет низкую (до 10 %) или нулевую пористость. Губчатая кость обладает высокой пористостью от 50 до 90 %. Граница между этими типами размыта: так, губчатая ткань преобладает в эпифизах, а плотная компактная ткань образует ствол диафиза длинных костей [Gallo et al., 2021]. Однако именно пористость кости влияет на скорость и характер диагенеза кости под воздействием температуры, в процессе которого сначала испаряется вода, а потом выгорает органическая составляющая. Стояла задача проверить, влияет ли на условия и температуру горения предварительная обработка (варка, сушка, удаление мягких тканей) и намеренная фрагментация костей. Поэтому для эксперимента были выбраны кости в различных состояниях: сырые / вареные / сухие, с мягкими тканями / без мягких тканей, целые / фрагментированные, с преобладанием губчатой / компактной ткани. Они принадлежали барану (лопатки, кости конечностей), корове (позвонки, кости конечностей), свинье (кости конечностей). Для каждого эксперимента была отобрана эквивалентная масса костей, порой существенно разнящаяся по объему (рис. 1).

Для выявления свойств кости как топлива была проведена серия контролируемых экспериментов. Все экспериментальные костры разводились под открытым небом без предварительной подготовки места при сходных температурных и влажностных условиях (солнечная безветренная погода, +9 °С). Всего было проведено три экспериментальные серии с одновременным горением трех костров (см. таблицу). В каждой серии разводился контрольный костер с исключительно древесным топливом. Вес и количество древесного топлива во всех кострах было идентичным – около 10 кг колотой сухой березы. Это обусловлено установленной низкой теплопроводностью костного топлива, исключаяющей его использование в качестве единственного источника горючего [Théry-Parisot, Costamagno, 2005]. Кость добавлялась в костер спустя 20–30 мин, после достижения устойчивой температуры 300–400 °С. Темпера-

турные колебания фиксировалась с помощью регистратора температуры АКТАКОМ в комплекте с термопарами К-типа с диапазоном измерений от -50 до $1\ 200$ °С. В каждом костре было установлено две термопары – одна на глубине 5–7 см от дна кострового места (для наблюдения за формированием прокала), вторая в центральной части костра, в месте максимально интенсивного горения (рис. 2). Температура автоматически фиксировалась каждую минуту. Основное топливо перемещалось таким образом, чтобы прогорело максимально.

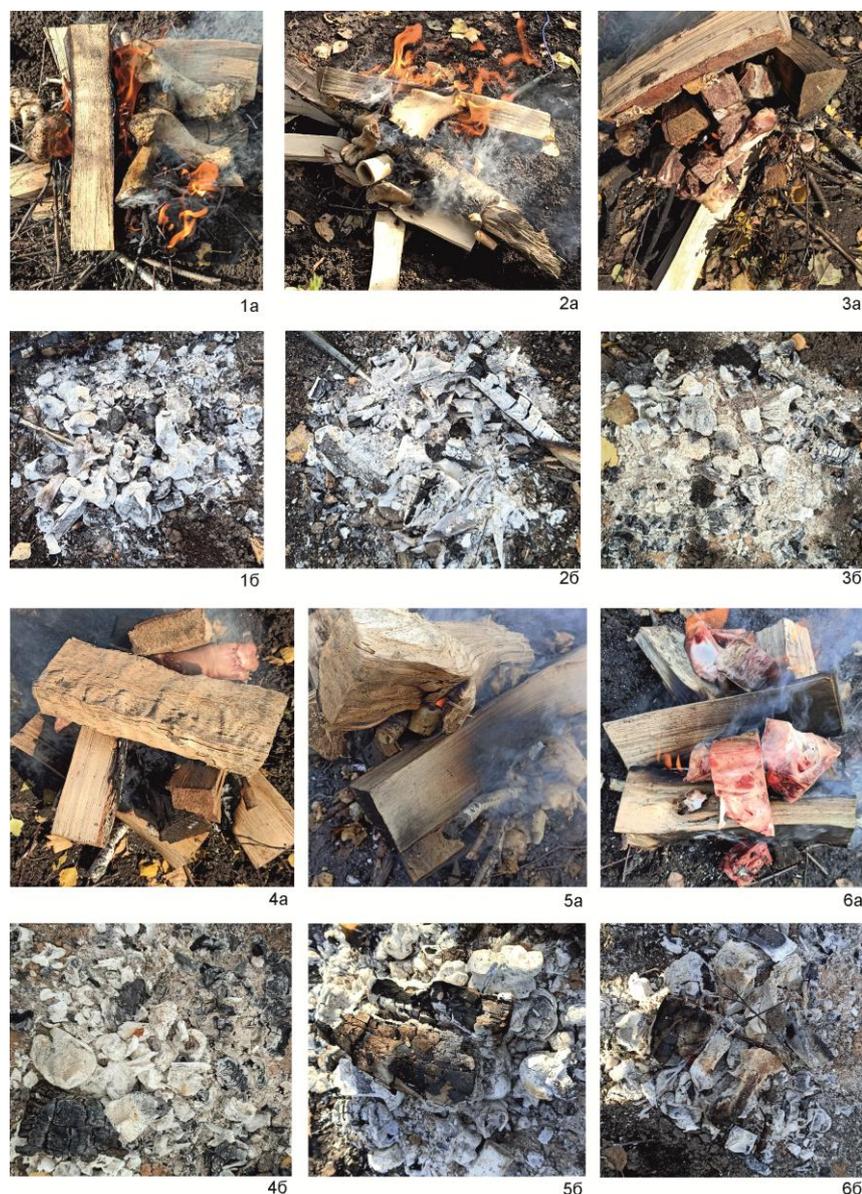

Рис. 1. Экспериментальные костры с костным топливом:

1 – костер 2; 2 – костер 3; 3 – костер 5; 4 – костер 6; 5 – костер 8; 6 – костер 9;

a – объекты после закладки костного топлива;

б – объекты после остывания костра до температуры ниже 100 °С.

Фото без масштаба. Обозначения костров соответствуют порядковым номерам в таблице

Fig. 1. Experimental with bone fuel:

1 – bonfire 2; 2 – bonfire 3; 3 – bonfire 5; 4 – bonfire 6; 5 – bonfire 8; 6 – bonfire 9;

a – objects after adding bone fuel; *b* – objects after cooling the fire to a temperature below 100 °С.

Photo without scale. The bonfire designations correspond to the serial numbers in the table

Основные характеристики экспериментальных костров
Main characteristics of experimental bonfires

№ эксперимента	№ костра	Вид топлива	Общее время горения	Температура горения, °С	
				максимальная	средняя в период горения открытого огня
Серия 1	1	Древесина	3 ч 32 мин	618,1	529,7
	2	Древесина + крупные сухие кости (кости конечностей)	2 ч 50 мин	773,3	613,7
	3	Древесина + фрагментированные сухие кости (лопатки, эпифизы)	3 ч 42 мин	707,3	642,3
Серия 2	4	Древесина	4 ч 03 мин	761,9	551,8
	5	Древесина + вареные кости (ребра, позвонки)	3 ч 52 мин	865,3	749,8
	6	Древесина + сырые кости с мягкими тканями (кости конечностей)	4 ч 25 мин	819,1	673,5
Серия 3	7	Древесина	3 ч 58 мин	714,2	581,5
	8	Древесина + вареные кости (кости конечностей)	4 ч 43 мин	900,3	771,5
	9	Древесина + фрагментированные сырые кости (ребра, позвонки)	4 ч 19 мин	867,3	784,5

Рис. 2. Процесс фиксации температуры экспериментальных костров с помощью регистраторов и термопар

Fig. 2. Fixing process of experimental bonfires temperature using recorders and thermocouples

Последующая статистическая обработка и визуализация (расчет средних и медианных показателей, построение температурных кривых) осуществлялось с помощью программных пакетов Excel, STATISTICA (версия 13.3), Past (версия 4.05).

Результаты исследования

Мы отдаем себе отчет, что анализируемые температурные колебания могут зависеть от разных внешних факторов, поэтому требуется проведение дополнительных повторяющихся экспериментов, однако считаем, что описанные ниже наблюдения не являются случайными.

Общее время горения в разных кострах варьировало от 2 ч 50 мин до 4 ч 43 мин (см. таблицу). Условно завершением этапа горения считалось устойчивое достижение температуры менее 100 °С при пиролизе без пламени. Минимальный показатель связан с костром 2 (порядковые номера см. в таблице), где сжигались крупные нефрагментированные кости конечностей барана в высушенном состоянии без мягких тканей. Максимальные значения показали костры 6 и 8, где сжигались сырые с мягкими тканями и вареные без мягких тканей кости конечностей свиньи. Близкое к ним значение у костра 9 с фрагментированными сырыми костями позвоночника коровы. Показатели контрольных костров с древесиной без костей относятся к средним по продолжительности и сопоставимы с данными костров 2 и 5 (с фрагментированными сухими / вареными костями с преобладанием губчатой ткани). Соответственно, чем более сухая и фрагментированная кость, тем больше в ней преобладание компактной костной ткани, тем короче период горения. Это объясняется меньшим количеством воды в структуре, что приводит к более быстрому переходу к фазе разложения органического вещества.

Время горения открытого огня с момента закладывания костей до перехода в пиролиз без пламени составило в среднем для всех костров приблизительно 1 ч 30 мин, в том числе для контрольных костров без костного топлива. Таким образом, длительность процесса горения с открытым пламенем не зависит от количества и качества костного топлива, что еще раз подтверждает низкую теплопроводность кости.

Для этой стадии пиролиза были составлены отдельные температурные кривые (рис. 3) и скрипичный график (рис. 4), где костры расположены в порядке возрастания средней температуры горения, порядковый номер соответствует данным, приведенным в таблице. Для удобства анализа и наглядности данные дублирующих костров без костного топлива были исключены, так как имеют схожие параметры. Температурные кривые в целом показывают неоднородность и колебания температуры во всех экспериментальных кострах (см. рис. 2). Устойчиво низкими температурами по сравнению с другими кострами отличается костер без костного топлива. Близкие к нему значения у объектов с сухим костным топливом. Так, максимальная температура костров без древесного топлива составляет от 618,1 до 761,9 °С, а костров с сухим костным топливом – 707,3 и 773,3 °С соответственно. Костры с вареным и сырым костным топливом достигают температуры от 819,1 до 900,3 °С (см. таблицу). При этом кости конечностей без мягких тканей дают максимально высокие показатели. Вероятно, это объясняется наличием суставных и хрящевых тканей, содержащих большое количество жировых органических соединений. Показатели средней температуры в период горения открытого огня также демонстрируют похожие тенденции: от 530 до 580 °С для костров с древесиной, 613,7 и 642,3 °С для костров с сухими костями, от 750 до 785 °С для сырого и вареного костного топлива. Из последней категории выбивается костер 6, для поддержания которого использовались сырые кости конечностей свиньи без предварительной подготовки и удаления мягких тканей, средняя температура которого в период открытого горения составила 673,5 °С. Вероятно, обилие мягких тканей препятствует интенсивному горению собственно кости. Также следует отметить появление обильного пара при горении сырых костей.

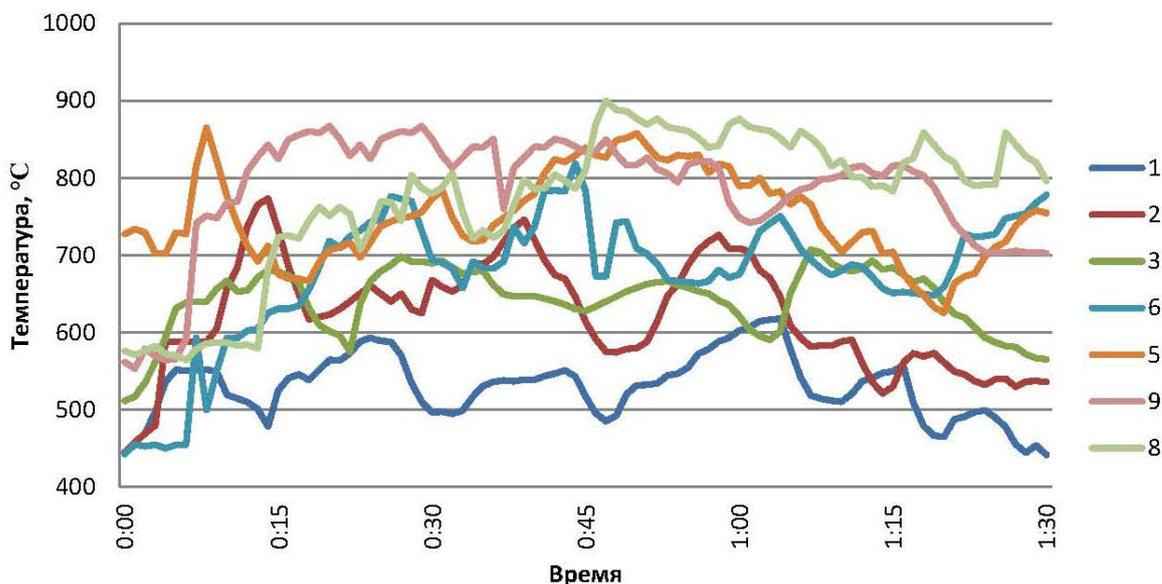

Рис. 3. График температурных кривых.

Обозначения рядов соответствуют порядковым номерам костров в таблице

Fig. 3. Temperature curves graph.

The row designations correspond to the bonfires serial numbers in the table

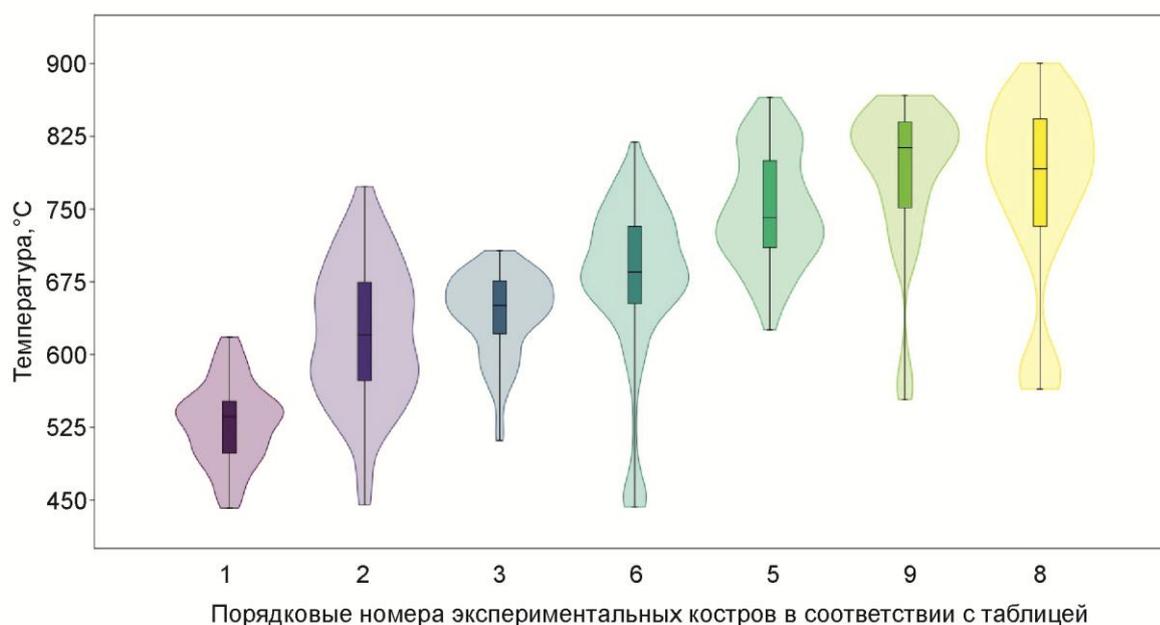

Рис. 4. Скрипичный график распределения плотности температурных показателей экспериментальных костров

Fig. 4. Violin plot of the density distribution of temperature indicators of experimental bonfires

Эти наблюдения хорошо демонстрируются в скрипичном графике с бокс-плотом, который отражает как максимальные и минимальные значения, так и плотность распределения данных, что наглядно иллюстрирует диапазон и устойчивость температуры горения (см. рис. 4). Минимальный диапазон со средними значениями ниже 600 °С характеризует костер без костного топлива. В диапазоне до 650 °С располагаются значения костров с сухим костным топливом, при этом фрагментированные кости с преобладанием губчатой ткани демонстрируют большую плотность значений и однородность температуры в отличие от сухих костей конечностей. Неустойчивость температурных показателей также характерна для костра 6 с сырыми костями конечностей и мягкими тканями, при этом межквартильный размах расположен в диапазоне от 675 до 750 °С, что свидетельствует о более высоких горючих свойствах данного вида костного топлива. Наконец, лучшие показатели соответствуют кострам 5, 8 и 9 с сырыми и вареными костями. При этом следует отметить, что идентичные по морфологии кости позвоночника коровы демонстрируют лучшие качества в случае, если их предварительно не отваривать. Вероятно, процесс варки как один из вариантов тепловой обработки также влияет на изменение биохимической структуры кости. Вареные кости конечностей характеризуются большим межквартильным размахом, что говорит о меньшей температурной однородности процесса горения, хотя и достигают сходных значений в диапазоне от 750 до 830 °С.

Наконец, были проанализированы условия «остывания» костра, а именно участок пиролиза после прекращения открытого огня до достижения устойчивой температуры ниже 100 °С (рис. 5). Все костры демонстрируют схожую тенденцию: в течение часа происходит медленное снижение температуры, наблюдаются периодические небольшие скачки температуры, после уменьшения температуры ниже 500 °С скорость остывания увеличивается. При этом корреляция между видами топлива в костре практически отсутствует, хотя можно отметить, что дольше всех остывали костры 6, 8, 9, демонстрирующие также высокие максимальные и средние значения.

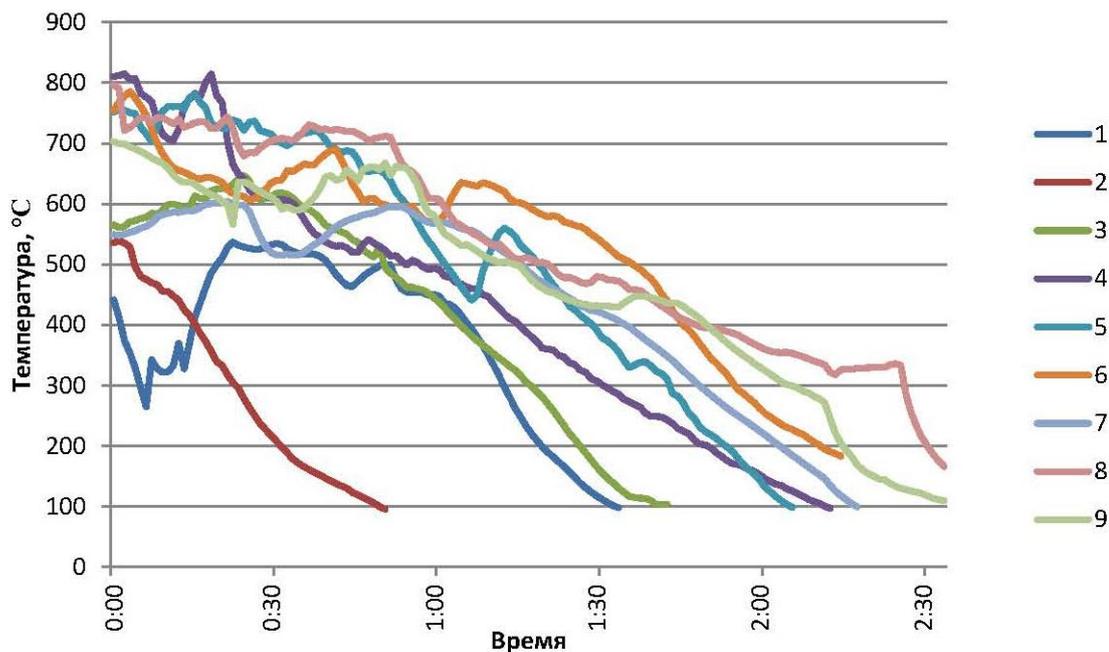

Рис. 5. График температурных кривых остывания.
Обозначения рядов соответствуют порядковым номерам костров в таблице

Fig. 5. Cooling curves graph.
The row designations correspond to the bonfires serial numbers in the table

Следует отметить, что при достижении порогового значения 100 °С уменьшение температуры существенно замедлялось. Это связано с тем, что в процессе функционирования костра место, на котором он был разведен, прогревалось как раз примерно до этой температуры, о чем говорят данные термопар, установленных ниже уровня разведения огня на 5–7 см.

Еще одно наблюдение связано с условиями образования пепла. Несмотря на то что потеря костной массы в результате сгорания визуально оценивается примерно в 60–70 %, костры с использованием костного топлива характеризуются большим скоплением остатков в виде костного пепла и фрагментов кальцинированных костей по сравнению с древесными кострами. Также древесный уголь оказался сильнее подвержен различным тафономическим процессам. По прошествии 8 месяцев в результате воздействия дождя, снега и холодных температур от костров с древесным топливом остались только следы прокала с незначительным количеством мелких угольков, тогда как на месте костров с костным топливом по-прежнему фиксируется большое количество кальцинированных костей разной степени фрагментированности.

Заключение

Проведенная серия экспериментов позволила выявить, что использование костного топлива в качестве дополнительного источника горючего материала:

- 1) увеличивает максимальную температуру горения до 800–900 °С против 600–700 °С в обычном костре с древесным топливом;
- 2) увеличивает средний диапазон температуры горения более чем на 100 °С;
- 3) минимизирует температурные колебания;
- 4) обеспечивает устойчивую высокую температуру.

При этом количество костного топлива практически не влияет на длительность как горения открытого огня, так и общего времени пиролиза. Эти параметры определяются массой топлива, обладающего высокой теплопроводностью.

Также можно выделить следующие факторы, влияющие на горючие свойства костей:

1) условная влажность кости и ее предварительная обработка (сырая, вареная, сухая): хуже всех горит сухая кость, что связано, вероятно, с уменьшением количества воды и органических веществ в структуре костной ткани в процессе высушивания;

2) степень фрагментации: чем более фрагментирована кость, тем быстрее она сгорает;

3) характер костной ткани (компактная или губчатая). Плотность костей влияет на устойчивость температуры: чем более пористая кость, тем лучше она позволяет держать температуру, поскольку выгорание органических веществ происходит равномерно и постепенно. Между тем количество жировой, хрящевой, суставной ткани, по-видимому, влияет на энергетические свойства костного топлива, обеспечивая достижение максимальных температурных значений.

Таким образом, кость не является универсальным видом топлива, но некоторые ее свойства могли использоваться для операций, требующих устойчивой высокой температуры. К ним могли относиться как простые виды деятельности (приготовление пищи, обогрев, поддержание очага, сушка), так и специализированные. Также сырая кость при горении образует выделение обильного пара, что могло использоваться в процессе обработки кожи или дерева [Beyries, 2008]. Не следует забывать, что древних людей отличало рациональное использование всего спектра доступных биоресурсов (см., например: [Lévi-Strauss, 1962]), поэтому утилизация костей в виде топлива для поддержания одного из стратегических объектов – очага – выглядит вполне убедительной даже в условиях наличия других источников топлива.

В перспективе планируется увеличение серии экспериментов, анализ других источников топлива, условий образования прокала. Еще одним направлением исследования станет изучение микроструктуры экспериментальных экземпляров кости для сопоставления полученных результатов с археологическими образцами с целью определения характеристики костей, используемых древними популяциями в качестве топлива.

Список литературы

- Геродот.** История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 604 с.
- Гришин Ю. С.** Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1980. 186 с.
- Петровичева Т. И., Зубавичус Е. Я.** Особенности использования кости как топлива для костров в верхнем палеолите Русской равнины // Археология евразийских степей. 2020. № 5. С. 17–24. DOI 10.24852/2587-6112.2020.5.17.24
- Чиндина Л. А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: кулайская культура. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.
- Benecke N., Vasiliev S. K., Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Reinhold S.** Vengerovo-2 – a Krotovo Culture Site in the Baraba Forest-Steppe: An Archaeozoological Study. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, vol. 49 (2), pp. 53–63. DOI 10.17746/1563-0110.2021.49.2.053-063
- Beyries S.** Modélisation du travail du cuir en ethnologie: proposition d'un système ouvert à l'archéologie. *Anthropozoologica*, 2008, vol. 43, no. 1, pp. 9–42.
- Cain C. R.** Using Burned Animal Bone to Look at Middle Stone Age Occupation and Behavior. *Journal of Archaeological Science*, 2005, vol. 32, pp. 873–884.
- Clattenburg G.** Thermal Properties of Cancellous Bone. *Journal of Biomedical Materials Research*, 1975, vol. 9, pp. 169–182.
- Costamagno S., Théry-Parisot I., Castel J. C., Brugal J.-F.** Combustible ou non? Analyse multifactorielle et modèles explicatifs sur des ossements brûlés paléolithiques. In: Gestion des Combustibles au Paléolithique et au Mésolithique: Nouveaux Outils, Nouvelles Interpretations. Oxford, Archaeopress, 2009, pp. 65–84.

- Gallo G., Fyhrie M., Paine C., Ushakov S. V., Izuho M., Gunchinsuren B., Zwyns N., Navrotsky A.** Characterization of Structural Changes in Modern and Archaeological burnt bone: Implications for Differential Preservation Bias. *PLoS ONE*, 2021, vol. 16 (7), e0254529. DOI 10.1371/journal.pone.0254529
- Joly D., March R.** Etude des ossements brûlés: essai de corrélation de méthodes pour la détermination des températures. In: Le feu domestique et ses structures au néolithique et aux âges des métaux, Actes du colloque Intern. de Bourg-en Bresse et Beaune, 7–8 Octobre 2000. Montagnac, Ed. Monique Mergoil, 2003, pp. 299–310.
- Lévi-Strauss C.** La Pensée sauvage, Paris, Pion, 1962, 389 p.
- Marquer L., Otto T., Nespoulet R., Chiotti L.** A New Approach to Study the Fuel Used in Hearths by Hunter-Gatherers at the Upper Palaeolithic Site of Abri Pataud (Dordogne, France). *Journal of Archaeological Science*, 2010, vol. 37 (11), pp. 2735–2746.
- Morin E.** Implication taphonomiques de l'utilisation de l'os comme combustible. *Palethnologie*, 2010, vol. 2, pp. 215–223.
- Pi Joan C. M., Mansilla J., Leboeiro I., Lara V. H., Bosch P.** Thermal Alterations in Archaeological Bones. *Archaeometry*, 2007, vol. 49, pp. 713–727. DOI 10.1111/J.1475-4754.2007.00331.X
- Shipman P., Foster G., Schoeninger M.** Burnt Bones and Teeth: An Experimental Study of Color, Morphology, Crystal Structure and Shrinkage. *Journal of Archaeological Science*, 1984, vol. 11 (4), pp. 307–325.
- Solari A., Olivera D., Gordillo I., Bosch P., Fetter G., Lara V. H., Novelo O.** Cooked Bones? Method and Practice for Identifying Bones Treated at Low Temperature. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2015, vol. 25, pp. 426–440. DOI 10.1002/oa.2311
- Théry-Parisot I., Brugal J.-P., Costamagno S., Guilbert R.** Conséquences taphonomiques de l'utilisation des ossements comme combustible. Approche expérimentale. *Les nouvelles de l'Archéologie*, 2004, vol. 95, pp. 19–22.
- Théry-Parisot I., Costamagno S.** Propriétés combustibles des ossements: Données expérimentales et réflexions archéologiques sur leur emploi dans les sites paléolithiques. *Gallia préhistoire*, 2005, vol. 47, pp. 235–254.

References

- Benecke N., Vasiliev S. K., Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Reinhold S.** Vengerovo-2 – a Krotovo Culture Site in the Baraba Forest-Steppe: An Archaeozoological Study. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, vol. 49 (2), pp. 53–63. DOI 10.17746/1563-0110.2021.49.2.053-063
- Beyries S.** Modélisation du travail du cuir en ethnologie: proposition d'un système ouvert à l'archéologie. *Anthropozoologica*, 2008, vol. 43, no. 1, pp. 9–42.
- Cain C. R.** Using Burned Animal Bone to Look at Middle Stone Age Occupation and Behavior. *Journal of Archaeological Science*, 2005, vol. 32, pp. 873–884.
- Chindina L. A.** Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza: kulaiskaya kul'tura [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age: Kulai culture]. Tomsk, TSU Press, 1984, 256 p. (in Russ.)
- Clattenburg G.** Thermal Properties of Cancellous Bone. *Journal of Biomedical Materials Research*, 1975, vol. 9, pp. 169–182.
- Costamagno S., Théry-Parisot I., Castel J. C., Brugal J.-F.** Combustible ou non? Analyse multifactorielle et modèles explicatifs sur des ossements brûlés paléolithiques. In: Gestion des Combustibles au Paléolithique et au Mésolithique: Nouveaux Outils, Nouvelles Interpretations. Oxford, Archaeopress, 2009, pp. 65–84.
- Gallo G., Fyhrie M., Paine C., Ushakov S. V., Izuho M., Gunchinsuren B., Zwyns N., Navrotsky A.** Characterization of Structural Changes in Modern and Archaeological burnt bone:

- Implications for Differential Preservation Bias. *PLoS ONE*, 2021, vol. 16 (7), e0254529. DOI 10.1371/journal.pone.0254529
- Grishin Yu. S.** Drevnyaya dobycha medi i olova [Ancient mining of copper and tin]. Moscow, Nauka, 1980, 186 p. (in Russ.)
- Herodotus.** Istoriya v devyati knigakh [The Nine Books of the History]. Leningrad, Nauka, 1972, 604 p. (in Russ.)
- Joly D., March R.** Etude des ossements brûlés: essai de corrélation de méthodes pour la détermination des températures. In: Le feu domestique et ses structures au néolithique et aux âges des métaux, Actes du colloque Intern. de Bourg-en Bresse et Beaune, 7–8 Octobre 2000. Montagnac, Ed. Monique Mergoïl, 2003, pp. 299–310.
- Lévi-Strauss C.** La Pensée sauvage, Paris, Pion, 1962, 389 p.
- Marquer L., Otto T., Nespoulet R., Chiotti L.** A New Approach to Study the Fuel Used in Hearths by Hunter-Gatherers at the Upper Palaeolithic Site of Abri Pataud (Dordogne, France). *Journal of Archaeological Science*, 2010, vol. 37 (11), pp. 2735–2746.
- Morin E.** Implication taphonomiques de l'utilisation de l'os comme combustible. *Palethnologie*, 2010, vol. 2, pp. 215–223.
- Petrovicheva T. I., Zubavichus E. Ya.** Osobennosti ispol'zovaniya kosti kak topliva dlya kostrov v verkhnem paleolite Russkoi ravniny [Features of the use of bones as fuel for campfires in the Upper Paleolithic of the Russian Plain]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei [Archaeology of the Eurasian Steppes]*, 2020, no. 5, pp. 17–24. (in Russ.) DOI 10.24852/2587-6112.2020.5.17.24
- Pijoan C. M., Mansilla J., Leboreiro I., Lara V. H., Bosch P.** Thermal Alterations in Archaeological Bones. *Archaeometry*, 2007, vol. 49, pp. 713–727. DOI 10.1111/J.1475-4754.2007.00331.X
- Shipman P., Foster G., Schoeninger M.** Burnt Bones and Teeth: An Experimental Study of Color, Morphology, Crystal Structure and Shrinkage. *Journal of Archaeological Science*, 1984, vol. 11 (4), pp. 307–325.
- Solari A., Olivera D., Gordillo I., Bosch P., Fetter G., Lara V. H., Novelo O.** Cooked Bones? Method and Practice for Identifying Bones Treated at Low Temperature. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2015, vol. 25, pp. 426–440. DOI 10.1002/oa.2311
- Théry-Parisot I., Brugal J.-P., Costamagno S., Guilbert R.** Conséquences taphonomiques de l'utilisation des ossements comme combustible. Approche expérimentale. *Les nouvelles de l'Archéologie*, 2004, vol. 95, pp. 19–22.
- Théry-Parisot I., Costamagno S.** Propriétés combustibles des ossements: Données expérimentales et réflexions archéologiques sur leur emploi dans les sites paléolithiques. *Gallia préhistoire*, 2005, vol. 47, pp. 235–254.

Информация об авторе

Марина Сергеевна Нестерова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57191256001
WoS Researcher ID Q-3214-2016

Information about the Author

Marina S. Nesterova, Candidate of Science (History)
Scopus Author ID 57191256001
WoS Researcher ID Q-3214-2016

Статья поступила в редакцию 06.05.2022;
одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 01.09.2022
The article was submitted on 06.05.2022;
approved after reviewing on 01.08.2022; accepted for publication on 01.09.2022

Научная статья

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-36-48

Инструменты для обработки каменного сырья в индустриях начального и раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 года)

Наталья Евгеньевна Белоусова¹
Максим Владимирович Селецкий² ✉
Александр Юрьевич Федорченко³

¹⁻³ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ consacer@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

² archmax95@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

³ winteralex2008@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Аннотация

Статья посвящена изучению орудий для обработки каменного сырья из коллекций раскопа 1986 г. стоянки Усть-Каракол-1 на Алтае. Установлено, что наиболее поздняя индустрия памятника, предварительно соотносимая со средним этапом верхнего палеолита, включает один отбойник на торцовом нуклеусе из тонкозернистой осадочной породы. В горизонте усть-каракольской традиции раннего верхнего палеолита выявлены скол с отбойника из гальки и ретушеры из крупнозернистых осадочных пород. Для ретуширования использовались уплощенные и торцовые естественные поверхности фрагментов галек, в отдельных случаях основа дополнительно модифицировалась сколами. В горизонтах кара-бомовской традиции начального верхнего палеолита выявлены только орудия для пикетажа. Эти инструменты отличает вторичное использование нуклеусов и технических сколов в качестве основ, выбор заготовок из однородных тонкозернистых вулканогенных и осадочных пород, использование подпрямоугольных участков сколовой поверхности с выраженными ребрами. Для орудий группы также характерно наличие нескольких рабочих зон и интенсивная модификация исходного рельефа в результате износа. Зафиксированная специфика инструментария разных этапов заселения стоянки рассматривается нами как следствие культурных, технологических и сырьевых особенностей хозяйственного уклада носителей традиций ранних этапов верхнего палеолита региона.

Ключевые слова

Горный Алтай, верхний палеолит, каменные ударно-абразивные орудия, инструменты для расщепления, функциональный анализ, эксперимент, 3D-моделирование

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность». Региональные корреляционные исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения *Homo sapiens* в Азии».

Авторы выражают благодарность канд. геол.-минерал. наук Н. А. Кулик, выполнившей петрографические определения.

Для цитирования

Белоусова Н. Е., Селецкий М. В., Федорченко А. Ю. Инструменты для обработки каменного сырья в индустриях начального и раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 36–48. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-36-48

© Белоусова Н. Е., Селецкий М. В., Федорченко А. Ю., 2023

Tools for Stone Raw Material Treatment in the Initial and Early Upper Palaeolithic Industries of the Ust-Karakol-1 Site (Excavation Area, 1986)

Natalya E. Belousova¹, Maksim V. Seletskiy² ✉
Aleksandr Yu. Fedorchenko³

¹⁻³ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ consacrer@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

² archmax95@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

³ winteralex2008@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Abstract

Purpose. This article studies tools for stone raw material treatment found in the Ust-Karakol-1 site collection in Altai (excavation area, 1986).

Results. We have established that the latest industry of this site, tentatively correlated with the Middle stage of the Upper Palaeolithic, includes one hammer made of the end-core of fine-grained sedimentary rock. We have identified a pebble hammer flake and retouchers made of coarse-grained sedimentary rocks in the Ust-Karakolian horizon of the Early Upper Palaeolithic. The site inhabitants used flattened and end natural surfaces of pebbles' fragments for retouching, in some cases the base was additionally modified by flakes. We only recorded tools for pecking on the horizons of the Early Upper Palaeolithic Kara-Bomian tradition. These tools are distinguished by the secondary use of cores and technical flakes as bases, the choice of workpieces from homogeneous fine-grained volcanic and sedimentary rocks, and the use of subrectangular sections of the flaked surface with pronounced edges. These tools are characterized by several working zones and intensive modification of the original relief as a result of utilization.

Conclusion. We consider the noted features of percussive-abrasive tools at different stages of site settlement are conditioned by technological and raw material strategies of the bearers of the Early and Initial Upper Palaeolithic traditions, their economic and cultural stereotypes.

Keywords

Gorny Altai, Upper Paleolithic, stone percussive-abrasive tools, knapping tools, functional analysis, experiment, 3D modelling

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 19-78-10053 "The dynamics of cultural development and human colonization of Altai at the onset of the Upper Paleolithic: life support strategies, paleotechnologies, mobility".

Regional correlation studies were carried out with the support of the project no. 19-18-00198 "The formation of Initial Upper Paleolithic culture in eastern Central Asia and South Siberia: polycentrism or transfer of cultural traditions along the northern route of Homo sapiens dispersal in Asia".

For citation

Belousova N. E., Seletskiy M. V., Fedorchenko A. Yu. Tools for Stone Raw Material Treatment in the Initial and Early Upper Palaeolithic Industries of the Ust-Karakol-1 Site (Excavation Area, 1986). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 36–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-36-48

Введение

Современный этап исследований палеолитических объектов российского Алтая отличает окончательное оформление и развитие комплексного подхода к изучению каменных ударно-абразивных инструментов как самостоятельного направления научного поиска [Славинский и др., 2017; Селецкий и др., 2020; Белоусова и др., 2022]. Под ударно-абразивными инструментами в палеолитоведении принято понимать разнообразную по своей морфологии и назначению категорию артефактов, используемых для совершения операций по обработке минерального и органического сырья, доступного человеку в древности [Степанова, 2015]. Внедрение в практику археологических изысканий комплексного анализа отбойников, ретушеров и других инструментов активного действия существенно расширяет наши представле-

ния о каменной индустрии, позволяя выйти на уровень более глубоких реконструкций производственной и хозяйственной деятельности древнейших обитателей региона.

Предметом настоящего исследования выступили верхнепалеолитические каменные ударно-абразивные орудия из коллекции 1986 г. многослойного памятника Усть-Каракол-1. Стоянка является ключевым археологическим объектом в рамках определения технологических и типологических характеристик культурных традиций верхнего палеолита Алтая. При общем сходстве производственной активности и сырьевой базы на этапах заселения стоянки Усть-Каракол-1 в начальном и раннем верхнем палеолите (далее – НВП и РВП) формировались технокомплексы, демонстрирующие существенные различия в поведенческих, хозяйственных, экономических и культурных аспектах. Проведенный ранее анализ [Белоусова и др., 2021] позволил предположить дискретное залегание на данном участке памятника материалов среднего (?) этапа верхнего палеолита (горизонт А, слой 2), индустрий усть-каракольской (горизонт В, слой 5) и кара-бомовской (горизонты С и D, слой 5) традиций раннего и начального верхнего палеолита. По углю из одного кострища геологического слоя 5 (горизонт В) в начале 1990-х гг. были получены радиоуглеродные определения от $29\,900 \pm 2\,070$ (ИГАН-837) до $31\,410 \pm 1\,160$ (СОАН-2515); по кости бизона из слоя 2 (горизонт А) получена дата $28\,700 \pm 850$ (СОАН-2614) [Деревянко и др., 1990]. Отчетливая картина культурно-хронологической последовательности и структуры отложений делает материалы стоянки информативным источником для реконструкции роли каменного инструментария в общих технологических процессах, а также способствует определению его специфики на разных этапах верхнего палеолита.

Материалы и методы исследования

Исследование базировалось на изучении верхнепалеолитических археологических коллекций 1986 г., составляющих в совокупности около 750 артефактов [Деревянко и др., 1990]. Выборка и анализ артефактов, идентифицированных как инструменты для обработки каменного сырья, основывались на использовании технологического и экспериментально-трассологического методов, дополнялись результатами трехмерного моделирования и визуализации. Было изучено восемь орудий с определяемыми следами обработки минерального сырья, шесть из которых ранее не были известны (см. таблицу). В выборку вошли отбойник (1 экз., № 1) и скол с отбойника (1 экз., № 2), ретушеры (3 экз., № 3–5) и инструменты для обработки поверхности в технике пикетажа (3 экз., № 6–8). Отбойник № 1 принадлежал комплексу геологического слоя 2, остальные предметы были зафиксированы на разных уровнях слоя 5.

Исследование артефактов на микроуровне проводилось посредством микроскопа Альтами СМ0745-Т (увеличение $\times 7$ – $\times 45$). В процессе 3D-моделирования ударно-абразивных орудий использовался сканер структурированного подсвета «RangeVision Pro 5m» [Чистяков и др., 2021]. Для постобработки полученных моделей, определения метрических характеристик и объема, построения карты кривизны сетки и фиксации макроследов утилизации применялись программы «RangeVision ScanCentre», «Geomagic Wrap», «Geomagic Design X», «Keyshot 10». Диагностика минерального сырья проводилась посредством микроскопа МБС-10. Поверхности орудий в рабочих зонах выраженных изменений не имеют, поэтому определяемую твердость по шкале Мооса можно считать действительной; в качестве исключений могут рассматриваться ретушеры № 3 и 4 из-за наблюдаемых следов эрозии поверхности отдельных граней. Работа также базировалась на сравнительных исследованиях новых данных и опубликованных материалов по верхнепалеолитическому инструментарию стоянок Южной Сибири с близкой сырьевой базой [Славинский и др., 2017; Харевич и др., 2020; Белоусова и др., 2022]. Для сопоставления привлекались собственные экспериментальные эталоны инструментов для пикетажа, полученные на алтайском сырье в рамках производства крупных пластин. Планиграфические исследования играли второстепенную роль и были направлены на уточнение культурно-хронологического и технологического контекста инструментария.

Инструменты для обработки каменного сырья, стоянка Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 г.)
Tools for Stone Raw Material, Ust-Karakol-1 Site (Excavation Area, 1986)

Характеристики орудий	Орудия							
	Отбойник	Скол с отбойника	Ретушеры			Инструменты для пикетажа		
№	1	2	3	4	5	6	7	8
Арх. горизонт	A	В (РВП)	В (РВП)	В (РВП)	В (РВП)	D (НВП)	D (НВП)	C (НВП)
Тип основы орудия	нуклеус торцовый для пластин	галька	фрагмент гальки	овальная галька	уплощенная галька	нуклеус объемный для пластин	нуклеус объемный для пластин	скол подправки дуги скальвания нуклеуса для пластин
Тип фрагментации / модификации	целый	утилизация, фрагментизация, контрудар. скол	целый, основа модифицирована сколами	целый, естественные изменения поверхности	целый или продольно фрагментирован	расщеплен после использования	целый	целый, аккомодация по краям
Тип сырья	тонкозернистое осадочное	крупнозернистое осадочное	крупнозернистое осадочное	крупнозернистое осадочное	крупнозернистое осадочное	тонкораскр. вулканоген.	тонкораскр. вулканоген.	тонкозернистое осадочное
Длина (мм)	75,61	56,34	62,33	114,26	155,76	68,38	109,37	107,82
Ширина (мм)	58,45	54,91	47,19	62,39	70,21	58,49	56,76	61,77
Толщина (мм)	36,54	11,59	38,22	37,26	25,81	31,3	53,24	34,54
Объем (куб. мм)	72 664,34	16 625	41 915	171 992,35	216 386	77 393	171 489	72 522
Вес (г)	208	45,8	149,1	466,1	595,7	216,8	460,4	205,7
Количество рабочих зон	1	1	1	1	1	3	2	2
Положение рабочей зоны	округлое основание нуклеуса	не определено	плоскость естественной грани	плоскость естественной грани	естественное ребро	плоскости негативов и ребра фронта	плоскость к/ф и ребро латерали нуклеуса	границы и ребра дорсальной поверхности
Рельеф рабочей зоны	выровнен, слабовыпукл.	не определен	не изменен, прямой	не изменен, слабовыпукл.	не изменен, выпуклый	изменен, вогнутый	изменен, вогнутый, прямой	изменен, вогнутый
Характер рабочей поверхности	сколовая	галечная	галечная	галечная	галечная	сколовая	галечная, галечно-сколовая	сколовая

Результаты исследования

В результате технологического и экспериментально-трасологического анализа с применением методов 3D-визуализации были установлены функции восьми ударно-абразивных орудий коллекции 1986 г. стоянки Усть-Каракол-1. Согласно данным геолого-минералогических исследований, в качестве основ инструментов древние обитатели памятника всегда использовали местные породы камня из ближайших вторичных источников, приуроченных к руслам Ануя и Каракола.

Отбойники и их фрагменты. В качестве отбойника (рис. 1, 1–3; таблица, № 1) использовался торцовый нуклеус с негативами мелких пластин из тонкозернистой осадочной породы. Орудие целое, его вес составляет 208 г. Твердость породы – 5,5–6,0 по шкале Мооса. Единственная рабочая зона приурочена к округлому участку сколовой поверхности основания нуклеуса, представляющего собой одну из вершин основы. Поверхность в зоне износа слабовыпуклая, сильно забита и выкрошена, по краям участка читаются мелкие негативы, направленные от центра на смежные поверхности. В центре изношенного участка отмечена единственная крупная выбоина, сформированная серией ударов с последующим выкрашиванием; здесь же и по краям рабочей зоны фиксируются более мелкие округлые выбоины. Рельеф участка был существенно выровнен в результате износа. Артефакт зафиксирован в зоне кв. А-12 археологического горизонта А (геологический слой 2), для которого характерны слабая насыщенность археологическим материалом (около 80 артефактов на 40 кв. м вскрытой площади), отсутствие технологических или планиграфических скоплений, а также привнесенные на фоне биотурбаций элементы нижележащих комплексов.

Фрагмент другого отбойника из гальки крупнозернистой осадочной породы представлен сколом, который, судя по морфологии вентральной поверхности, мог быть снят в результате контрударного импульса в процессе использования инструмента (рис. 1, 4, 5; таблица, № 2). Рабочая зона орудия была локализована на естественной галечной поверхности, скол захватил ее периферийную часть. Рядом с точкой удара наблюдаются мелкая забитость и выбоинки, присутствуют мелкие остаточные негативы вдоль латерали скола. Твердость породы варьирует от 4,5 до 6,5 по шкале Мооса. Скол зафиксирован в зоне кв. А-6 археологического горизонта В (геологический слой 5), для которого характерны слабая насыщенность находками (около 200 экз. на 88 кв. м), наличие кострищных пятен и единичных технологических скоплений.

Ретушеры. Следы износа, характерные для ретуширования каменных заготовок, выявлены на плоской и широкой естественной грани небольшого фрагмента гальки крупнозернистой осадочной породы, дополнительно модифицированного сколами (рис. 2, 3–5; таблица, № 3). Негативами нескольких снятий сформировано ребро, противоположащее рабочей зоне. Орудие можно рассматривать как целое, его вес составляет 149,1 г. Твердость породы на галечной поверхности составляет от 4,5 по шкале Мооса. В зоне износа преобладают короткие линейные зарубки; в отдельных случаях они примыкают друг к другу, формируя более удлиненные, полулунные в плане следы; единичные зарубки располагаются группами субпараллельно. Также представлены кометообразные следы (выбоинка, от которой отходит линейный след), расположенные субпараллельно и не образующие групп. Рельеф естественной поверхности в результате использования практически не изменен. Артефакт выявлен в зоне кв. Д-8 горизонта В.

Другой инструмент для ретуширования составлен из пяти фрагментов гальки зернистой осадочной породы (рис. 2, 1, 2; таблица, № 4). В восстановленном состоянии ретушер имеет удлиненную форму, наиболее массивная его часть у вершины; вес предмета составляет 466,1 г. Вдоль одной из сторон основы и на вершине орудия отмечены признаки сильного изменения поверхности, сглаживание ребер, наиболее интенсивные в зонах поперечной фрагментации (естественная эрозия сырья или последствия термического воздействия?), что ограничивает возможности интерпретации. Твердость породы варьирует от 4,5 до 6,0 по шкале Мооса.

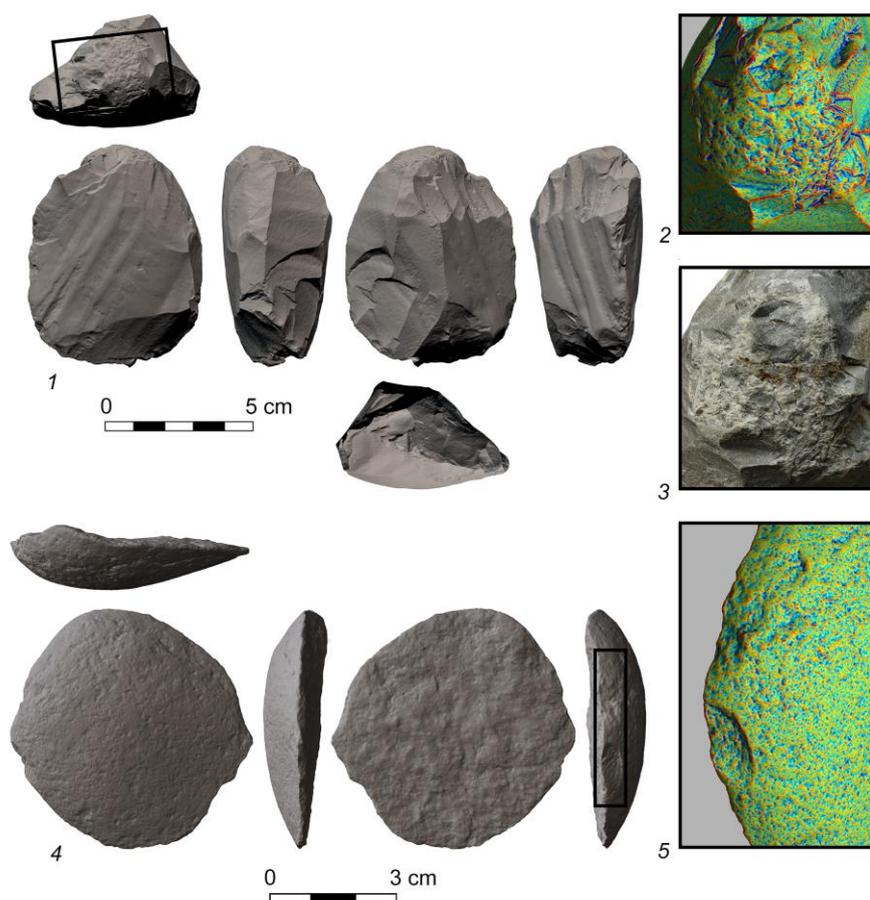

Рис. 1. Каменные отбойники и их фрагменты, стоянка Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 г.):

1 – отбойник для обработки минерального сырья, горизонт А (№ 1); 2 – визуализация рабочей зоны отбойника № 1, выполненная на основе карты кривизны сетки; 3 – макрофотография рабочей зоны отбойника № 1; 4 – скол с отбойника для обработки минерального сырья, горизонт В (№ 2); 5 – визуализация контактной зоны отбойника № 2, выполненная на основе карты кривизны сетки

Fig. 1. stone hammers and their fragments, the Ust-Karakol-1 site (excavation area, 1986):

1 – hammer for stone raw material treatment, horizon A (№ 1); 2 – visualization of the working surface of the hammer № 1, based on a mesh curvature map; 3 – macro-photo of the working surface of the hammer № 1; 4 – flakes from a hammer for stone raw material treatment, horizon B (№ 2); 5 – visualization of the working surface of the hammer № 2, based on a mesh curvature map

Отчетливые признаки износа были выявлены на уплощенной естественной грани, смежной с вершиной основы. Признаки утилизации представлены крупными лунками, к ним не примыкают линейные следы. Ниже расположены более мелкие лунки, выщербины, примыкающие к ним. С частью выщербин связаны единичные линейные следы, ориентированные между вершиной и одной из латералей. Рельеф естественной поверхности в результате использования практически не изменен. Фрагмент орудия, несущий следы износа, как и четыре других элемента ремонтажа, были обнаружены на участке кв. Г-9, один элемент в зоне кв. В-7 горизонта В. Судя по характеру расположения фрагментов в основном скоплении (на удале-

нии 0,05–0,30 м), морфологии элементов и их одинаковому специфическому состоянию сохранности, мы предполагаем, что артефакт был фрагментирован по естественным трещинам в процессе утилизации или под воздействием естественных факторов уже после его использования.

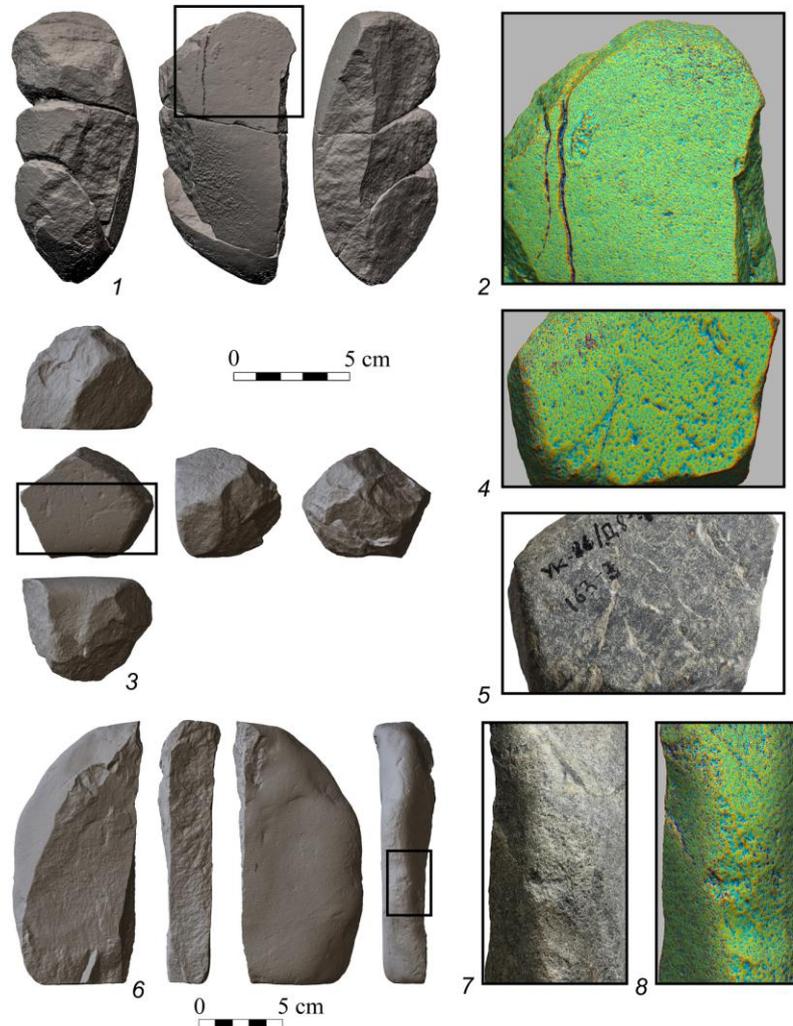

Рис. 2. Каменные ретушеры, стоянка Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 г.):

1 – инструмент № 4, горизонт B; 2 – визуализация рабочей зоны ретушера № 4, выполненная на основе карты кривизны сетки; 3 – инструмент № 3, горизонт B; 4 – визуализация рабочей зоны ретушера № 3, выполненная на основе карты кривизны сетки; 5 – макрофотография рабочей зоны ретушера № 3; 6 – инструмент № 5, горизонт B; 7 – макрофотография рабочей зоны ретушера № 5; 8 – визуализация рабочей зоны ретушера № 5, выполненная на основе карты кривизны сетки.

Fig. 2. Stone retouchers, the Ust-Karakol-1 site (excavation area, 1986):

1 – tool № 4, horizon B; 2 – visualization of the working surface of the retoucher № 4, based on a mesh curvature map; 3 – tool № 3, horizon B; 4 – visualization of the working surface of the retoucher № 3, based on a mesh curvature map; 5 – macro-photo of the working surface of the retoucher № 3; 6 – tool № 5, horizon B; 7 – macro-photo of the working surface of the retoucher № 5; 8 – visualization of the working surface of the retoucher № 5, based on a mesh curvature map

Третий ретушер представлен фрагментом уплощенной гальки крупнозернистой осадочной породы, расколотой продольно по удлинению и уплощению (рис. 2, 6–8; таблица, № 5). Орудие можно рассматривать в качестве целого инструмента или фрагмента; его вес – 595,7 г. Твердость породы варьирует от 4,5 до 6,0 по шкале Мооса. Небольшая рабочая зона локализована в медиальной части узкого естественного окатанного ребра; естественная поверхность слабо изменена в результате износа. Вдоль ребра гальки фиксируются единичные мелкие негативы от выкрашивания, сформированные в результате удара. Присутствуют единичные, редко группирующиеся выбоинки, которые перекрывают естественную поверхность и мелкие негативы. Артефакт обнаружен в зоне кв. Е-11 горизонта В.

Инструменты для пикетажа. В качестве основы первого орудия выступил объемный нуклеус для пластин из однородной тонкораскристаллизованной вулканогенной породы (рис. 3, 1–3; таблица, № 6). Твердость породы – около 5,5 по шкале Мооса. На подпрямоугольном участке торцевой части нуклеуса, примыкающей к естественной уплощенной латерали, выявлен блок из двух крупных зон со следами забитости и истертости, с микротрещинами и мелкими выбоинами; на контрфронте ядрища – третий, меньший по площади участок с аналогичным набором признаков износа. Судя по наложению негативов, после использования изделие вновь подверглось расщеплению в прежней системе. В результате одна из рабочих зон была частично редуцирована с двух сторон. Описанное изделие, как и следующее, было обнаружено в горизонте D. Данная пространственная структура представлена компактным планиграфическим скоплением в кв. Е/Д-7 (менее 2 кв. м), включающим около 50 артефактов и залегающим на 0,4 м ниже основного горизонта С. Коллекция в данном случае представляет собой выборку из инструментов, нуклеусов, пренуклеусов, заготовок и орудий и предварительно рассматривается как клад домашнего или экономического типа.

В качестве основы для другого инструмента группы выступил бипродольный объемный нуклеус для пластин на небольшой уплощенной гальке тонкораскристаллизованной вулканогенной породы (рис. 3, 7–11; таблица, № 7). Предмет является целым; его вес составляет 460,4 г. Твердость породы – около 5,5–6,0 по шкале Мооса. Основная рабочая зона, связанная с использованием для обработки поверхностей каменных артефактов пикетажем, локализована в центральной части подпрямоугольного галечного контрфронта нуклеуса и распространяется на естественную поверхность смежных латералей. В результате использования была частично выработана галечная поверхность, открылась внутренняя зернистая структура породы, и сформировался ячеистый микрорельеф. Естественное понижение рельефа поверхности контрфронта стало более выраженным, особенно отчетливо – в отдельных зонах, приуроченных главным образом к естественным ребрам. На участке интенсивного срабатывания фиксируются короткие линейные зарубки, по его краям – мелкие негативы, направленные от центра. Контуры зоны слабовыраженные, выделяются более шероховатой и забитой поверхностью в сравнении с неизменной естественной. Вторая зона приурочена к прямому острому ребру между сколовой поверхностью и естественной латералью, смещена к фронту; для участка характерен слабый износ, нет выраженного понижения рельефа. На ребре наблюдаются перпендикулярно ориентированные зарубки, в центральной части рабочего участка – выщербины. На сколовой поверхности зоны износа прослежены выбоинки и выщербины, чем ближе к ребру, тем больше выбоинок, чем дальше – тем больше выщербин. К последним примыкают линейные следы. Присутствуют мелкие негативы, ориентированные на обе грани, единичные кольцевые трещины. Артефакт обнаружен в зоне кв. Д-7 горизонта D.

Последнее орудие для пикетажа выполнено на подтрапецевидном сколе подправки дуги скалывания нуклеуса для пластин (рис. 3, 4–6; таблица, № 8), что подтверждается данными ремонтажа [Славинский, 2007]. Порода однородная мелкозернистая осадочная, твердость составляет около 5,5 по шкале Мооса. Инструмент является целым, его вес – 205,7 г. Основная рабочая зона приурочена к центральной части продольного ребра дорсальной поверхности со смещением на выпуклую грань. Зону износа формируют ступенчатые зарубки перпендикулярной и диагональной ориентации, неглубокие выбоины и микротрещины; в результате

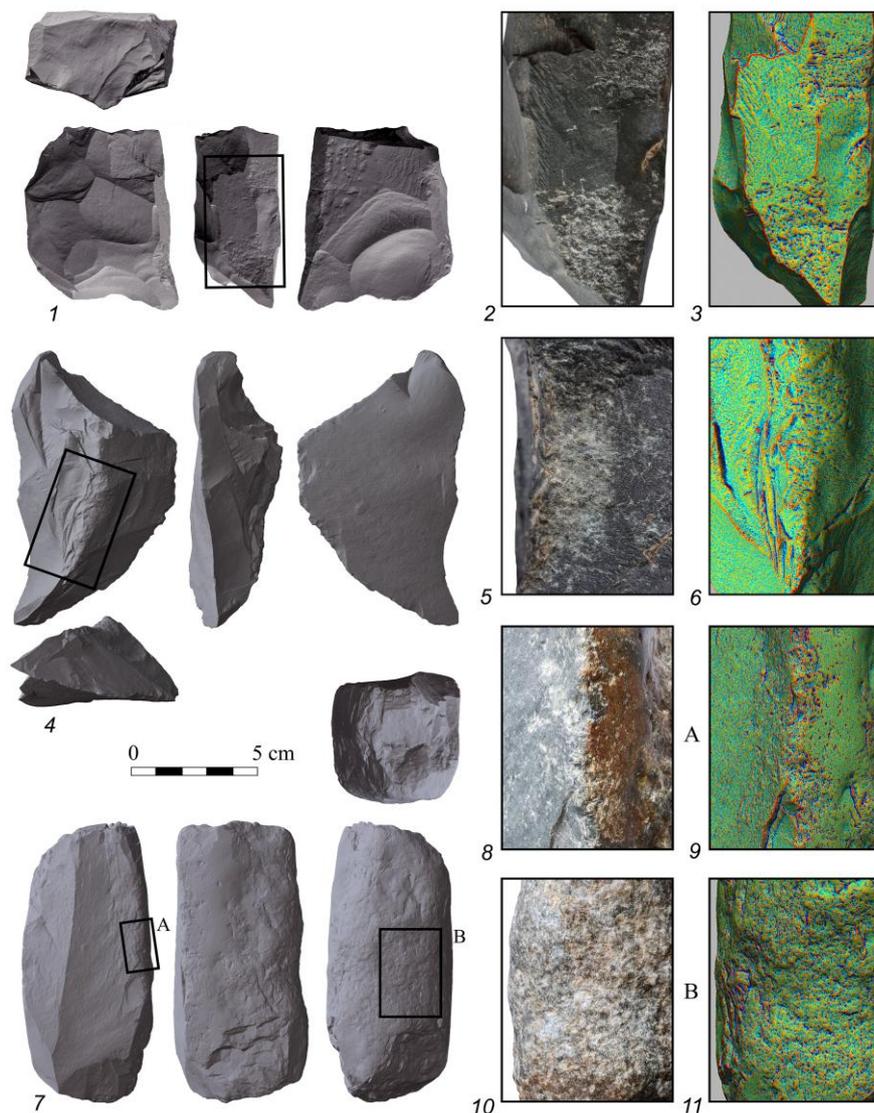

Рис. 3. Каменные инструменты для обработки пикетажем, стоянка Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 г.):

1 – инструмент № 6, горизонт D; 2 – макрофотография рабочей зоны инструмента № 6; 3 – визуализация рабочей зоны инструмента № 6 на основе карты кривизны сетки; 4 – инструмент № 8, горизонт C; 5 – макрофотография рабочей зоны инструмента № 8; 6 – визуализация рабочей зоны инструмента № 8 на основе карты кривизны сетки; 7 – инструмент № 7, горизонт D; 8, 10 – макрофотографии рабочих зон инструмента № 7; 9, 11 – визуализация рабочих зон инструмента № 7 на основе карты кривизны сетки

Fig. 3. Stone tools for pecking, the Ust-Kararol-1 site (excavation area, 1986):

1 – tool № 6, horizon D; 2 – macro-photo of the working surface of the tool № 6; 3 – visualization of the working surface of the tool № 6, based on a mesh curvature map; 4 – tool № 8, horizon C; 5 – macro-photo of the working surface of the tool № 8; 6 – visualization of the working surface of the tool № 8, based on a mesh curvature map; 7 – tool № 7, horizon D; 8, 10 – macro-photo of the working surface on tool № 7; 9, 11 – visualization of the working surface of the tool № 7, based on a mesh curvature map

использования участок приобрел вогнутый рельеф. Рабочая зона меньших размеров располагалась в центральной части поперечного слабовыпуклого ребра, следы и характер модификации менее выражены, однако аналогичны по облику. Противолежащие края скола-основы были притуплены прямыми ударами по краю, предположительно, с целью аккомодации. Выражены забитости и многочисленные мелкие негативы, ориентированные на вентральную и дорсальную поверхности. Изделие выявлено в кв. Г-6 горизонта С. Для последнего характерна относительно высокая насыщенность находками (около 380 артефактов на 112 кв. м) при высокой плотности залегания, кострищные пятна и множественные выраженные технологические скопления.

Обсуждение и выводы

В настоящий момент мы можем рассматривать представленный набор инструментов для обработки камня как относительно полный; были изучены все артефакты, обладающие признаками износа, достаточно выразительными для идентификации. Данные пространственного распределения указывают на отчетливую специфику инструментария разных этапов заселения стоянки. Согласно полученным данным, наиболее поздняя индустрия (горизонт А), соотносимая со средним (?) этапом верхнего палеолита, включает один отбойник на небольшом торцовом нуклеусе из тонкозернистой осадочной породы. В комплексе усть-каракольской традиции РВП (горизонт В) выявлен фрагмент отбойника на гальке и ретушеры из крупнозернистых осадочных пород. Для ретуширования использовались уплощенные и торцовые естественные поверхности фрагментов галек, в отдельных случаях основа дополнительно модифицировалась сколами.

В археологических подразделениях кара-бумовской традиции НВП (горизонты С и D) зафиксированы только орудия для пикетажа, применяемые в рамках подготовки зон расщепления нуклеусов к скалыванию и, возможно, других операций со схожей кинематикой. Инструменты для пикетажа стоянки отличает вторичное использование нуклеусов и технических сколов в качестве основ, выбор заготовок из однородных тонкозернистых вулканогенных и осадочных пород с относительно высокой плотностью и твердостью (5,5–6,0), использование подпрямоугольных участков сколовой поверхности с выраженными ребрами. Для артефактов данной группы характерно наличие нескольких рабочих зон, а также интенсивная модификация исходного рельефа в результате износа, приводящая к выравниванию ребер и/или формированию вогнутой поверхности. Аналогичные следы утилизации характерны для экспериментальных инструментов, полученных при обработке зон расщепления нуклеусов для пластин в технике пикетажа (рис. 4). Рабочие зоны эталонов, приуроченные к ребрам и граням фронта (рис. 4, 1–5), участкам галечной поверхности (рис. 4, 7, 8) или ребрам дорсальной поверхности сколов (рис. 4, 9–11), отличают кучно расположенные поперечно ориентированные линейные зарубки, выбоинки и следы забитости. Для зон износа характерно выполаживание рельефа исходной поверхности и его дальнейшее углубление в результате микровыкрашивания; в случае высокого ребра формируются признаки забитости и мелкие негативы, ориентированные на обе грани (см. рис. 4, 9–11).

Зафиксированные функциональные различия и специфику ударно-абразивных орудий разных этапов заселения стоянки Усть-Каракол-1, по нашему мнению, вполне допустимо рассматривать как следствие ряда общих предпосылок – систем технологических и сырьевых стратегий носителей разновременных традиций, их хозяйственных и культурных стереотипов. Аргументируя данное предположение, стоит обратить внимание на материалы памятника Ануй-2, где представлена близкая культурно-хронологическая последовательность и самая обширная в регионе коллекция ударно-абразивных инструментов верхнего палеолита [Белоусова и др., 2022]. Согласно опубликованным данным, материалы памятника отражают тенденции в типологии и функции орудий, абсолютно аналогичные зафиксированным нами

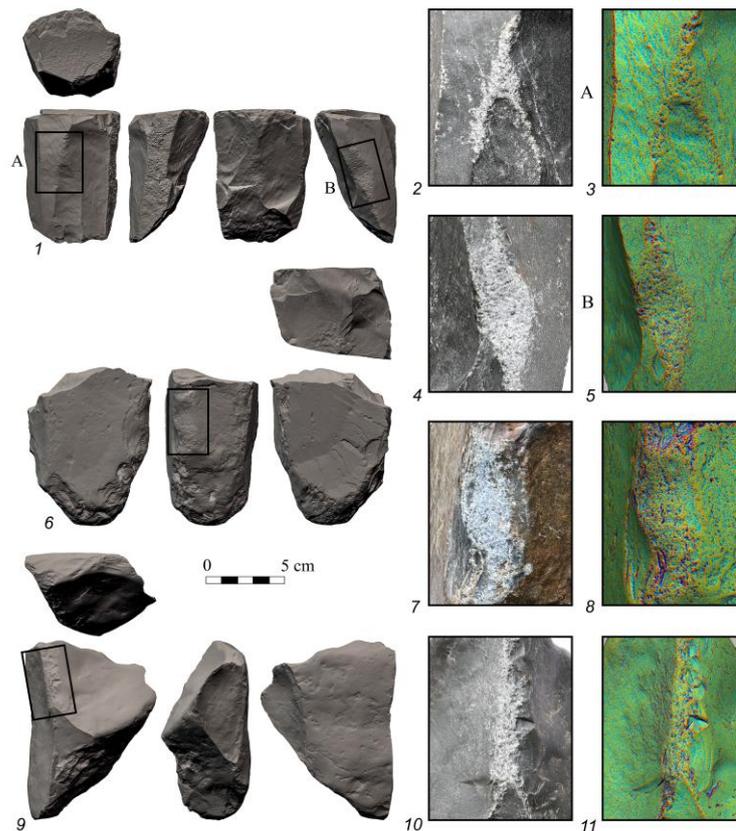

Рис. 4. Экспериментальные эталоны инструментов для обработки пикетажем зоны расщепления объемных нуклеусов для пластин:
1, 6, 9 – 3D-модели инструментов; 2, 4, 7, 10 – визуализация рабочих зон инструментов, выполненная на основе карты кривизны сетки; 3, 5, 8, 11 – макрофотографии рабочих зон инструментов

Fig. 4. Experimental tools for processing fracture zones of volumetric core for blades by pecking:

1, 6, 9 – 3D model of tools; 2, 4, 7, 10 – visualization of the tools working surface, based on a mesh curvature map; 3, 5, 8, 11 – macro-photo of the tools working area

на стоянке Усть-Каракол-1, как для комплексов раннего, так и начального верхнего палеолита. Предположение о главенствующей роли системных и культурных факторов в формировании набора инструментария верхнепалеолитических обитателей Алтая также подтверждают данные о специфичности орудий для пикетажа в контексте индустрий НВП как Алтайского региона – Кара-Бом, Усть-Каракол-1, Ануй-2, так и ряда других областей – Севера Казахстана, Забайкалья и Монголии [Славинский и др., 2017]. Хозяйственная специфика комплексов, скорее всего, также накладывала определенный отпечаток на типологию инструментария, однако данная сторона алтайских индустрий на настоящий момент является практически неизученной и требует дальнейшего более глубокого анализа, базирующегося не только на данных о составе индустрий, но и обосновании их гомогенности.

Список литературы

Белусова Н. Е., Селецкий М. В., Федорченко А. Ю., Постнов А. В., Шуньков М. В.
Функции каменных ударно-абразивных орудий памятника Ануй-2: предварительные ре-

зультаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 28. С. 58–65.

- Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Вишневецкий А. В., Михиенко В. А., Селецкий М. В., Маркин С. В.** Различия археологических комплексов начального и раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 // Верхний палеолит Европы: Время культурных новаций: Тез. Междунар. научн. конф. (6–8 декабря 2021 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 28–29.
- Деревянко А. П., Гричан Ю. В., Дергачев М. И., Зенин А. Н., Лаухин С. А., Левковская Г. М., Малолетко А. М., Маркин С. В., Молодин В. И., Оводов Н. Д., Петрин В. Т., Шуньков М. В.** Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1990. 158 с.
- Селецкий М. В., Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е.** Опыт функционального исследования ударно-абразивных орудий палеолитических комплексов Горного Алтая // Актуальная археология 5: Материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых. СПб.: Невская Типография, 2020. С. 161–164.
- Славинский В. С.** Индустрии ранневерхнепалеолитических уровней обитания стоянки Усть-Каракол (материалы раскопа 1986 г.) // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 2. С. 197–214.
- Славинский В. С., Рыбин Е. П., Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Хаценович А. М., Анойкин А. А.** Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // *Stratum plus*. 2017. № 1. С. 221–244.
- Степанова К. Н.** Классификации ударно-абразивных орудий верхнего палеолита // Зап. ИИМК. 2015. № 11. С. 7–21.
- Харевич В. М., Зоткина Л. В., Анойкин А. А., Таймагамбетов Ж. К.** Вспомогательные инструменты расщепления в каменных индустриях начальной поры верхнего палеолита (по материалам стоянки Ушбулак) // *Stratum plus*. 2020. № 1. С. 239–256.
- Чистяков П. В., Бочарова Е. Н., Колобова К. А.** Обработка трехмерных моделей археологических артефактов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 48–61. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-48-61

References

- Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Vishnevsky A. V., Mikhienko V. A., Seletsky M. V., Markin S. V.** Razlichiya arkhelogicheskikh kompleksov nachal'nogo i rannego verkhnego paleolita stoyanki Ust'-Karakol-1 [Differences between the archaeological complexes of the initial and early Upper Paleolithic of the Ust-Karakol-1 site]. In: Verkhniy paleolit Evropy: Vremya kul'turnykh novatsii [Upper Paleolithic of Europe: Time of cultural innovations]. Abstracts of the International scientific conference (December 6–8, 2021, St. Petersburg). St. Petersburg, IHMC RAS Publ., 2021, pp. 28–29. (in Russ.)
- Belousova N. E., Seletsky M. V., Fedorchenko A. Yu., Postnov A. V., Shunkov M. V.** Functions of Stone Percussion-abrasive Tools from the Anui-2 Site: Preliminary Results. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 58–65. (in Russ.)
- Chistyakov P. V., Bocharova E. N., Kolobova K. A.** Processing Three-Dimensional Models of Archaeological Artifacts. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 48–61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-48-61
- Derevyanko A. P., Grichan Yu. V., Dergachev M. I., Zenin A. N., Laukhin S. A., Levkovskaya G. M., Maloletko A. M., Markin S. V., Molodin V. I., Ovodov N. D., Petrin V. T., Shunkov M. V.** Archaeology and paleoecology of the Palaeolithic of Gorny Altai. Novosi-

birsk, Institute of History, Philology and Philosophy SB AS USSR Publ, 1990, 158 p. (in Russ.)

Kharevich V. M., Zotkina L. V., Anoin A. A., Taimagambetov Zh. K. Auxiliary Knapping Tools in the Initial Upper Palaeolithic Stone Assemblages (with particular reference to the materials of the Ushbulak site). *Stratum plus*, 2020, no. 1, pp. 239–256. (in Russ.)

Seletsky M. V., Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E. Opyt funktsional'nogo issledovaniya udarno-abrazivnykh orudii paleoliticheskikh kompleksov Gornogo Altaya [Experience of functional study of percussive-abrasive tools of the Palaeolithic assemblages of Gorny Altai]. In: Aktual'naya arkheologiya 5 [Actual archeology 5]. Proceedings of the international scientific conference of young scientists. St. Petersburg, Nevskaya Tipografiya, 2020, pp. 161–164. (in Russ.)

Slavinsky V. S. Industrii ranneverkhnepaleoliticheskikh urovney obitaniya stoyanki Ust-Karakol (materialy raskopa 1986 g.) [Industries of the Early Upper Palaeolithic habitation levels at the Ust-Karakol site (materials of the excavation in 1986)]. In: Severnaya Aziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya [Northern Asia in the Anthropogene: Human, Paleotechnologies, Geoecology, Ethnology and Anthropology]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2007, vol. 2, pp. 197–214. (in Russ.)

Slavinsky V. S., Rybin E. P., Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Khatsenovich A. M., Anoin A. A. Specific Technique of Core Platform Preparation in the Initial Upper Palaeolithic of South Siberia and Central Asia. *Stratum Plus*, 2017, no. 1, pp. 221–244. (in Russ.)

Stepanova K. N. Classification of the percussive-abrasive tools from the Upper Palaeolithic sites of the Russian Plain. *Transactions of the IHMK*, 2015, vol. 11, pp. 7–21. (in Russ.)

Информация об авторах

Наталья Евгеньевна Белоусова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Scopus Author ID 57191634232
WoS Researcher ID R-2153-2016

Максим Владимирович Селецкий, младший научный сотрудник
Scopus Author ID 57219567761
WoS Researcher ID AAD-2284-2020

Александр Юрьевич Федорченко, научный сотрудник
Scopus Author ID 57189367702
WoS Researcher ID D-5485-2016

Information about the Authors

Natalia E. Belousova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher
Scopus Author ID 57191634232
WoS Researcher ID R-2153-2016

Maxim V. Seletskiy, Junior Researcher
Scopus Author ID 57219567761
WoS Researcher ID AAD-2284-2020

Alexander Yu. Fedorchenko, Researcher
Scopus Author ID 57189367702
WoS Researcher ID D-5485-2016

Статья поступила в редакцию 30.11.2022;
одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 10.01.2023
The article was submitted on 30.11.2022;
approved after reviewing on 10.01.2023; accepted for publication on 10.01.2023

Научная статья

УДК 902(574.54)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-49-60

Сырьевые источники и технико-типологическая характеристика местонахождения Жалгыз-агым в Северном Приаралье

Ыслам Серикович Курманиязов¹

Андрей Михайлович Чеха²

Рустем Турарбекович Дарменов³

Агабек Женисбекович Назаров⁴

¹ Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан

² Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

³ Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан

^{1,4} Кызылординский университет имени Коркыт Ата
Кызылорда, Казахстан

¹ egypt.993@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8737-2218>

² chekhandrej@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2427-7480>

³ darmenov_rustem@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5226-1291>

⁴ diz_agabek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7925-9266>

Аннотация

С момента выделения С. П. Толстовым в 1947 г. кельтеминарской культуры было открыто более 1 500 памятников данной культурной общности. Кельтеминарская культура берет истоки из местных мезолитических культур с пластинчатой микролитойной индустрией. Но, несмотря на хорошую изученность, у исследователей всё еще остаются вопросы, связанные с этой культурной общностью. Так, остается дискуссионным вопрос, единая это культура или речь идет о группе сходных культур, входящих в кельтеминарскую общность. Также нет общепринятой хронологии и периодизации, как и не ясны ее территориальные границы. Поэтому открытие и исследование новых стоянок кельтеминарской культуры поможет внести ясность в эти и другие нерешенные вопросы. Стоянка Жалгыз-агым открыта в 1950-х гг., но практически не исследована. Были установлены границы стоянки, и с ее поверхности собран археологический материал. В настоящее время ведутся работы по введению в научный оборот новых материалов этой стоянки, а также обработка уже имеющейся коллекции. Применение технико-типологического анализа позволило атрибутировать коллекцию каменных изделий стоянки Жалгыз-агым.

Ключевые слова

Северное Приаралье, Кызылординская область, неолит, кельтеминарская культура, пластины, вкладышевые изделия, скребла, скребки, наконечники

Благодарности

Работа выполнена в рамках научного проекта № AP09260400 «Сакский культурный комплекс Западной Сарыарки и Северного Приаралья», финансируемого Комитетом науки МОН РК (полевые исследования и работа в архивах музеев), и в рамках Государственного задания № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст» (анализ археологических материалов).

Выражаем благодарность НАО Кызылординскому университету имени Коркыт Ата

© Курманиязов Ы. С., Чеха А. М., Дарменов Р. Т., Назаров А. Ж., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 49–60
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 49–60

Для цитирования

Курманиязов Ы. С., Чеха А. М., Дарменов Р. Т., Назаров А. Ж. Сырьевые источники и технико-типологическая характеристика местонахождения Жалгыз-агым в Северном Приаралье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 49–60. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-49-60

Raw Materials Sources and Technical and Typological Characteristics of the Zhalgyz-agym Site in the Northern Aral Sea Region

Yslam S. Kurmaniyazov¹, Andrey M. Chekha²
Rustem T. Darmenov³, Agabek Zh. Nazarov⁴

¹ Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan

² Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

³ National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan

^{1,4} Korkyt Ata Kyzylorda University
Kyzylorda, Kazakhstan

¹ egypt.993@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8737-2218>

² chekhandrej@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2427-7480>

³ darmenov_rustem@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5226-1291>

⁴ diz_agabek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7925-9266>

Abstract

Purpose. In 2020, an expedition of the Korkyt Ata Kyzylorda University under the leadership of A. A. Tazhekeev and Y. S. Kurmaniyazov has examined the surface of the Zhalgyz-agym parking lot and collected archaeological material. Also in the local history and Local lore museum of the Aral Siti, Y. S. Kurmaniyazov has processed a previously unexplored collection of stone artifacts, storing in the funds, from the Zhalgyz-agym site.

Results. The Zhalgyz-agym Site is located on the border of the territory of the Aral Karakum Desert and the Aral Sea in the vicinity of Saryshyganak Bay. Like most of the early sites of the Celteminar culture located in the vicinity of Aral Siti and st. Saksaulskaya, the Site are confined to the surface of somewhat compacted and humified soil, the layer of which is now exposed by terraces on the slopes of sandy mounds. On the surface of this layer, one can find vertically standing core, piles of flakes, ash residues and osteological materials. The collection of the Zhalgyz-agym Site, both collected and provided by the museum fund, is represented by 547 stone artifacts. The technology of primary knapping contains a number of features that allow these artifacts to be attributed to the Mesolithic tradition. This is evidenced by both the shapes of the core – end, wedge-shaped, pencil-shaped – and the technology of their production and knapping.

Conclusion. The Zhalgyz-agym site can be attributed to the Celteminar culture, but since the collection of archaeological material took place from the surface of the site, its chronological and cultural characteristics were determined only by applying a technical and typological analysis of stone artifacts.

Keywords

Northern Aral Sea Region, Kyzylorda region, Neolithic, Kelteminar culture, plates, insert products, scrubbers, scrapers, points

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the scientific project no. AP09260400 “Saki cultural complex of Western Saryarka and the Northern Aral Sea” funded by a grant of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (field research and work in museum archives) and was carried out as part of the implementation of the State Task no. FWZG-2022-0003 “North Asia in the Stone Age: cultural dynamics and ecological context” (analysis of archaeological materials).

We wish to express our gratitude to the NAO Kyzylorda University named Korkyt Ata

For citation

Kurmaniyazov Y. S., Chekha A. M., Darmenov R. T., Nazarov A. Zh. Raw Materials Sources and Technical and Typological Characteristics of the Zhalgyz-agym Site in the Northern Aral Sea Region. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 49–60. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-49-60

Введение

В 2020 г. экспедицией Кызылординского университета имени Коркыт Ата под руководством А. А. Тажекеева и Ы. С. Курманиязова обследована поверхность стоянки Жалгыз-агым и собран археологический материал. Также в местном историко-краеведческом музее г. Арала Ы. С. Курманиязовым была обработана ранее не исследованная, хранящаяся в фондах коллекция каменных изделий со стоянки Жалгыз-агым, сбор артефактов которой производил офицер Советской армии В. И. Колосов в 1980–1983 гг.

Стоянка Жалгыз-агым (Шелги-загем) (N 46°50'31,87" E 061°37'30,09") расположена в 7,5 км к северу от железнодорожной станции «Аральское море» Аральского района Кызылординской области и в 3 км к юго-западу от железнодорожного разъезда «№ 86» (рис. 1).

Стоянка расположена на границе территории пустыни Приаральские Каракумы и Аральского моря вблизи залива Сарышыганак. Как и большинство ранних стоянок кельтеминарской культуры, расположенных в окрестности г. Аральск и ст. Саксаульская, стоянка приурочена к поверхности несколько уплотненной и гумифицированной почвы, слой которой сейчас выдается террасками на склонах песчаных бугров. На поверхности этого слоя можно встретить вертикально стоящие нуклеусы, груды отщепов, остатки золы и остеологические материалы. В дюнах ветром выдуты большие котлованы, достигающие глубиной до 3–5 м, в которых каменные орудия и обломки керамики лежат беспорядочно скоплениями и поодиночке в положении *in situ*. В то же время на этот слой насыпаны бугры песка высотой до 5–6 м, причем в песке таких бугров нет никаких орудий, керамики [Яншин, 1953].

Рельефное строение Приаральских Каракумом представляет собой слабохолмистую песчаную равнину с общим уклоном к Аральскому морю с абсолютными отметками от 55 до 71 м.

Рис. 1. Местонахождение стоянки Жалгыз-агым
Fig. 1. Location of the Zhalgыз-agym site

В научной литературе есть несколько гипотез сложения песков, основной среди них является «эоловая». Эоловые отложения Приаральских Каракумов сложены разнообразными по составу песками, связанного с различием генезиса материнских отложений, подвергавшихся размыванию и развеиванию. Пустыня сформировалась из меловых отложений, песков саксаульской свиты (верхний эоцен), древнего аллювия р. Тургай и современных морских осадков Аральского моря. Это бугристые пески, заросшие травянистой, полукустарниковой и кустарниковой псаммофитной растительностью. Основной рельеф пустыни представлен закрепленной растительностью буграми и редкими площадками, разбитыми песками – барханами. Местами сохранились древние останцы – столовые возвышенности.

Климат Северного Приаралья резко континентальный, относится к южным районам умеренного пояса. Зимы здесь довольно холодные и продолжительные вследствие проникновения сюда с севера антициклонов. Температура воздуха колеблется от -12°C в южной части до -15°C в северной части. Лето жаркое, в июле средняя температура удерживается на отметке около 25°C . Абсолютный максимум температуры воздуха достигает $+45^{\circ}\text{C}$ и минимум -45°C , тем самым амплитуда составляет около 87°C . Осадков в год в среднем выпадает 130–200 мм, причем максимум выпадает на зиму.

Археологическое изучение памятника и региона

Первые стоянки первобытных людей открыты геологами, географами и биологами, проводившими свои исследования в Приаралье в довоенный период.

В 1944 г. А. Л. Яншиным в 8 км к северу от станции Саксаульская, в верховьях балки, огибающей гору Терменбес, была найдена большая стоянка, получившая одноименное название «Саксаульская» [Яншин, 1953]. Позднее А. А. Формозов анализирует собранные подъемные материалы и публикует несколько статей, посвященных этому памятнику [Формозов, 1945; 1946; 1949]. По его мнению, Саксаульская стоянка датировалась концом III – началом II тыс. до н. э. и относилась к позднекельтеминарской культуре. Значительный сдвиг в археологии Юго-Западного Казахстана произошел с открытием памятников кельтеминарской культуры в Северном Приаралье под руководством А. А. Формозова. Его работы также нашли отражение в «Археологической карте Казахстана», которая была издана в 1960 г. в Алматы [Археологическая карта Казахстана, 1960].

Крупномасштабное изучение этого региона несколько десятилетий проводила Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (С. П. Толстов, А. В. Виноградов, Б. В. Андрианов, М. А. Итина).

В 1955 г. А. В. Виноградов проводил комплексную археологическую разведку на территории Аральского района и открыл многочисленные неолитические стоянки. Обстоятельно были обследованы окрестности г. Аральска в радиусе до 20–30 км, вплоть до станции Конту. В итоге собран подъемный материал из двадцати стоянок эпохи неолита, энеолита и бронзы. Также были открыты и обследованы группы стоянок Саксаульская II, Конту, Жалгыз-агым, Шулкум, Тапа и др. [Виноградов, 1959; Виноградов и др., 1973].

В 1954 и 1958 гг. А. В. Виноградовым были найдены и позже опубликованы небольшая стоянка Есен-тюбе и группа стоянок Жалпак. Исследованиями в 1963 и 1973 гг. обнаружена еще одна группа небольших разветвленных стоянок (Космола-1–6, Талас-1, Аймора-1), которые представляют собой разветвленные памятники, бедные находками, вытянутые в цепочки и тяготеющие к котловинам выдувания. В космолинской группе представлена керамика и кварцито-кремневая индустрия, но с малым количеством инвентаря. Керамические комплексы по аналогии с жалпакской группой и скоплением 2 из Саксаульской отнесены к поздненеолитическому времени [Виноградов, 1981].

Принципиально широкомасштабные работы начались в период независимости Казахстана. В течение 1998–1999 гг. были организованы разведочные работы, проводившиеся Российско-казахстано-киргизско-узбекской археологической экспедицией по изучению памят-

ников каменного века Центральной Азии под руководством академика РАН А. П. Деревянко. В результате совместной плодотворной работы были опубликованы статьи и написаны кандидатские диссертации [Искаков, 2006].

Проект INTAS CLIMAN 2002–2005 гг. «Holocene climatic variability and evolution of human settlement in the Aral Sea Basin» («Голоценовые изменения климата и эволюция поселений человека в бассейне Аральского моря») [Байпаков и др., 2004].

В 2004–2011 гг. в ходе разведочных работ в Северо-Восточном Приаралье Чирикратской археологической экспедиции (начальник экспедиции Ж. Курманкулов) был выпущен «Свод памятников Кызылординской области» на русском и казахском языках, в котором уточнено расположение памятников [Мамиров, 2007; Тажекеев, 2012].

Кельтеминарская культура берет истоки из местных мезолитических культур с пластинчатой микролитойной индустрией. Опираясь на коллекции каменных изделий, Г. Ф. Коробкова выделила три периода кельтеминарской культуры [Коробкова, 1969; 1996].

I период – ранний неолит. Для этого периода характерно наличие в инвентаре крупных пластин и микропластин с правильной огранкой, микролитов (треугольники и трапеции), скребков и др. К данному периоду следует относить стоянки Джанбаскала-4, 5, 12; Куняк I; Канат-5; Таджикиказган-6 (район Акчадарьинской дельты); Кугунек-22, Балаишем-9 (район Верхнего Узбоя); Агиспе; Саксаульская-1 (Северо-Восточное Приаралье) и мн. др.

II период – переходный (развитой) неолит. К нему относятся памятники, в индустрии и керамике которых сильно сказываются элементы раннего кельтеминара и появляются отдельные новые черты позднего характера, что может говорить о наличии отдельных культур или локальных групп внутри кельтеминарской культурной общности. Здесь можно отметить такие стоянки, как Кават-7; Дингильдже-6 (район Акчадарья); Лявлякан (Кызылкумы); пункты у колодца Ортакую (Верхний Узбой); Кызылқырская стоянка, Большой Тузган-11, 14, 28; Малый Тузган-1, 3 (низовья Зарафшана) и другие местонахождения.

III период – поздний неолит. Для этого периода характерно наличие на стоянках могил с сопутствующим инвентарем, появление останков домашних животных, рыб, свидетельств скотоводства и начатков земледелия. К нему следует относить большинство стоянок Северо-Восточного Приаралья, такие как Саксаульская-2; Бешбулак (Кызылкумы); Топографическая, Желги-Загем-3; Балаишем-8; Кугунек-14, 16 (Верхний Узбой); Таджикиказган-2, 3, 8; Камышлы-1, Учтаган-2 (Акчадарья) и др.

В свою очередь, А. В. Виноградов по материалам кельтеминарских стоянок выделил две большие хронологические группы, отражающие последовательные этапы развития кельтеминарской культуры. Ранний этап наиболее полно представлен материалами стоянок Джанбас-4, 5, 12; Куняк-1 (район Акчадарья); Кугунек-22; Бала-Ишим (Верхний Узбой); Агиспе и других в Северо-Восточном Приаралье. Все эти стоянки дают в основном материал, сходный как в формах и орнаментации керамики, так и в кремневом инвентаре.

Поздний этап представлен материалами таких крупных стоянок, как Джингельды-6, Таджики-казган-2, 3, 8 (Акчадарья), Лявлякан и Бешбулак (Кызылкумы), Саксаульская-2 (Северо-Восточное Приаралье) и десятков других. В материалах всех позднекельтеминарских стоянок очень сильны традиции, характерные для раннего этапа кельтеминарской культуры [Виноградов, 1981].

Результаты исследований

Коллекция стоянки Жалгыз-агым – как собранная, так и предоставленная музейным фондом – насчитывает 547 изделий из камня.

Первичное расщепление на стоянке незначительное, представлено шестью экземплярами. Все нуклеусы выполнены из темно-серого кварцита. В плане формы в коллекции имеются: конический призматический (1 экз.); торцово-клиновидные (3 экз.) и карандашевидные (2 экз.) нуклеусы (рис. 2, 1–3).

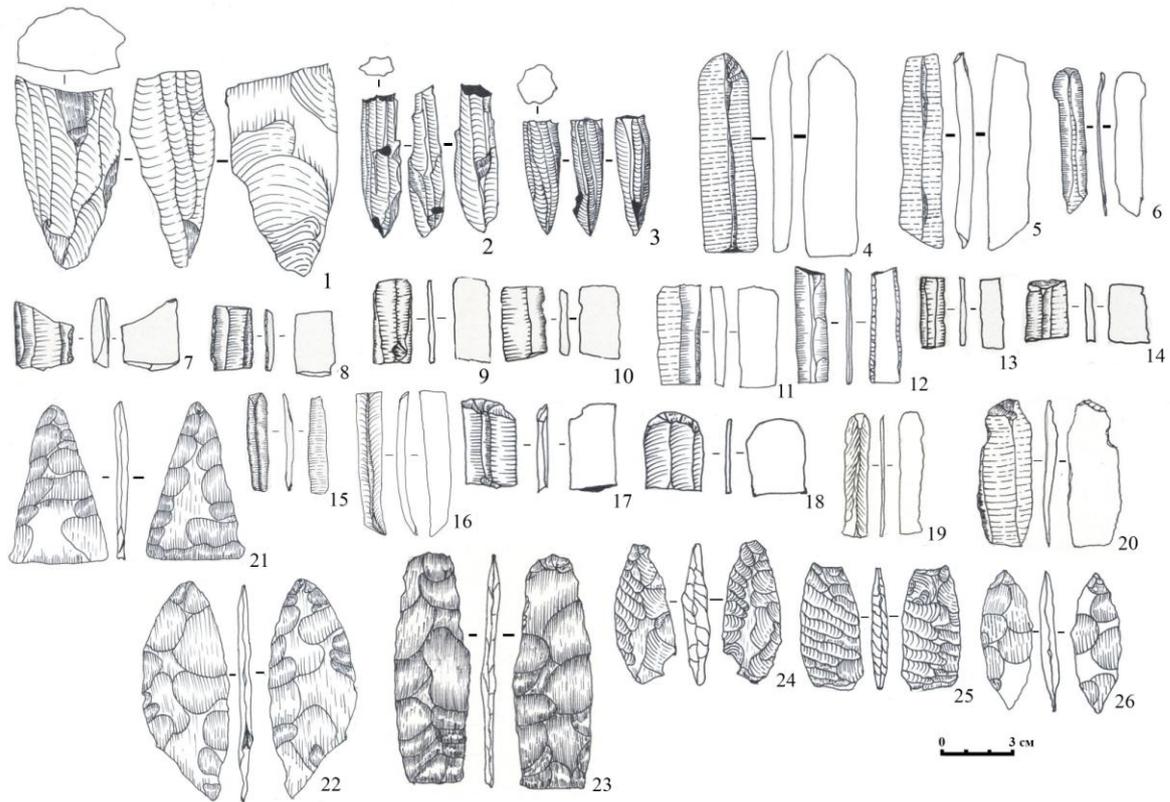

Рис. 2. Стоянка Жалгыз-агым. Каменные артефакты

1–3 – нуклеусы; 4–6, 19 – пластины; 7–14 – медиальные фрагменты пластин;
15, 16 – дистальные фрагменты пластин; 17, 18 – скребки; 20 – комбинированное орудие;
21–23 – наконечники копий; 24–26 – наконечники дротиков

Fig. 2. Zhaltyz-agym site. Stone tools

1–3 – cores; 4–6, 19 – blades; 7–14 – medial fragments of blades;
15, 16 – distal fragments of blades; 17, 18 – scrapers; 20 – combined tool;
21–23 – spearheads; 24–26 – dart heads

В индустрии сколов наиболее многочисленную группу изделий составляют пластины и их фрагменты, насчитывающие, вместе с орудиями, 375 экз. Количество целых пластин незначительно, порядка 30 экз. Максимальная их длина достигает 7,5 см, максимальная ширина – до 2 см. Исходным сырьем для целых изделий послужил крупно- и мелкозернистый кварцитовидный песчаник, в единичных случаях прослеживаются кремнистые породы и яшмо-кварциты. В большинстве случаев огранка дорсала этих пластин двугранная, в одном случае – трехгранная (рис. 2, 19).

Вторичная обработка отсутствует, но прослеживаются следы сработанности, что говорит о том, что данные пластины, вероятно, использовались как ножи по дереву или кости либо применялись в отделке шкур или кожи (рис. 2, 4, 5). Все пластины названных сырьевых характеристик не имеют признаков вторичной обработки. На некоторых из них имеются следы сработанности. На одной пластине по одной грани прослеживается тончайшая ретушь (рис. 2, 6).

Медиальные фрагменты пластин насчитывают наибольший тип данного сегмента изделий и представлены в количестве 200 экз. Преобладающая часть изделий данной группы выполнена из яшмо-кварцита и кварцита. Один экземпляр изготовлен из серого дымчатого кремня. На большинстве изделий следы вторичной обработки отсутствуют. Длина их варьирует от

2 до 4,5 см, ширина колеблется от 1–2 до 4 см. Основная масса предметов имеет правильную форму грани с частичными следами сработанности. Облик фрагментов свидетельствует о принадлежности к вкладышевым технологиям рабочих инструментов. Часть изделий выполнена из сегментов путем ретуширования одного конца с брюшка (рис. 2, 7–9).

Медиальные пластины-вкладыши, изготовленные для составных орудий – резцов, резчиков, скобелей, представлены 23 экз. Изделия выполнены из разноцветного яшмо-кварцита и мелованного кремня. Сегменты большей частью обработаны крутой и перпендикулярной ретушью, и меньшей – со спинки – резцовыми сколами. Вкладыши имеют характерные сколы или ретушированные концы. Длина вкладышей варьирует от 1,6 до 2,7 см, ширина от 0,5 до 1,3 см, толщина от 0,2 до 0,4 см. Остальные вкладыши имеют незначительную вторичную обработку в виде ретуши по одной из граней (рис. 2, 10–12).

Провертки (2 экз.) выполнены из сургучного яшмо-кварцита и желтого яшмо-кварцита, один инструмент имеет характерную обработку концевой рабочей части. Одна грань обработана перпендикулярной, вторая – крутой ретушью со спинки. Длина орудия 2,8 см, ширина 0,7 см, толщина 0,5 см. Второе орудие оформлено краевой ретушью со спинки в виде острого характерного концевого выступа. От приостренного по грани брюшка, идет мелкая краевая ретушь. Длина 1,8 см, ширина 0,9 см, толщина 0,3 см (рис. 2, 13–14).

Дистальные пластины представлены 51 экз. Сегменты выполнены из разнообразного сырья: кремня, яшмы, яшмо-кварцита различных цветов от светло-дымчатого до сургучно-черного оттенков. Изделия представлены мелкими и средними размерами. Максимальная длина достигает до 1,6 см, ширина – до 0,3 см. Среди них четыре экземпляра подработаны мелкой краевой ретушью по одному краю и резцовым сколом по углу пластины. Три дистальные пластины с вогнутым профилем не являются вкладышными. Их длина колеблется от 2,6 до 3,8 см (рис. 2, 15, 16).

Орудийный набор представлен различными скребками, скреблами, наконечниками стрел, дротиков и копий.

Скребки из пластинок представлены пятью экземплярами. Изделия выполнены из пластинок из кремня, яшмы и яшмо-кварцита. Длина скребков варьируется от 1,8 до 2,1 см, ширина – от 2 до 1,4 см. Рабочая поверхность скребков формировалась с дорсальной стороны конвергентной либо дивергентной ретушью. Рабочие лезвия прямые, округлые или скошенные на правую / левую сторону. На некоторых скребках продольные стороны спинки покрывает эпизодическая мелкая ретушь (рис. 2, 17, 18).

Скребки из отщепов – 34 экз. В качестве сырья использовались кремень и яшмо-кварцит. Скребки из отщепов имеют прямое или округлое оформление рабочего края. Лезвия преобладающего большинства предметов занимают до $\frac{1}{3}$ периметра скребка. Среди скребков, оформленных конвергентной ретушью, встречаются орудия с круговой обработкой. В целом данный материал относится к так называемый «микролитической культурной зоне» (рис. 3, 11, 12).

Скребла – 6 экз., выполнены из серо-дымчатого или серо-желтоватого яшмо-кварцита. Один экземпляр, изготовленный из крупного отщепа округло-подтреугольной формы, имеет диаметр от 5,8 до 6,6 см и толщину 1,4 см. Скребковая рабочая часть оформлена со стороны спинки в виде крупных крутых фасеток по всему периметру орудия. Со стороны брюшка фиксируется два крупных скола, снятых с края рабочего лезвия. Возможно, они образовались в процессе рабочих операций. Судя по характеру вторичной обработки и следам сработанности, скреблом выполнялись различные по интенсивности операции (рис. 3, 8, 9).

Второе скребло выполнено из мелкозернистого серо-коричневого яшмо-кварцита из удлиненного пластинчатого отщепа, треугольной в разрезе формы. Длина изделия 8,1 см, ширина 3,1 см. Вторичной обработке подвергались спинка и брюшко. У концевой части обработано крупной ретушью и фасетками. Также несколько фасеток снято у другого конца изделия. По одной грани нанесена системная обработка крупными фасетками, приостряющими край. Вторая грань фасетирована только по краю орудия. Полифункциональные про-

тиволлежащие края выполняли режущие функции. Остальные части выполняли скребковые и скобелевые функции.

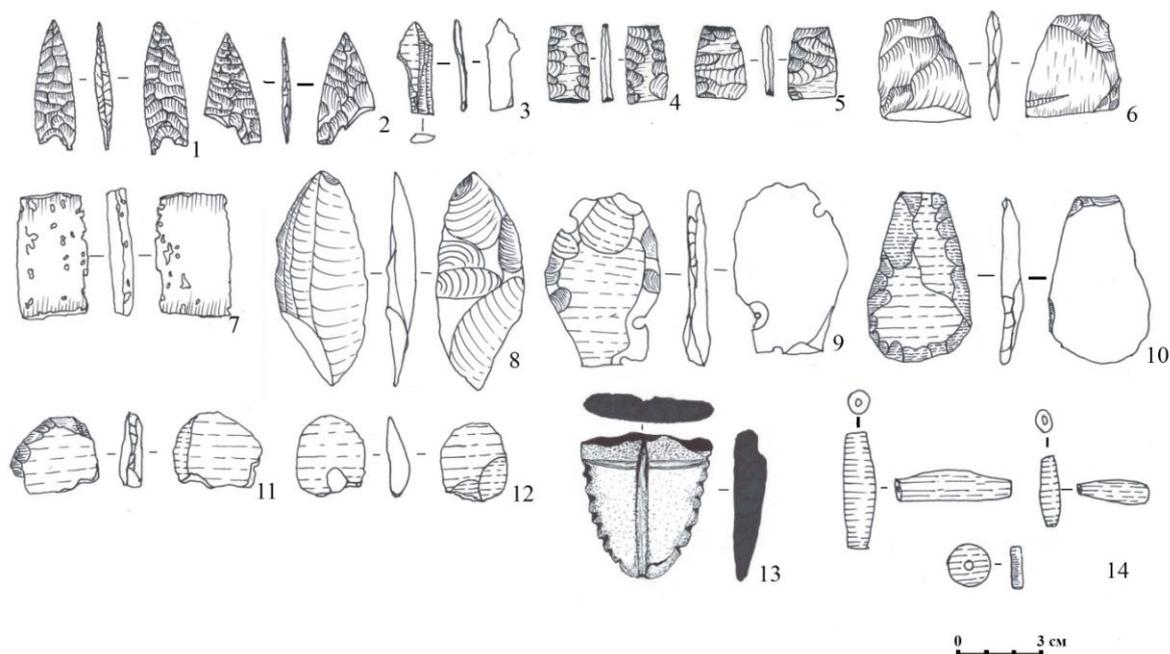

Рис. 3. Стоянка Жалгыз-агым. Каменные артефакты

1–5 – наконечники стрел; 6, 7 – комбинированные орудия; 8–10 – скребла;
11, 12 – скребки из отщепов; 13 – фрагмент утюжка; 14 – бусины

Fig. 3. Zhalgыз-agym site. Stone tools

1–5 – arrowheads; 6, 7 – combined tools; 8–10 – scrapers;
11, 12 – scrapers made of flakes; 13 – iron fragment; 14 – beads

Скребло миндалевидной формы выполнено из серо-молочного мелкозернистого кварцита. Рабочая часть инструмента оформлялась со спинки крутой крупной ретушью и мелкими фасетками по всему периметру орудия, на торце узкий конец подработан крутой ретушью. Скребло овально-удлиненной формы выполнено из серо-молочного кварцита среднезернистой структуры. Рабочая часть оформлена со спинки крупной ретушью и мелкими фасетками.

Скребло миндалевидной формы сделано из дымчатого серого мелкозернистого кварцита. Длина скребла 4,5 см, ширина 3,3 см, толщина 0,8 см. Скребковая часть округлой формы занимает расстояние 1,8 см перпендикулярно краю рабочего конца. Ретушь дивергентная, рабочий край оформлен мелкими и средними фасетками. По краю фиксируются следы сработанности. У одного края со стороны брюшка имеется притупленность, протяженность которой от конца рабочего лезвия и до рукояточного конца инструмента. Данные орудия хронологически укладываются в достаточно широкий временной диапазон – от мезолита до энеолита включительно, отражая общую тенденцию развития голоценовых культур степной Евразии (рис. 3, 10).

В коллекции имеются наконечники копий, представленные 18 экз. Все они выполнены из светло-дымчатого кварцита с определенной долей смешанности с яшмой серого цвета. Большинство изделий представлено в виде обломков без насадов или без перьевых концов. Общие размеры изделий варьируются по длине от 6 до 11 см, по ширине – от 2,7 до 4,4 см,

по толщине – от 0,9 до 1,5 см. Четыре уплощенные симметричные правильные изделия можно отнести к остроконечникам, которые, вероятно, выполняли различные бытовые функции: работа по дереву, коже, кости, а также для рыхления земли. Последние оформлены методом оббивки, фасетированы отжимом для подправки лезвия и насадочной части (рис. 2, 21–23).

Наконечники дротиков – 19 экз. Из них семь экземпляров целые, выполненные из кварцита и яшмо-кварцита. Максимальная длина изделий составляет от 4,5 до 6,3 см, ширина – от 2,1 до 2,4 см. Один экземпляр светло-прозрачного кварцита подработан стелющейся непрерывной ретушью диагонально (рис. 2, 24, 25). Один из наконечников тщательно проработан. Он имеет насад с глубокой выемкой, делящей его на две половинки. Одна часть насада отсутствует.

Срединные фрагменты наконечников дротиков представлены тремя экземплярами. Два из них достаточно массивны, изготовлены из серого яшмо-кварцита, длиной от 4 до 4,5 см, шириной от 2,7 до 2,8 см, толщина составляет 0,8–0,9 см. Третий фрагмент, изготовленный из мелкозернистого серо-молочного кварцита, отшлифован до блеска. Его длина 1,1 см, ширина 1,7 см, толщина 0,8 см. Стоит добавить, что данный фрагмент наконечника технико-типологически, хронологически и культурно отличается от общей коллекции.

Последняя группа наконечников дротиков представлена фрагментами насадов. Один из них выполнен из серого яшмо-кварцита. Остальные – из кварцита. Форма насадов наконечников дротиков различная. В одном случае форма удлиненно-овальная, в четырех случаях – с легкой асимметричной выемкой (рис. 2, 26).

Наконечники стрел (28 экз.) изготовлены из обломков кремнистой мелкозернистой вулканической породы темно-коричневого цвета. Данные изделия представлены как целыми предметами, так и в виде обломков. Форма наконечников различная, здесь представлены изделия листовидной формы с черешковым основанием, иволистной, пирамидальной формы с прямым насадом, также присутствуют изделия с выемками у основания. Некоторые наконечники изготовлены методом оббивки, их фасетки нечеткие, бессистемные. Максимальная длина изделий достигает 4–5 см, ширина – от 2 до 2,5 см.

В качестве примера можно привести ряд предметов, характерных для данной коллекции. Один целый, двусторонне обработанный наконечник стрелы, изготовленный из кремнистой мелкозернистой породы темно-зеленого цвета с сургучными прожилками. Наконечник имеет листовидную форму с черешковым основанием. Орудие имеет длину 5,4 см, ширину 2,3 см, толщина у основания составляет 0,8 см. Данный наконечник подработан отжимной пологой ретушью, которая выполнена с высоким мастерством, перо и края ребристо острые (рис. 3, 1).

Еще один экземпляр целый, двусторонне обработанный, изготовлен из кремнистой мелкозернистой породы темно-коричневого цвета. Наконечник имеет листовидную форму с черешковым основанием длиной 5,7 см, шириной 2,4 см, у основания толщина 1,5 см. Наконечник обработан отжимной пологой ретушью. По краям фиксируются притупленные следы зубчатого пера (рис. 3, 2).

Один наконечник относится к кельтеминарскому типу. Это орудие из пластины с одним боковым пером, оформленным крутой ретушью. Тело наконечника в первоначальной форме не сохранилось. Он выполнен из дистальной пластины сургучной яшмы длиной 3 см. Ширина пера у основания 1 см (рис. 3, 3). Еще один наконечник серебристо-стального цвета имеет иволистную форму тонкой обработки с мелкой отжимной ретушью. Длина изделия 3,6 см, ширина серединой части 1,2 см, толщина 0,4 см (рис. 3, 4). Другой наконечник иволистный пирамидальной формы серебристо-стального цвета обработан мелкой филигранной ретушью. Длина предмета 2,5 см, ширина 1,2 см, толщина 0,3 см (рис. 3, 5).

Орудия на отщепях (8 экз.) представлены, как правило, в виде комбинаций нескольких элементов, таких как наконечник, нож, скребло, скребок, скобель, резец. Данные предметы достаточно массивны, имеют длину от 5,8 до 6,1 см, ширину от 3,8 до 4,5 см. Так, один экземпляр меньших пропорций с брюшка подправлен по двум плоскостям зубчатой отжимной

ретушью. Инструмент использовался как нож и скобель (рис. 3, 6). Несколько орудий представлены овальными и прямоугольными резцами или ножами. Они выполнены из кварцита, их длина от 5 до 7 см, ширина от 3,3 до 3,5 см, толщина от 0,8 до 1,1–1,4 см (рис. 3, 7). Еще одно комбинированное орудие сочетает в себе торцовый скребок, скобель и нож-резчик. Длина изделия составляет 4,6 см, ширина у проксимального бугорка – 1,2 см, высота – 0,4 см (рис. 2, 20).

Фрагмент утюжка выполнен из талькового камня биконической формы. Длина фрагмента составляет 4,8 см, ширина по средней части – 4 см, толщина у основания – 1,2 см. Кроме основного поперечного желоба, вдоль утюжка по центру прорезана канавка глубиной 0,3 см и шириной 0,3 см. По торцовым граням пропилены с одной стороны десять, с другой восемь насечек. Изделие долго лежало в известковой среде. Аналогичные утюжки были характерны для культуры конца неолита и энеолита (рис. 3, 13).

Бусины – 3 экз. Одно изделие цилиндрической формы, уплощенное, длиной 1,4 см. Диаметр отверстия – 0,3 см. Выполнено из зеленовато-пятнистой породы. Вторая бусина биконической формы длиной 3,7 см, диаметр центра – 1,1 см, диаметр по краям – 0,7 см. Диаметр отверстия – 0,2 см. Выходные торцовые части хорошо профилированные. Сама порода от темно-коричневого до черного цвета, плотная и прочная. Третья бусина биконической формы, длиной 2–3 см, диаметром 0,7 см. Диаметр одного входного отверстия – 0,4 см. Диаметр второго овально-округлого отверстия – 0,6 см. Диаметр круглого входного отверстия – 0,2 см (рис. 3, 14).

Заключение

В заключение, опираясь на вышеописанную коллекцию, следует сформулировать предположительно культурно-хронологическую особенность стоянки Жалгыз-агым. Технология первичного расщепления содержит ряд признаков, позволяющих отнести данные предметы к мезолитической традиции. Об этом говорят как формы нуклеусов – торцовые, клиновидные, карандашевидные, так и технология их производства и расщепления.

Большое количество пластин и их фрагментов, несомненно, использовалось как часть вкладышевых орудий, что может говорить об отнесении их к мезолиту – неолиту.

Скребки и скребла в данной коллекции использовались, вероятно, как с применением рукоятки, так и без нее. Об этом говорит то, что большинство предметов данной группы, изготовленные из пластин, являются концевыми либо – в случае предметов, изготовленных из отщепов, ориентированы на большую часть периметра заготовки. Наличие данного факта также указывает на размытый хронологический диапазон от мезолита к неолиту, и, возможно, более позднему времени.

Присутствие наконечников копий, дротиков и стрел также не привносит ясности в вопрос хронологии данного археологического материала. Возможно, изделия данной группы разновременные, так как в технико-типологическом плане имеются характерные различия, которые проявляются как в размерах и форме, так и в технологии и симметрии. Так, часть наконечников в силу архаичности обработки можно отнести к неолиту, тогда как другую часть изделий по степени отделки – к эпохе бронзы.

За 80 лет, прошедших с момента выделения С. П. Толстовым в 1947 г. кельтеминарской культуры, было открыто более 1 500 памятников данной культурной общности. Но, несмотря на хорошую изученность, у исследователей остаются вопросы, связанные с этой культурной общностью.

Таким образом, стоянку Жалгыз-агым можно отнести к кельтеминарской культуре, но так как сборы археологического материала происходили с поверхности памятника, то хронологическая и культурная характеристика ее определялась только путем применения технико-типологического анализа каменных артефактов.

Список литературы

- Археологическая карта Казахстана: Реестр / Сост.: Е. И. Агеева, К. А. Акишев, Г. А. Кувев и др. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 450 с.
- Байпаков К. М., Борофкко Н., Савельева Т. В., Ахатов Г. А., Лобас Д. А., Ержанова А. А.** Итоги археологических исследований по проекту INTAS “CLIMAN” // Изв. НАН РК. Серия общественных наук. 2004. № 1. С. 236–254.
- Виноградов А. В.** Археологическая разведка в районе Аральска – Саксаульской в 1955 г. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 75–85.
- Виноградов А. В.** Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 176 с.
- Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М.** Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье // Проблемы археологии Урала Сибири. М.: Наука, 1973. С. 85–103.
- Искаков Г. Т.** Каменная индустрия Мугоджар и Северного Приаралья в мезолите – энеолите: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 30 с.
- Коробкова Г. Ф.** К вопросу о хронологии кельтеминарской культуры // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1969. Т. 8. С. 40–51.
- Коробкова Г. Ф.** Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии / Археология СССР. М.: Наука, 1996. С. 87–133.
- Мамиров Т. Б.** Памятник Шелги-загем // Свод памятников истории культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. Алматы, 2007. 376 с.
- Тажекеев А. А.** Памятники кельтеминарской культуры Нижней Сырдарьи // Отан тарихы. 2012. № 1 (57). С. 102–108.
- Формозов А. А.** Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане // Вестник Казахского филиала АН СССР. 1945. № 2. С. 6–8.
- Формозов А. А.** Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане // Вестник Казахского филиала АН СССР. 1946. № 5. С. 24–25.
- Формозов А. А.** Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. 1949. Вып. 25. С. 49–58.
- Яншин А. Л.** Геология Северного Приаралья М.: Моск. об-во испытателей природы, 1953. 736 с.

References

- Ageeva E. I., Akishev K. A., Kuev G. A. et al.** (comp.). *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana* [Archaeological Map of Kazakhstan]. Alma-Ata, AS KazSSR Publ., 1960, 450 p. (in Russ.)
- Baypakov K. M., Borofkko N., Savelyeva T. V., Akhatov G. A., Lobas D. A., Yerzhanova A. A.** Itogi arkheologicheskikh issledovaniy po proektu INTAS “CLIMAN” [Results of Archaeological Research on the INTAS “CLIMAN” Project]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk* [Izvestiya NAS RK. Social Sciences Series], 2004, no. 1, pp. 236–254. (in Russ.)
- Formozov A. A.** Kel'teminar'skaya kul'tura v Zapadnom Kazakhstane [Kelteminar Culture in Western Kazakhstan]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture], 1950, iss. 25, pp. 49–58. (in Russ.)
- Formozov A. A.** Novye tochki kel'teminar'skoi kul'tury v Kazakhstane [New points of the Kelteminar culture in Kazakhstan]. *Vestnik Kazakhstanskogo filiala AN SSSR* [Bulletin of the Kazakhstan Branch of the USSR Academy of Sciences], 1946, no. 5, pp. 24–25. (in Russ.)
- Formozov A. A.** Ob otkrytii kel'teminar'skoi kul'tury v Kazakhstane [On the discovery of Kelteminar culture in Kazakhstan]. *Vestnik Kazakhstanskogo filiala AN SSSR* [Bulletin of the Kazakhstan Branch of the USSR Academy of Sciences], 1945, no. 2, pp. 6–8. (in Russ.)

- Iskakov G. T.** Kamennaya industriya Mugodzhar i Severnogo Priaral'ya v mezolite – eneolite [The stone industry of Mugodzhar and the Northern Aral Sea in the Mesolithic – Chalcolithic periods]. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2006, 30 p. (in Russ.)
- Korobkova G. F.** К вопросу о хронологии кел'теминарской культуры [To the question of the Kelteminar culture chronology]. In: Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana [History of material culture of Uzbekistan]. Tashkent, 1969, vol. 8, pp. 40–51. (in Russ.)
- Korobkova G. F.** Srednyaya Aziya i Kazakhstan [Central Asia and Kazakhstan]. In: Neolit Severnoy Evrazii / Arkheologiya SSSR [Neolithic of Northern Eurasia / Archeology of the USSR]. Moscow, Nauka, 1996, pp. 87–133. (in Russ.)
- Mamirov T. B.** Pamyatnik Shelgi-zagem [The monument of Shelgi-zagem]. In: Svod pamyatnikov istorii kul'tury Respubliki Kazakhstan. Kyzylordinskaya oblast' [A set of monuments of the history of culture of the Republic of Kazakhstan. Kyzylorda region]. Almaty, 2007, 376 p. (in Russ.)
- Tazhekeev A. A.** Pamyatniki kel'teminarskoy kul'tury Nizhney Syrdar'i [The Kelteminar culture sites of the Lower Syr Darya]. *Otan tarikhy*, 2012, no. 1 (57), pp. 102–108. (in Russ.)
- Vinogradov A. V.** Arheologicheskaya razvedka v raione Aral'ska – Saksaul'skoi v 1955 g. [Archaeological exploration in the Aral'sk – Saksaul region in 1955]. *Trudy IIAE AN KazSSR*, 1959, vol. 7, pp. 76–81. (in Russ.)
- Vinogradov A. V.** Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurech'ya [Ancient Hunters and Fishermen of the Central Asian Mesopotamia]. Moscow, Nauka, 1981, 176 p. (in Russ.)
- Vinogradov A. V., Kuzmina E. E., Smirin V. M.** Novye pervobytnye pamyatniki v Severo-Vostochnom Priaral'e [New primitive monuments in the North-Eastern Aral region]. In: Problemy arkheologii Urala i Sibiri [Problems of archeology of the Urals of Siberia]. Moscow, Nauka, 1973, pp. 85–103. (in Russ.)
- Yanshin A. L.** Geologiya Severnogo Priaral'ya [Geology of the Northern Aral region]. Moscow, Moskovskoye obshchestvo ispytateley prirody, 1953, 736 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Ыслам Серикович Курманиязов, PhD

Андрей Михайлович Чеха, младший научный сотрудник

Scopus Author ID 57205167332

WoS Researcher ID Q-3341-2016

RSCI Author ID 668510

Рустем Турарбекович Дарменов, ведущий научный сотрудник

Агабек Женисбекович Назаров, научный сотрудник

Information about the Authors

Yslam S. Kurmaniyazov, PhD

Andrey M. Chekha, Junior Researcher

Scopus Author ID 57205167332

WoS Researcher ID Q-3341-2016

RSCI Author ID 668510

Rustem T. Darmenov, Leading Researcher

Agabek Zh. Nazarov, Researcher

*Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 14.01.2023
The article was submitted on 15.09.2022;
approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 14.01.2023*

Научная статья

УДК 902.6

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-61-71

Хронология энеолитических памятников лесного Зауралья

Вадим Сергеевич Мосин

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Россия

mvs54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5936-3266>

Аннотация

В конце XX – начале XXI в. на основе имеющихся тогда данных радиоуглеродного датирования в энеолите было выделено два этапа – ранний и поздний, в рамках конца IV – III тыс. до н. э. К 2015 г. обобщенный календарный возраст энеолитических комплексов всего Зауралья, включая лесную и лесостепную зоны, был определен в рамках второй половины V – IV тыс. до н. э. (cal BC). В последние годы в лесной и горнолесной части Зауралья было исследовано более 50-ти памятников энеолитического времени и получено 55 радиоуглеродных дат для 26-ти памятников. Проведенный анализ показал наличие в лесной зоне Зауралья как ранних комплексов – вторая половина V – первая четверть IV тыс. до н. э., так и поздних – вторая половина IV – начало III тыс. до н. э.; на ряде памятников в одних культурных горизонтах есть как ранние, так и поздние датировки.

Ключевые слова

энеолит, Зауралье, Западная Сибирь, радиоуглеродная хронология, керамические комплексы, культурные традиции

Для цитирования

Мосин В. С. Хронология энеолитических памятников лесного Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 61–71. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-61-71

Chronology of the Eneolithic Sites of the Forest Trans-Urals

Vadim S. Mosin

Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russian Federation

South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation

mvs54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5936-3266>

Abstract

Purpose. At the end of the 20th – beginning of the 21st century, a generalization of all radiocarbon dates available at that time for the Eneolithic of the Trans-Urals forest and forest-steppe zone was carried out. Two stages were allocated – early and late, within the second half of the 5th – 4th millennium BC. However, an analysis of the differences between the chronology of sites in the forest and forest-steppe zones was not carried out. The aim of this article is to analyze the presence of radiocarbon dates and chronological positions of Eneolithic sites in the forest zone of the Trans-Urals.

© Мосин В. С., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 61–71
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 61–71

Results. In the forest part of the Trans-Urals, more than 50 Eneolithic sites were studied and 55 radiocarbon dates were obtained for 26 of them. Dating of various types of archaeological sites has been carried out: sites and settlements, including peat bogs; the burial-cult site Skvortsovskaya Gora V and the cult object Koksharovskiy Hill; burials; animal bones and wood tools; human bones and skulls. The results were obtained both by the traditional method (43 dates), and AMS (12 dates). Conventionally, all sites can be divided into two categories – with several dates and with single dates. Coverage categories: belonging to the early group; objects of late groups and objects that have dates of both early and late groups.

Conclusion. Analysis of the presented materials showed the presence of early complexes – the second half of the 5th – the first quarter of the 4th millennium BC (12 objects), and the late ones – the second half of the 4th – the beginning of the 3rd millennium BC (8 objects). It is also necessary to note a number of sites that have both early and late dates (7 objects). Another attempt to establish the Eneolithic sites periodization according to cultural traditions (e.g. ceramic complexes differences) was not successful. Traditional for the Trans-Urals ceramic complexes: with comb simple (linear) and geometric ornamentation, false cord (Lipchinskaya), Sosnovoostrovskaya, Shuvakishskaya and Shapkul'skaya, present as in the early and in late complexes.

Keywords

Eneolithic, Trans-Urals, Western Siberia, radiocarbon chronology, ceramic complexes, cultural traditions

For citation

Mosin V S. Chronology of the Eneolithic Sites of the Forest Trans-Urals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 61–71. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-61-71

Введение

К Уральской физико-географической горной стране относят всю горную полосу Урала и возвышенное Зауралье. Граница с Западно-Сибирской низменностью проходит там, где складчатые и магматические породы палеозоя скрываются под третичными и четвертичными отложениями [Оленев, 1965], т. е. эта граница проходит по уступу континентальной морской террасы. Восточные предгорья характеризуются увалистым рельефом с высотами редко более 400–500 м. Сложены восточные предгорья в основном вулканогенными, осадочными и магматическими породами Тагильско-Магнитогорского синклиория. С юго-востока к горам Урала примыкают возвышенные равнины Зауралья (Зауральский пенеппен). Это волнистые, местами холмистые равнины, эрозионно расчлененные, со средними высотами до 280–300 м. Они возникли на выровненной древней поверхности палеозойских складчатых структур.

Провинция Среднего Зауралья представляет собой возвышенную равнину – пенеппен, полого опускающуюся на восток, в сторону Западно-Сибирской равнины. Поверхность ее нарушается останцовыми холмами и грядами, сложенными гранитами и гнейсами, а также многочисленными озерными котловинами. Здесь господствуют сосновые и сосново-лиственничные леса, а на севере значительные площади покрыты болотами. В связи с общим усилением сухости и континентальности климата здесь дальше на север, чем в Предуралье, продвигается лесостепь, имеющая сибирский облик (с березовыми колками) [Милюков, Гвоздецкий, 1976].

В археологической литературе Среднее или лесное Зауралье часто понимается как территория, включающая собственно восточные предгорья и Зауральский пенеппен (включая памятники, расположенные в лесной зоне на восточном склоне и в горах Южного Зауралья, например, представленные в таблице: Шатанов 3, Кедровый мыс I, Остров Веры, а также и ранее исследованные, Абселямовская, Чебаркуль IV, Чебаркуль II, Юрюзанская Пв, стоянки на озере Б. Миассово и др.), так и районы Туро-Пышминского междуречья и Андреевской озерной системы, которые непосредственно принадлежат Западно-Сибирской низменности (например, [Старков, 1980; Косарев, 1981; Ковалева, 1989]). Необходимо отметить, что между указанными регионами существуют и отличия археологического плана, например керамика сосновоостровской, шапкульской, байрыкской традиций характерна для указанной территории Западно-Сибирской низменности и очень редко встречается в собственно Зауралье. В данной работе радиоуглеродные даты энеолитических памятников рассматриваются в традиционном ключе совместно для обеих территорий.

Во второй половине XX в. хронология зауральского энеолита опиралась на стратиграфию торфяников и представления В. Н. Чернецова и О. Н. Бадера о хронологии зауральского неолита IV–III тыс. до н. э. Энеолитический этап относили ко второй половине – концу III или началу II тыс. до н. э. [Чернецов, 1968; Бадер, 1970; Крижевская, 1977]. В конце XX – начале XXI в. работами уральских археологов в энеолите было выделено два этапа – ранний и поздний, в рамках конца IV – III тыс. до н. э. [Шорин, 1999; Мосин, 2003; Чаиркина, 2005]. В настоящее время обобщенный календарный возраст энеолитических комплексов всего Зауралья соответствует датам 4 400–3 000 (4 300–2 900) гг. до н. э., т. е. вторая половина V – IV тыс. до н. э. (cal BC) [Епимахов, Мосин, 2015]. Целью работы является анализ всех имеющихся радиоуглеродных дат и хронологических позиций энеолитических памятников, расположенных в лесной зоне Зауралья.

Материалы и обсуждение

К настоящему моменту в лесной и горнолесной части Зауралья с различной степенью полноты исследовано более 50-ти памятников энеолитического времени. В разные годы, но преимущественно в последнее десятилетие, получено 55 радиоуглеродных дат для 26-ти памятников [Зах, 2009; Зах и др., 2011; Матвеев и др., 2015; Мосин и др., 2014; Мосин, Страхов и др., 2017; Епимахов, Мосин, 2015; Chairkina et al., 2017; Чаиркина, Кузьмин, 2018; Шорин, Шорина, 2021] (см. таблицу). Из них 45 дат для 20-ти памятников Зауралья и 10 дат для 6-ти памятников Туро-Пышминского междуречья и Андреевской озерной системы. По возможности полученные результаты привязывались к культурным традициям материалов конкретного памятника.

Однако в списке дат имеется несколько определений, культурный контекст которых неясен. Две из них были опубликованы еще в 1956 г. в числе первых определений возраста радиоуглеродным методом в СССР: ископаемое дерево из стоянки Стрелка на Горбуновском торфянике получило дату $4\ 800 \pm 200$; ископаемое дерево из «6-ого разреза» Горбуновского торфяника – $4\ 360 \pm 200$ (см. таблицу, Мо-1 и Мо-2) [Виноградов и др., 1956]. Еще для нескольких дат (см. таблицу) их культурный контекст, т. е. связь с тем или иным типом керамики, четко не определен.

Список приведенных в таблице дат характеризует стоянки и поселения, в том числе и торфяниковые, погребально-культовую площадку Скворцовская гора V, культовое место Кокшаровский холм, погребения, изделия из кости и дерева, черепа и кости человека. Результаты были получены как традиционным методом (жидкостно-сцинтилляционным) – 43 даты, так и AMS – 12 дат. Образцы (уголь – 17 экз., торф – 12, дерево – 11, в том числе изделия – 3, кость и изделия из нее – 8, из них кости человека – 5, органика в керамике – 4, гиттия (ил) – 3) датировались в двенадцати лабораториях, три из них с использованием ускорительных технологий. По несколько дат имеют 12 памятников, остальные 14 памятников – по одной дате и одна дата по изделию из Шигирской коллекции.

Наиболее обеспечены датами Горбуновский торфяник – 17 дат с четырех объектов: VI разрез, IVa разрез, Береговая XIII (Филин Остров) и без обозначения объекта, ранее полученные даты, включая дату со Стрелки, и Шигирский торфяник – 9 дат с четырех объектов: Шигирское городище, Скворцовская гора, Шигирское А, Аннин Остров и изделие из Шигирской коллекции. По три даты имеют Чепкуль-21 и Сосновый остров, на остальных памятниках по одной или две даты.

Условно все памятники можно разделить на две категории: имеющие несколько дат и с единичными датами. Казалось бы, чем больше получено результатов, тем надежнее датирован памятник, однако, оказалось, не совсем так. В первой категории к наиболее ранней (первой) группе можно отнести: Кокшаровский холм – 2 даты (4 460–3 800 cal BC), Чепкуль 21, погребение 2, 3 – 3 даты (4 322–3 814 cal BC), Горбуновский торфяник, IVa разрез – 2 даты (4 230–3 810 cal BC) и Скворцовская гора, погребение 1 – 3 даты (3 970–3 640 cal BC), т. е. вторая половина V – первая четверть IV тыс. до н. э.

Энеолитические памятники лесного Зауралья. Результаты радиоуглеродного датирования
 Eneolithic sites of the Trans-Urals forest zone. Results of radiocarbon dating

№ п/п	Памятник	Тип керамики	Шифр	Материал	^{14}C , л. н.	Календарный возраст, г. до н. э. (cal BC), $\pm 2\sigma$
	1	2	3	4	5	6
1	Перейминский 2, погр. 5	гребенчатая (шапкульская?)	LE-357	уголь	4000 ± 130	2888–2151
2	Ельничное Ia	гребенчатая, ложношнуровая	LE-10446	торф	4380 ± 60	3330–2890
3	Макуша III, жилище 1	гребенчатая	ИРЖ-130	уголь	4525 ± 175	3656–2760
4	Кедровый мыс I	ложношнуровая	SPb-2792	органика в керамике	4535 ± 80	3383–3009
5	Шаганов 3	гребенчатая, ложношнуровая	SOAN-6836	уголь	4465 ± 95	3484–2905
6	Шаганов 3	гребенчатая, ложношнуровая	LE-7703	уголь	4600 ± 50	3520–3106
7	Остров Веры	ложношнуровая	Ki-16396	органика в керамике	4650 ± 90	3639–3104
8	Шигирское A	?	SOAN-5609	гиттия (ил)	4660 ± 35	3620–3360
9	Нижнее Озеро III	?	SOAN-6947	уголь	4580 ± 145	3630–2930
10	Нижнее Озеро III	?	SOAN-6946	уголь	4680 ± 100	3650–3100
11	Могильник на БАО, погр. 7	байрыльская	УПИ-738	уголь	4734 ± 103	3800–3100
12	Чечкино 2	шапкульская	УПИ-736	уголь	4784 ± 167	4000–3050

Продолжение таблицы

№ п/п	Памятник	Тип керамики	Шифр	Материал	¹⁴ C, л. н.	Календарный возраст, гг. до н. э. (cal BC), ±2σ
	1	2	3	4	5	6
13	Разбойничий Остров (нижний слой)	ложношнуровая	ИРЖ-131	торф	4960 ± 210	4326–3140
14	Шигирская коллекция	?	ОхА-20838	кость	5000 ± 36	3940–3700
15	Горбуновский т-к	?	LE-1480	дерево	4530 ± 60	3494–3024
16	Горбуновский т-к	?	LE-1479	дерево	4560 ± 80	3619–3020
17	Горбуновский т-к, Стрелка	?	МО-2	дерево	4800 ± 200	4037–3021
18	Горбуновский т-к	?	LE-1532	дерево	4810 ± 50	3696–3384
19	Горбуновский т-к	?	LE-1533	дерево	5070 ± 60	3973–3712
20	Шигирское городище	ребенчатая, ложношнуровая?	LE-10453	торф	4560 ± 70	3520–3030
21	Шигирское городище	ребенчатая, ложношнуровая?	LE-10454	гиттия (ил)	4920 ± 70	3940–3530
22	Шигирское городище	ребенчатая, ложношнуровая?	LE-10456	дерево	5070 ± 60	3970–3710
23	Горбуновский т-к, VI разр.	ребенчатая, ложношнуровая?	LU-7685	торф	4300 ± 50	3090–2760
24	Горбуновский т-к, VI разр.	ребенчатая, ложношнуровая?	LU-7687	торф	4350 ± 60	3320–2880
25	Горбуновский т-к, VI разр.	ребенчатая, ложношнуровая?	МО-1	дерево	4360 ± 200	3626–2488
26	Горбуновский т-к, VI разр.	ребенчатая, ложношнуровая	LU-7688	торф	4590 ± 60	3520–3100

Продолжение таблицы

№ п/п	Памятник	Тип керамики	Шифр	Материал	^{14}C , л. н.	Календарный возраст, гг. до н. э. (cal BC), $\pm 2\sigma$
	1	2	3	4	5	6
27	Горбуновский т-к, VI разр.	гребенчатая, ложношнуровая	LU-7689	торф	4940 \pm 50	3910–3640
28	Горбуновский т-к, VI разр.	гребенчатая, ложношнуровая	LU-7690	торф	5060 \pm 50	3960–3710
29	Горбуновский т-к, VI разр.	гребенчатая, ложношнуровая	AA-86207	деревянная скульптура	5070 \pm 60	3970–3710
30	Горбуновский т-к, VI разр.	гребенчатая, ложношнуровая	AA-86208	деревянный полоз саней	5070 \pm 60	3970–3710
31	Горбуновский т-к, VI разр.	гребенчатая, ложношнуровая	AA-98079	деревянный полоз саней	5090 \pm 40	3970–3790
32	Скворцовская гора, погребение 1	?	GrA-59086	череп человека, индивид 3а	4910 \pm 45	3980–3640
33	Скворцовская гора, погребение 1	?	GrA-59085	череп человека, индивид 3	4960 \pm 45	3930–3650
34	Скворцовская гора, погребение 1	?	GrA-59083	череп человека, индивид 2	5090 \pm 45	3970–3780
35	Шувакиш 1	шувакишская	AA-86211	дерево	5130 \pm 45	4040–3800
36	Кокшаровско-Юрьинская 1	гребенчатая, ложношнуровая	LE-2057	торф	4210 \pm 40	2900–2670
37	Кокшаровско-Юрьинская 1	гребенчатая, ложношнуровая	LE-2058	торф	5190 \pm 60	4230–3800
38	Горбуновский т-к, IVa разрез	?	GrA-59343	ребро человека	5170 \pm 40	4050–3810

Окончание таблицы

№ п/п	Памятник	Тип керамики	Шифр	Материал	¹⁴ C, л. н.	Календарный возраст, гг. до н. э. (cal BC), ±2σ
	1	2	3	4	5	6
39	Горбуновский т-к, IVa разр.	?	GrA-59451	кость человека	5230 ± 35	4230–3970
40	Бурмантовский грот	?	AA-98298	костяная подвеска	5280 ± 60	4260–3970
41	Береговая XIII (Филин Остров)	шुвакишская	LE-10435	торф	4700 ± 70	3640–3360
42	Береговая XIII (Филин Остров)	шувакишская	LE-10436	торф	5290 ± 40	4240–3990
43	Чепкуль 21, погр. 2	шапкульская	SOAN-4256	уголь	5200 ± 55	4230–3814
44	Чепкуль 21, погр. 2, 3	шапкульская	SOAN-4257	уголь	5245 ± 75	4321–3824
45	Чепкуль 21, погр. 2, 3	шапкульская	SOAN-4258	уголь	5315 ± 55	4322–3994
46	Боярка I	ребенчатая, ложношнуровая	SOAN-5779	уголь	4210 ± 95	3080–2495
47	Боярка I	ребенчатая, ложношнуровая	SOAN-5778	уголь	5330 ± 45	4322–4042
48	Дуванское V, жилище 2	сосновоостровская	LE-1368	уголь	5295 ± 60	4262–3982
49	Сосновый Остров	байрыкская	SOAN-5848	уголь	3800 ± 80	2470–2020
50	Сосновый Остров	сосновоостровская	SOAN-5847	уголь	4490 ± 60	3370–3000
51	Сосновый Остров	сосновоостровская	SOAN-5846	уголь	5385 ± 85	4370–3990
52	Пещера Жилище Сокола, по-ребение	?	AA-98297	костяная подвеска	5415 ± 60	4360–4060
53	Кокшаровский холм, Юрьинское поселение	ребенчатая геометрическая	Ki-15907	органика в керамике	5250 ± 90	4350–3800
54	Кокшаровский холм, Юрьинское поселение	ребенчатая геометрическая	Ki-15541	органика в керамике	5440 ± 90	4460–4040
55	Аннин Остров	?	ГИН-13870	гиттия (ил)	5460 ± 100	4490–4050

К этой же ранней группе относится ряд памятников второй категории, имеющих по одной дате: Аннин Остров – 4 490–4 050 cal BC, Пещера Жилище Сокола – 4 360–4 060 cal BC, Дуванское V, жилище 2 – 4 262–3 982 cal BC, Бурмантовский грот – 4 260–3 970 cal BC, Шувакиш 1 – 4 040–3 800 cal BC, Шигирская коллекция – 3 940–3 700 cal BC, т. е. также вторая половина V – первая четверть IV тыс. до н. э. Вызывают сомнения даты с Разбойничьего Острова (нижний слой), Чечкино 2 и Могильника на БАО, погребение 7 (см. таблицу, 11–13), где доверительный интервал составляет от 103 до 210 лет.

В первой категории есть семь памятников, в датировках которых имеются как ранние (вторая половина V – первая четверть IV тыс. до н. э.), так и поздние (вторая половина IV – начало III тыс. до н. э.) даты. Так, для поселения Сосновый остров получено три даты: одна (4 370–3 990 cal BC) относится к первой группе, вторая (3 370–3 000 cal BC) – ко второй, и разница между ними в 1 000 лет, хотя обе ассоциируются с сосновоостровской культурной традицией. Третья дата (2 470–2 020 cal BC) относится ко второй группе и логично связывается с байрыкской культурной традицией.

Для поселения Боярка есть две даты – 4 322–4 042 cal BC, которая относится к ранней группе, и 3 080–2 495 cal BC, относящаяся ко второй группе, и разница между ними составляет больше 1 000 лет. Такая же разница зафиксирована и в датах для Кокшаровско-Юрьинской 1 стоянки, одна (4 230–3 800 cal BC) относится к первой группе, другая (2 900–2 670 cal BC) – ко второй. На Береговой XIII (Филин Остров) две даты с разницей в 600 лет – 4 240–3 990 cal BC (к первой группе), 3 640–3 360 cal BC (ко второй). На VI разрезе Горбуновского торфяника получено девять дат, которые делятся на две группы: пять дат в диапазоне 3 970–3 640 cal BC (первая группа) и четыре даты в диапазоне 3 520–2 760 cal BC (вторая), разница между ними 400 лет. Здесь необходимо обратить внимание на то, что культурные слои VI разреза Горбуновского торфяника, поселения Боярка и Кокшаровско-Юрьинской 1 стоянки авторами исследований связываются с керамикой двух зауральских культурных традиций, которые практически всегда встречаются вместе – гребенчатой и ложношнуровой (липчинской). На Береговой XIII (Филин Остров) обе даты ассоциируются с шувакишской керамикой.

На Шигирском городище получено три даты – две из них, в диапазоне 3 970–3 530 cal BC, относятся к первой группе, одна 3 520–3 030 cal BC – ко второй. На Горбуновском торфянике есть пять дат: одну из них (МО-2) можно не учитывать, две даты (3 973–3 384 cal BC) относятся к первой группе, две (3 619–3 024 cal BC) – ко второй, что соответствует группам VI разреза, и разница между ними составляет 300 лет. Для этих объектов культурные традиции не определены. И, наконец, для поселения Нижнее Озеро III и стоянки Шатанов 3 получено по две даты в диапазоне 3 650–2 905 cal BC, относящиеся к поздней группе.

Заключение

Анализ представленных материалов показал наличие как ранних комплексов – вторая половина V – первая четверть IV тыс. до н. э. (12 памятников), так и поздних – вторая половина IV – начало III тыс. до н. э. (8 памятников). Также необходимо отметить ряд памятников, где есть как ранние, так и поздние датировки (7 памятников).

Еще одна попытка установить периодизацию энеолитических памятников по культурным традициям (первая: [Епимахов, Мосин, 2015]) не увенчалась успехом. Традиционные для Зауралья керамические комплексы (с гребенчатой простой (линейной) и геометрической орнаментацией, ложношнуровой (липчинской), сосновоостровской, шувакишской и шапкульской) оказались как в ранних, так и в поздних комплексах. Единственно однозначный вывод можно сделать по байрыкской керамике, которая зафиксирована только в поздних комплексах.

С учетом этих данных сформулируем несколько традиционных для археологии вопросов: 1) можно ли доверять одиночным датам и в какой степени; 2) если памятник имеет несколько

дат, относящихся к разным хронологическим группам, то это результат одновременного проживания здесь людей или ошибка в датировании; 3) могут ли комплексы с одной культурной керамической традицией существовать до 1 000 лет? В любом случае необходимо внимательно рассматривать и анализировать датировки каждого памятника в отдельности и добиваться статистически достоверного количества полученных дат. Без этого невозможно будет установить как реальную хронологию и периодизацию любого археологического периода, так и время существования определенных культурных традиций.

Список литературы

- Бадер О. Н.** Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 157–171. (МИА, № 166)
- Виноградов А. В., Дервиц А. Л., Добкина Э. И., Маркова Н. Г., Мартищенко Л. Г.** Определение абсолютного возраста по С 14 // Геохимия. 1956. № 8. С. 3–9.
- Епимахов А. В., Мосин В. С.** Хронология зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 27–37.
- Зах В. А.** Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Зах В. А., Зимина О. Ю., Рябогина Н. Е.** Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 219–233.
- Ковалева В. Т.** Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: УрГУ, 1989. 80 с.
- Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 287 с.
- Крижевская Л. Я.** Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 287 с.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Сериков Ю. Б., Скочина С. Н.** Культовые памятники эпохи энеолита. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2015. 156 с. (Древности Ингальской долины; вып. 3)
- Милюков Ф. Н., Гвоздецкий Н. А.** Физическая география СССР: В 2 т. М.: Мысль, 1976.
- Мосин В. С.** Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 220 с.
- Мосин В. С., Епимахов А. В., Выборнов А. А., Королев А. И.** Хронология энеолита и эпохи ранней бронзы в Уральском регионе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып. 4 (60). С. 30–42.
- Мосин В. С., Страхов А. Н., Яковлева Е. С., Никитин А. Ю.** Неолитический и энеолитический комплексы стоянки Кедровый мыс I в Южном Зауралье // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 4. С. 46–56. DOI 10.14529/ssh170407
- Оленев А. М.** Урал и Новая Земля. М.: Мысль, 1965. 215 с.
- Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.
- Чаиркина Н. М.** Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. 410 с.
- Чаиркина Н. М., Кузьмин Я. В.** Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья // Урал. ист. вестник. 2018. № 2 (59). С. 124–134. DOI 10.30759/1728-9718-2(59)-124-134
- Чернецов В. Н.** К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41–53.
- Шорин А. Ф.** Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1999. 182 с.
- Шорин А. Ф., Шорина А. А.** Энеолитический комплекс памятника археологии «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение»: начало эпохи энеолита в Зауралье // РА. 2021. № 3. С. 37–51. DOI 10.31857/S086960630009721-2

Chairkina N. M., Kuzmin Y. V., Hodgins G. W. L. Radiocarbon Chronology of the Mesolithic, Neolithic, Aeneolithic, and Bronze Age sites in the Trans-Urals (Russia): a General Framework. *Radiocarbon*, 2017, vol. 59, no. 2, pp. 505–518. DOI 10.1017/RDC.2016.49

References

- Bader O. N.** Ural'skii neolit [Ural Neolithic]. In: Kamennyi vek na territorii SSSR [Stone Age in the USSR]. Moscow, Nauka, 1970, no. 166, pp. 157–171. (in Russ.) (Materials and research on the archeology of the USSR, no. 166)
- Chairkina N. M.** Eneolit Srednego Zaural'ya [Eneolithic of the Middle Trans-Urals]. Ekaterinburg, Ural State Uni. Press, 2005, 410 p. (in Russ.)
- Chairkina N. M., Kuzmin Y. V.** New Radiocarbon Dates of the Mesolithic – Early Iron Age of the Trans-Urals. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Bulletin of History]*, 2018, no. 2 (59), pp. 124–134. DOI 10.30759/1728-9718-2(59)-124-134
- Chairkina N. M., Kuzmin Y. V., Hodgins G. W. L.** Radiocarbon Chronology of the Mesolithic, Neolithic, Aeneolithic, and Bronze Age sites in the Trans-Urals (Russia): a General Framework. *Radiocarbon*, 2017, vol. 59, no. 2, pp. 505–518. DOI 10.1017/RDC.2016.49
- Chernetsov V. N.** K voprosu o slozhenii ural'skogo neolita [On the question of the Ural Neolithic formation]. In: Istoriya, arkheologiya i etnografiya Srednei Azii [History, archaeology and ethnography of Central Asia]. Moscow, Nauka, 1968, pp. 41–53. (in Russ.)
- Epimakhov A. V., Mosin V. S.** Khronologiya zaural'skogo eneolita [Chronology of the Trans-Ural Eneolith]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 2015, no. 4 (31), pp. 27–37. (in Russ.)
- Kovaleva V. T.** Neolit Srednego Zaural'ya [Neolithic of the Middle Trans-Urals]. Sverdlovsk, Ural State Uni. Press, 1989, 80 p. (in Russ.)
- Kosarev M. F.** Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri [Bronze Age of Western Siberia]. Moscow, Nauka, 1981, 287 p. (in Russ.)
- Krizhevskaya L. Ya.** Rannebronzovoe vremya v Yuzhnom Zaural'e [Early Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Leningrad, LSU Press, 1977, 287 p. (in Russ.)
- Matveev A. V., Matveeva N. P., Serikov Yu. B., Skochina S. N.** Kul'tovye pamyatniki epokhi eneolita [Cult monuments of the Eneolithic era]. Tyumen, Tyumen State Uni. Press, 2015, 156 p. (in Russ.)
- Milkov F. N., Gvozdetsky N. A.** Fizicheskaya geografiya SSSR [Physical geography of the USSR]. In 2 vols. Moscow, Mysl', 1976. (in Russ.)
- Mosin V. S.** Eneoliticheskaya keramika Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya [Eneolithic ceramics of the Ural-Irtysh interfluve]. Chelyabinsk, South Ural State Uni. Press, 2003, 220 p. (in Russ.)
- Mosin V. S., Epimakhov A. V., Vybornov A. A., Korolev A. I.** Khronologiya eneolita i epokhi rannei bronzy v Ural'skom regione [Chronology of the Eneolithic and the Early Bronze Age in the Ural Region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2014, no. 4 (60), pp. 30–42. (in Russ.)
- Mosin V. S., Strakhov A. N., Yakovleva E. S., Nikitin A. Yu.** Neoliticheskii i eneoliticheskii kompleksy stoyanki Kedrovyy mys I v Yuzhnom Zaural'e [Neolithic and Eneolithic complexes of the Kedrovyy Mys I site in the Southern Trans-Urals]. *Vestnik YuUrGU [Bulletin of the South Ural State University]*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 46–56. (in Russ.) DOI 10.14529/ssh170407
- Olenev A. M.** Ural i Novaya Zemlya [Ural and Novaya Zemlya]. Moscow, Mysl', 1965, 215 p. (in Russ.)
- Shorin A. F.** Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problemy kul'turogeneza [Eneolithic of the Urals and adjacent territories: problems of cultural genesis]. Ekaterinburg, UB RAS Publ., 1999, 182 p. (in Russ.)
- Shorin A. F., Shorina A. A.** Eneoliticheskii kompleks pamyatnika arkheologii “Koksharovskii kholm – Yur'inskoe poselenie”: nachalo epokhi eneolita v Zaural'e [The Eneolithic Complex of

the Archeological site “Koksharovsky Hill – Yuryno Settlement”: the Beginning of the Eneolithic in the Trans-Urals]. *Rossiyskaya arkhеologiya* [*Russian Archaeology*], 2021, no. 3, pp. 37–51. (in Russ.) DOI 10.31857/S086960630009721-2

Starkov V. F. Mezolit i neolit lesnogo Zaural'ya [Mesolithic and Neolithic of the forest Trans-Urals]. Moscow, Nauka, 1980, 220 p. (in Russ.)

Vinogradov A. V., Dervits A. L., Dobkina E. I., Markova N. G., Martishchenko L. G. Opredelenie absolyutnogo vozrasta po C 14 [Determination of absolute age according to C 14]. *Geokhimiya* [*Geochemistry*], 1956, no. 8, pp. 3–9. (in Russ.)

Zakh V. A. Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya [Chronostratigraphy of the Neolithic and early metal of the forest Tobol-Ishim]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 320 p. (in Russ.)

Zakh V. A., Zimina O. Yu., Ryabogina N. E. Radiouglerodnye daty arkhеologicheskikh i prirodnykh kompleksov Tobolo-Ishim'ya (po materialam Tobolo-Ishimskoi ekspeditsii IPOS SO RAN) [Radiocarbon dates of the archaeological and natural complexes of Tobol-Ishimye (based on the materials of the Tobol-Ishim expedition of the IPOS SB RAS)]. *Vestnik arkhеologii, antropologii i etnografii* [*Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnography*], 2011, no. 1 (14), pp. 219–233. (in Russ.)

Информация об авторе

Вадим Сергеевич Мосин, доктор исторических наук

Scopus Author ID 36473799800

WoS Researcher ID AAY-5157-2020

RSCI Author ID 100342

Information about the Author

Vadim S. Mosin, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 36473799800

WoS Researcher ID AAY-5157-2020

RSCI Author ID 100342

Статья поступила в редакцию 11.05.2022;

одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 01.09.2022

The article was submitted on 11.05.2022;

approved after reviewing on 24.08.2022; accepted for publication on 01.09.2022

Научная статья

УДК 903.02

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-72-84

Керамика калинкинской культуры из городища Барсов городок III/2: техничко-технологические особенности

Дмитрий Вадимович Селин¹
Юрий Петрович Чемякин²

¹ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

¹ selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

² yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

Аннотация

Выполнен технико-технологический анализ керамики калинкинской культуры из городища Барсов городок III/2 (25 сосудов). Гончары отбирали один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные глины. Выявлены пять подвидов глин, различающихся по степени запесоченности и составу естественных примесей. Самым распространенным подвидом являются слабозапесоченные глины с естественными включениями бурого железняка. Определено три рецепта формовочных масс: 1) глина + шамот (21 изд.); 2) глина + шамот + песок (3 изд.); 3) глина + песок (1 изд.). Полое тело изготавливалось при помощи лоскутного налепа, предпочтительно, на форме-основе. Поверхности посуды обрабатывались при помощи механического заглаживания и лощения, установлено 10 вариантов комбинирования разных инструментов. Обжиг сосудов мог проходить в восстановительной или полувосстановительной среде. Сравнение гончарных традиций носителей калинкинской культуры с городища Барсов городок III/2 и селища Барсова Гора III/20 показало их сходство. Оно проявляется в близких навыках отбора исходного пластичного сырья – чаще всего это слабозапесоченные ожелезненные глины. Доминирующим рецептом формовочной массы на обоих памятниках является «глина + шамот». Полое тело изготавливалось лоскутным налепом. Имеются различия в отдельных приспособительных навыках – ассортименте искусственных добавок, рецептов формовочных масс, вариантах комбинирования обработки поверхности. Керамика калинкинской культуры из городища Барсов городок III/2 демонстрирует сходство с изделиями барсовской культуры, которое проявляется в использовании преимущественно слабозапесоченных ожелезненных глин и использовании шамота как основной минеральной примеси. С посудой сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности ее также сближает применение шамота и лоскутного налепа. Однако между керамикой сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности и калинкинской культуры с городища Барсов городок III/2 имеются важные различия, проявляющиеся в использовании в кулайском гончарстве дресвы и применении ленточного налепа.

Ключевые слова

Сургутское Приобье, Барсова Гора, ранний железный век, калинкинская культура, керамика, технико-технологический анализ, культурная принадлежность

Благодарности

Исследование выполнено за счет Российского научного фонда, грант № 21-78-00039, <https://rscf.ru/project/21-78-00039/>

Для цитирования

Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Керамика калинкинской культуры из городища Барсов городок III/2: технико-технологические особенности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 72–84. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-72-84

© Селин Д. В., Чемякин Ю. П., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 72–84

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 72–84

Pottery of the Kalinkino Culture from the Barsov Gorodok III/2 Settlement: Technical and Technological Characteristics

Dmitrii V. Selin¹, Yuriy P. Chemyakin²

¹ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russian Federation

¹ selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

² yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

Abstract

Purpose. Barsova Gora is a unique archaeological and landscape site located in the Tyumen Region (West Siberia) of the Russian Federation. The technical and technological analysis of Kalinkino ceramics from the Barsov gorodok III/2 settlement (25 vessels) was performed in accordance with the method developed by A. A. Bobrinsky.

Results. For the manufacture of vessels at the Barsov gorodok III/2 settlement, ferruginous clays were selected. Five subspecies of clay have been identified, differing in the sandiness degree and natural impurities composition. The most common subspecies of clay is weakly sandy clay with natural inclusions of brown ironstone. Three recipes for molding compound were defined: 1) clay + chamotte (21 vessels); 2) clay + chamotte + sand (3 vessels); 3) clay + sand (1 vessel). Vessels were made using patchwork molding, presumably on a base mold. Surfaces of vessels were processed by mechanical smoothing and glossing. There are 10 variants of combining different tools. The most common variant is smoothing vessel both surfaces using a serrated tool. Firing of pottery could take place in reducing or semi-reducing gas environment.

Conclusion. A comparison of pottery traditions of the Kalinkino culture from the Barsov gorodok III/2 settlement and the Barsova Gora III/20 settlement revealed their similarity. It is manifested in the selection of weakly sandy ferruginous clays for vessels production. The dominant recipe for molding compound on both sites is clay + chamotte. Vessels were made using patchwork overlay. There are differences in the range of artificial additives used in the ceramic production, recipes for molding compound, surface treatment options. Pottery of the Kalinkino culture from the Barsov Gorodok III/2 settlement demonstrates similarity with the Barsovo culture products. The similarity is manifested in the use of weakly sanded ferruginous clays and the use of chamotte as the main mineral impurity. It also converges with the pottery of the Surgut variant of the Kulay cultural-historical community due to use of chamotte and patchwork overlay. However, there are significant differences between ceramics of the Surgut variant of the Kulay cultural-historical community and the Kalinkino culture from the Barsov gorodok III/2 settlement manifested: it lies in the use of shadings and flap veneer in the Kulay pottery.

Keywords

Surgut Ob region, Barsova Gora, Late Bronze Age, Kalinkino culture, pottery, technical and technological analysis

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 21-78-00039, <https://rscf.ru/project/21-78-00039/>

For citation

Selin D. V. Chemyakin Yu. P. Pottery of the Kalinkino Culture from the Barsov Gorodok III/2 Settlement: Technical and Technological Characteristics. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 72–84. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-72-84

Введение

Урочище Барсова Гора находится на правом берегу Оби в Ханты-Мансийском автономном округе, в 8–15 км к западу от г. Сургута. Первые раскопки в урочище были проведены еще в XIX в. политссыльным В. Ф. Казаковым (1887 или 1889 г.) и шведским исследователем Ф. Мартиным (1891 г.). Но широкую известность оно получило после начала охранных раскопок Уральским госуниверситетом в связи со строительством железной дороги и моста через Обь, продолжавшихся, с небольшими перерывами, с 1971 по 2008 г. За эти годы в урочище были выявлены сотни селищ, объединявших остатки более 3 000 жилищ и построек, 66 городищ, 7 или 8 могильников, святилища, клады и т. д. Они охватывали почти все периоды

освоения человеком Севера, начиная от неолита и заканчивая новейшим временем. Возможно, урочище посещалось и в более раннее время.

Городище Барсов городок III/2 было открыто В. М. Морозовым и Н. А. Алексашенко в 1971 г., во время сплошной топоъемки памятников на участке под строящийся поселок Мостоотряда-29. На плане оно было обозначено как объект 239. В 1972 г. одному из авторов пришлось срочно раскопать его в связи с начинавшимся строительством школы на его месте. Памятник оказался двухплощадочным городищем шестиугольной формы, площадью около 1 020 кв. м. Оно было окружено рвом шириной 1,0–1,5 м, глубиной 0,3–0,5 м и валом шириной 1,0–3,0 м и высотой 0,2–0,4 м. На внутренних площадках наблюдались четыре впадины (от 4,0 × 3,0 до 6,5 × 4,0 м), две приподнятых площадки (11,0 × 7,0 и 9,0 × 7,5 м) и неглубокая впадина с обваловкой (9,0 × 7,5 м), окруженные канавками. Городище находилось в лесу в 350 м от края берега протоки Утоплой (правый коренной берег Оби) и было окружено многочисленными руинированными остатками древних построек.

Технико-технологический анализ керамики не менее чем 25 изделий выполнен по методике, предложенной А. А. Бобринским в соответствии с естественной структурой гончарного производства [Бобринский, 1978; 1999]. Определения проводились при помощи бинокулярной микроскопии (микроскоп Leica M51) поверхностей и изломов изделий с последующим сравнением с экспериментальной коллекцией технологических следов. При этом использовались специализированная научная литература и «Каталог эталонов по керамической трасологии» (см., например, [Бобринский, 1978; 1999, Цетлин, 2012; 2017, Васильева, Салугина, 2020] и др.).

Целью работы является реконструкция содержания ступеней гончарного производства у носителей калинkinской культуры на городище Барсов городок III/2.

История исследования

В раскоп I общей площадью 1 741 кв. м вошли полностью объект 239 и шесть объектов к северу, югу и востоку от него (№ 230, 240, 241, 246, 544 и 626). В ходе раскопок выяснилось, что западная площадка объекта 239 представляла собой самостоятельное городище (Барсов городок III/3), возникшее на площадке более раннего памятника (Барсов городок III/2). В свою очередь, при сооружении городища Барсов городок III/2 были частично нарушены руины жилой постройки (объект 240 селища Барсова Гора III/3) (рис. 1). При анализе керамических коллекций оказалось, что они представляют разные культурные типы, позднее отнесенные к белоярской, калинkinской и кулайской культурам [Чемякин, 2021].

Наиболее ранними являлись объекты 240 и 246 – две белоярские постройки, примыкавшие к городищу Барсов городок III/2 с южной и юго-восточной сторон. При этом западная стена жилища 240 и его обваловка с этой стороны были повреждены рвом городища. Само городище имело шестиугольную (близкую к прямоугольной) форму, максимальный размер 37,0 × 34,0 м. Оно было окружено валом и внешним рвом. Ров в профиле параболический, шириной 1,0–1,5 м, глубиной 0,8–1,15 м от уровня древней поверхности. Вал сильно расплылся, ширина его составляла 1,0–3,0 м, высота до 0,3 м от древней поверхности. Выходы из городища находились в углах с северо-восточной и юго-западной сторон. Они представляли собой разрывы в оборонительной системе шириной 1,75 и 1,8 м соответственно. Раскопками были выявлены пять построек, относившихся к городищу. Три наземных жилища, примыкавших друг к другу длинными сторонами и разделенных обваловками и внешними канавками, располагались вдоль вала с юго-западной стороны. Две углубленные постройки примыкали к крайним из них.

Жилище 2 (уч. И–Л/9–10) до раскопок имело вид неправильно-округлой впадины диаметром около 4 м и глубиной до 0,25 м. С восточной стороны она примыкала к валу, с южной – к жилищу 3, с западной была окружена обваловкой и внешней канавкой. Подквадратный котлован жилища размером 3,7 × 3,5 м был углублен на 25–35 см от уровня древней поверхности и ориентирован по сторонам света. Стенки его относительно крутые, пол понижался к центру. Выход не обнаружен, но с южной стороны в канавке, разделявшей жилища 2 и 3,

имелся разрыв (возможно, здесь был переход из постройки в постройку). С северной стороны перед котлованом не было никаких ограничителей, здесь мог быть выход. В центре постройки находился очаг в виде вытянутого прокала, с южной стороны перекрытого бурым очажным слоем с включениями мелких фрагментов кальцинированных костей. Мощность прокала 5–8 см. С восточной стороны к нему примыкала овальная яма размером $1,3 \times 0,75$ м, глубиной до 35 см от уровня пола. С западной стороны в яму спускался языком толщиной 5 см темно-бурый очажный слой. Артефактов в яме не обнаружено. В северо-восточном углу жилища зафиксирована еще одна яма $0,4 \times 0,23$ м, глубиной 16 см. В северо-западном углу котлована найден округлый камень диаметром около 15 см. У северной стенки лежал раздавленный сосуд, декорированный вдавлениями палочки (рис. 2, 5).

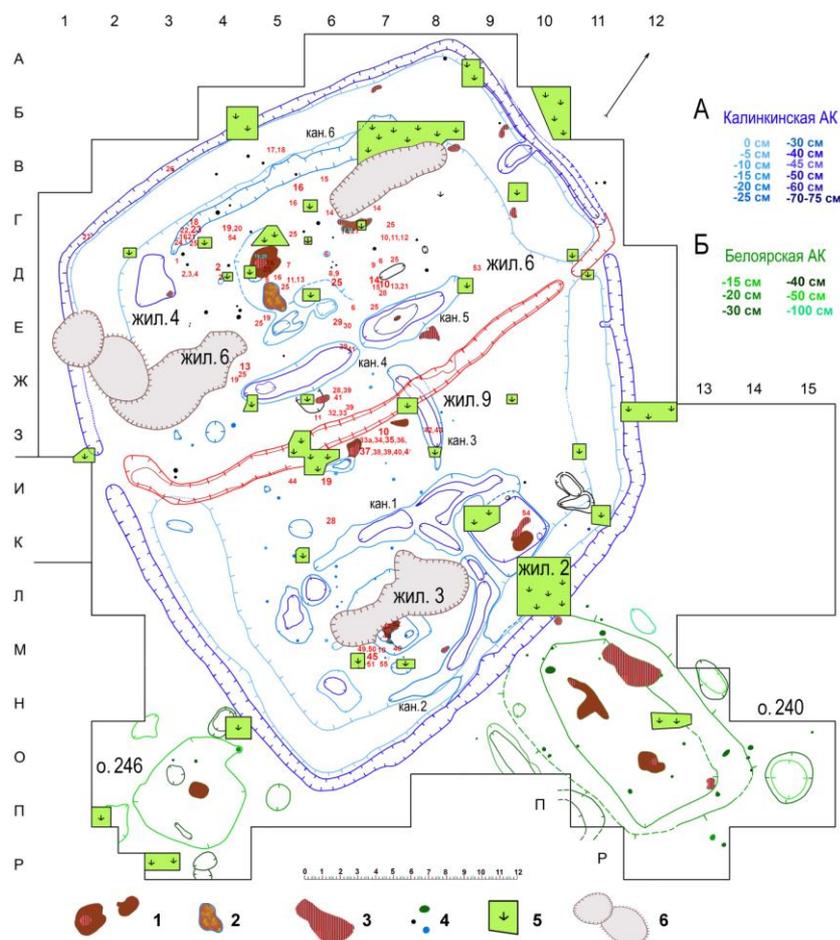

Рис. 1. Городище Барсов городок III/2. План раскопа. Условные обозначения:

1 – очаги; 2 – выбросы из очагов; 3 – прокалы; 4 – ямки от столбов; 5 – пни, деревья; 6 – современные разрушения. А – уровни фиксации объектов калинкинской культуры; Б – уровни фиксации объектов белоярской культуры. Синими линиями разных оттенков обозначены объекты калинкинской культуры; зелеными – белоярской культуры; красными – фрагмент рва в городище кулайской культуры Барсов городок III/3. Красными цифрами пронумерованы сосуды калинкинской культуры (крупные цифры соответствуют скоплениям черепков или развалам сосудов)

Fig. 1. Barsov gorodok III/2 settlement. Excavation plan. Legend:

1 – hearths; 2 – emissions from the hearths; 3 – prokals; 4 – post holes; 5 – stumps, trees; 6 – modern destructions. А – fixation levels of the Kalinkino culture objects; Б – fixation levels of the Beloyarska culture objects. Blue lines of different shades indicate the Kalinkino culture objects; green lines indicate the Beloyarska culture; red lines indicate a ditch fragment in the Barsov gorodok III/3 settlement (The Kulay culture). Vessels of the Kalinkino culture are numbered in red (large numbers correspond to shards clusters or vessels ruins)

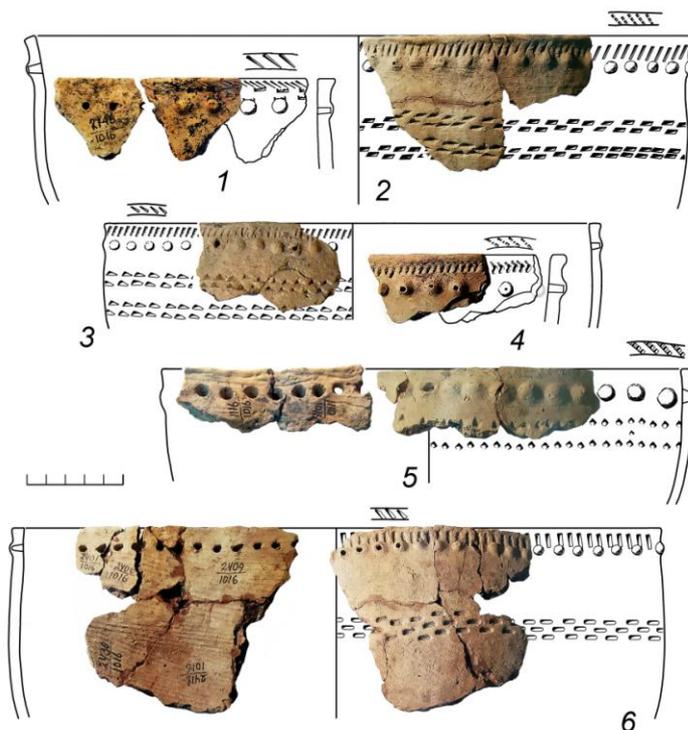

Рис. 2. Городище Барсов городок III/2. Керамика:

1–4 – жилище 3; 5 – жилище 2; 6 – жилище 4

Fig. 2. Barsov gorodok III/2 settlement. Ceramics:

1–4 – dwelling 3; 5 – dwelling 2; 6 – dwelling 4

С западной и частично с южной стороны жилище окружала канава 1, опоясывавшая его северо-западный угол. С южной стороны к жилищу примыкала канава 2. Обе являлись продолжением канав, окружавших жилище 3.

Жилище 3 находилось в юго-восточном углу городища (уч. Л–М/6–8). Его центральная часть была разрушена современной канавой, из-за чего впадина не фиксировалась на поверхности, но наблюдалась ее обваловка шириной около 1,5 м и высотой 5–15 см от окружающей поверхности. Размер объекта вместе с ней примерно 8,0 × 7,5 м. С южной стороны ко впадине примыкали две внешние овальные ямы, с трех других его окружали две канавы.

Котлован жилища подпрямоугольной формы размером около 4,4 × 3,5 м был углублен на 15–20 см от уровня древней поверхности и ориентирован по линии 3–В. Стенки его покатые, пол слегка понижался к центру, достигая глубины 15–20 см. В центре находился очаг, разрушенный современной ямой. Сохранилась часть линзы бурой супеси с большим содержанием органики, в том числе мелко фрагментированных костей, а также керамики и обломков тиглей. Размер ее 1,0 × 0,5–0,7 м, толщина 5–6 см. В центре под линзой зафиксирован прокол толщиной 6 см. В северо-восточном углу жилища выявлена овальная яма размером 0,5 × 0,3 м, глубиной 20 см от уровня пола. В котловане и вокруг него обнаружено 12 ямок, возможно, от столбов.

Жилище было окружено обваловкой, сложенной из песка, взятого из вырытых с внешней стороны ям и канав. Высота ее 15–30 см от уровня древней поверхности, ширина около 1,5 м. Под насыпью в юго-восточном углу найдены развалы трех сосудов, лежавших на погребенной почве. С восточной стороны под обваловкой зафиксированы прокол и яма овальной формы размером 1,0 × 0,7 м, глубиной около 30 см от древней поверхности. Еще одна яма находилась с южной стороны. Вероятно, жилище было наземным с углубленным центром.

Обваловка, окружавшая его с внешней стороны, после разрушения стен частично заплывла внутрь, перекрыв пристенок, где могли находиться спальные места (нары).

С внешней стороны обваловки находились ямы и канавы. Канавы 1 шириной 0,6–2,2 м протянулась с юга на север на 12,5 м, окаймляя с западной стороны жилища 2 и 3. Ее северный конец, загибаясь к востоку, подходил вплотную к жилищу 2. От ее середины к востоку отходило ответвление длиной 2,2 и шириной 1,5 м, разделявшее два жилища. В профиле канавы параболическая, в заполнении были видны следы заплывов – прослойки погребенного подзола, на дне отмечен слой погребенной почвы. Глубина ее до 60–70 см от древней поверхности. Канавы 2 с восточной стороны жилища имела вид пологой дуги длиной 11 и шириной до 1 м. В профиле она параболическая, заполнение и глубина такие же, как у канавы 1. С южной стороны жилища зафиксированы три ямы размерами от 1,7 × 1,5 до 3,3 × 2,0 м, глубиной до 50–65 см от древней поверхности. Их заполнение – желтый песок со следами заплывов, на дне погребенная почва мощностью 5–10 см.

Жилище 4 в юго-западном углу городища (уч. Д–Е/2–3) представляло собой овальную впадину размером 3,5 × 2,7 м, углубленную на 35 см и ориентированную по линии СЗ–ЮВ. С запада она примыкала к валу. Котлован жилища был углублен на 85–90 см от уровня древней поверхности. Заполнение – сверху белый подзол мощностью до 25 см, прорезавшийся примерно посередине линзой желтого песка. Под ним желто-серый песок, подстилавшийся погребенной почвой, общей толщиной до 28 см. Этот слой образовался во время существования позднего городища (Барсов городок III/3). Ниже залегал желто-серый песок, у пола приобретающий темно-серую, почти черную окраску; его мощность составляла до 35–40 см. Слой относился к раннему городищу. Очертания позднего котлована размером 3,3 × 2,6 м зафиксированы на глубине 20 см. Он имел подпрямоугольную форму с небольшой выемкой в северном углу, ориентирован в направлении СЗ–ЮВ. Жилище имело небольшие уступы с северо-западной и юго-восточной сторон. Второй, возможно, был связан с выходом. Стенки жилища покатые, пол неровный, углубленный в юго-западной половине, где достигал 80–95 см от уровня древней поверхности.

На глубине 45 см в восточном углу котлована, связанного с ранним периодом, фиксировалось овальное очажное пятно в виде линзы светло-коричневого песка с включениями органики размером 0,35 × 0,25 м, толщиной 7 см. Следов прокала не выявлено. В метре к юго-западу от очага стоял сосуд, украшенный гладким штампом. Недалеко от него обнаружена линза из рыбьей чешуи. На удалении до 1,5 м от жилища с северной и восточной сторон отмечен ряд столбовых ям, а в 1 м к югу зафиксированы два больших прокала.

Остатки жилища 6 в рельефе выглядели как овальная площадка, окруженная валобразной насыпью (уч. Г–Е/4–7). Размеры ее вместе с обваловкой около 15,0–16,0 × 9,0 м, ориентировка по линии СВ–ЮЗ. Ширина насыпи 2,0–3,0 м, высота около 30 см от окружающей поверхности. Котлован жилища вытянутых пропорций был углублен на 15–20 см от уровня древнего горизонта. В северной части он полностью разрушен более поздними сооружениями. Ширина его около 4,0 м, длину установить невозможно. Стенки пологие, пол неровный. В южной части жилища находился очаг в виде неправильно-овальной линзы темно-бурого слоя мощностью до 30 см, насыщенного мелкими фрагментами костей и керамикой. Ее размер 1,6 × 1,5 м. В центре под очажным слоем отмечен провал толщиной до 7 см. Под очагом же находилась округлая яма диаметром около 1,0 м, глубиной 40 см. Очевидно, в центре жилища находилась ямка округлой формы диаметром 0,4 м, глубиной 15 см (уч. Д/6). В ней найден развал сосуда, украшенного гладким штампом.

За пределами жилища с южной стороны зафиксированы ямки от столбов (?). Возможно, к жилищу относятся и ямки, выявленные в его северной и центральной частях. С восточной стороны жилища под обваловкой выявлена цепочка из четырех ям размерами от 1,0 × 0,5 до 1,5 × 0,5 м, глубиной 25–50 см. В их заполнении фиксировались слои заплывов, в том числе связанные с поздним городищем. В нижних слоях одной из ям найдена керамика, декорированная гладким штампом.

Вероятно, с конструкцией жилища 6 связаны канавы 4–6. Канавы 4 и 5 вытянуто-овальной формы, ориентированы по линии СВ–ЮЗ, в профиле трапециевидные, размерами $7,0 \times 1,9$ и $6,7 \times 2,2$ м, глубиной 50–60 и до 80 см соответственно. Находились по одной линии восточнее жилища и цепочки ям, в 1,5 м от последних. В придонной части канавы 4 встречены фрагменты керамики. Восточнее канав выявлена цепочка прокалов различных размеров. Мощность их не превышала 3 см. Канава 6 длиной 16,0 и шириной 0,7–1,0 м находилась с западной стороны жилища, между ним и валом. В профиле параболическая, глубиной 70–75 см. У северного конца она делала поворот к востоку и обрывалась в современной яме. В придонной части канавы у ее южного конца найдена керамика, украшенная гладким штампом.

Жилище 9 было разрушено рвом городища Барсов городок III/3 и на поверхности не наблюдалось. Судя по выявленным деталям, это была наземная постройка, расположенная между жилищами 3 и 6 и примыкавшая южной стеной к валу (уч. Ж–К/4–8). С западной и восточной сторон она была ограничена канавами 1 и 4, общими с жилищами 3 и 6 соответственно, с северной стороны – канавой 3. Вдоль продольной (?) оси жилища выявлены два очага в виде линз бурой супеси, насыщенных органикой и мелкими косточками. Южный очаг неправильной формы, размером $1,8 \times 0,8$ м, толщиной 7–10 см, подстилался ярко-оранжевым прокалом мощностью до 5 см. В очажном слое найдены мелкие фрагменты керамики и обломок бронзовой пластинки. К очагу примыкала яма размером $1,1 \times 0,5$ м, глубиной 30 см. Северный очаг грушевидной формы, размером $1,1 \times 0,45$ м, толщиной до 10 см. В нем также найдены мелкие обломки сосудов, украшенных гладким штампом. В центральной части постройки зафиксировано шесть столбовых (?) ямок. Предположительно, у углов южной стены жилища находились две ямы размерами $0,4 \times 0,35$ и $1,3 \times 1,0$ м, глубиной 17 и 10 см.

Канава 3 на поверхности выглядела как углубленная на 10 см впадина, вытянутая по линии СЗ–ЮВ. Длина ее 7,5 м, ширина 1–1,5 м. В западной части она нарушена рвом позднего городища. В профиле канава параболическая, глубиной до 70 см. В ее придонной части найдены обломки керамики, в том числе декорированные гребенчатым и гладким штампами.

Северо-восточный сектор площадки городища не был застроен.

На памятнике найдены фрагменты тиглей и обломки минимум 55 сосудов (рис. 2–4). Преобладают чашевидные формы, с вертикальными или слегка отогнутыми наружу стенками. Есть слабо профилированные горшковидные, близкие к чашевидным. Найдено несколько поддонов. Орнамент украшал венчики и верхнюю часть сосудов. Большая часть узоров нанесена гладким штампом, использовался также гребенчатый. Своеобразие композициям придают пояски из горизонтальных оттисков, расположенных в шахматном порядке и нередко заключенных между поясками таких же оттисков, но поставленных вертикально или наклонно. Разделительный поясок под венчиком образован жемчужинами, реже ямками или их сочетанием. Такая керамика характерна для калинкинской культуры. Планиграфический анализ показал, что в ряде случаев фрагменты от одного сосуда находились в разных постройках (см. рис. 1).

Во всех жилищах, кроме постройки 4, были обнаружены обломки тиглей (рис. 4, 2). Найдены также капли и сплески цветного металла, свидетельствующие о наличии на городище цветной металлообработки.

Результаты исследования керамики

Отбор исходного пластичного сырья. Для изготовления посуды гончары городища Барсов городок III/2 использовали ожелезненные глины, которые отличаются друг от друга концентрацией естественного песка и наличием других естественных примесей. Можно выделить пять подвидов глин.

Глина 1 (12 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 5 включений на 1 кв. см). Зафиксированы включения только мелкого (1 изд.) и разноразмерного (5 изд.) окатанного бурого железняка.

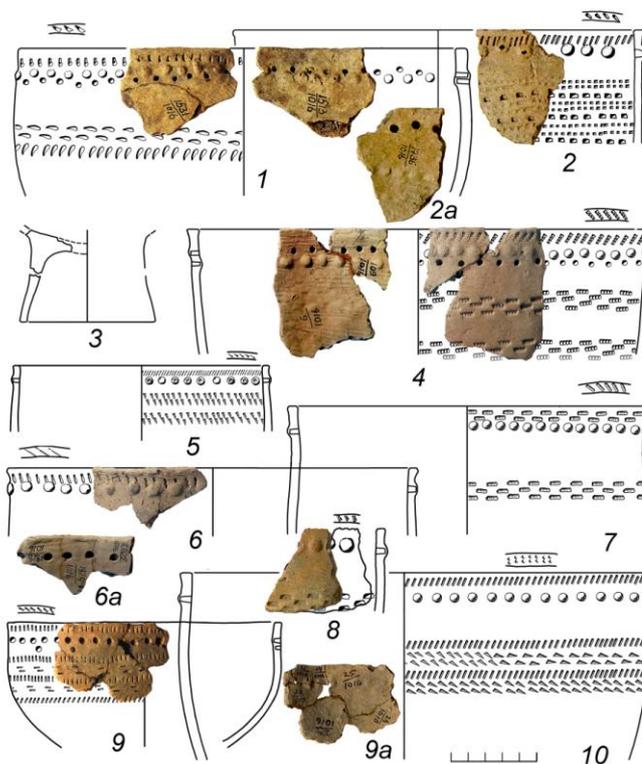

Рис. 3. Городище Барсов городок III/2. Керамика, жилище 6
 Fig. 3. Barsov gorodok III/2 settlement. Ceramics, dwelling 6

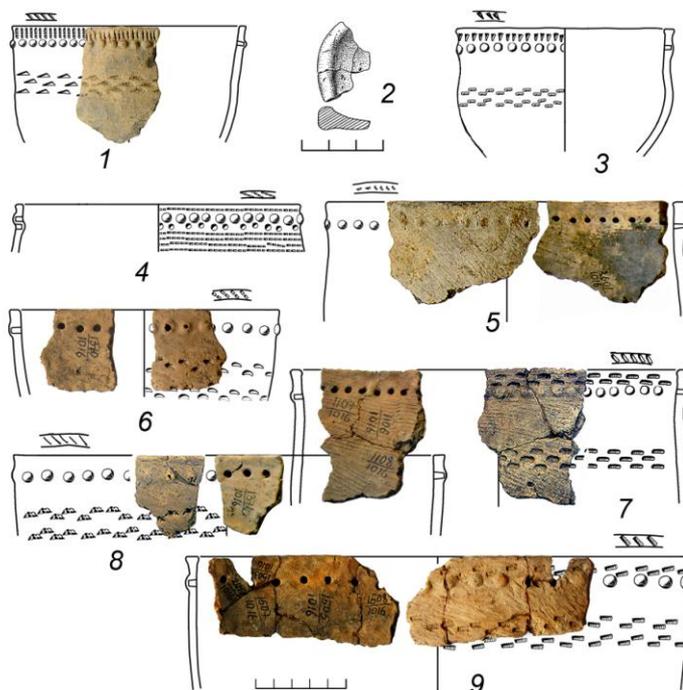

Рис. 4. Городище Барсов городок III/2. Керамика, жилище 9, керамика, обломок тигля (2)
 Fig. 4. Barsov gorodok III/2 settlement. Ceramics, fragment of crucible (2), dwelling 9

Глина 2 (5 изд.) – среднезапесоченное сырье (до 12 включений на 1 кв. см). Выявлены фракции только мелкого (1 изд.) и разноразмерного (4 изд.) окатанного бурого железняка.

Глина 3 (2 изд.) характеризуется наличием естественных включений мелких единичных обрывков растительности. Концентрация естественного мелкого окатанного песка составляет до 5 включений на 1 кв. см.

Глина 4 (3 изд.) – в ней выявлены естественные включения окатанного (2 изд.) или окатанного и угловатого (1 изд.) мелкого известняка. Концентрация естественного песка – до 5 включений на 1 кв. см.

Глина 5 (3 изд.) – для этого сырья характерно наличие естественных включений мелких пластинок слюды в невысокой концентрации (до 1 включения на 1 кв. см).

Составление формовочных масс. Определено три рецепта: 1) глина + шамот (21 изд.); 2) глина + шамот + песок (3 изд.); 3) глина + песок (1 изд.). Концентрация примесей представлена в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение концентрации шамота и песка в керамике калинкинской культуры
городища Барсов городок III/2

Table 1

The ratio of the chamotte and sand concentration in the Kalinkino culture pottery
of the Barsov gorodok III/2 settlement

Концентрация	Шамот	Песок
1 : 1	–	1
1 : 4	2	2
1 : 4–5	–	1
1 : 5	3	–
1 : 6	5	–
1 : 6–7	2	–
1 : 7	5	–
1 : 8–9	7	–
ВСЕГО изделий	24 изд.	4 изд.

Искусственные примеси представлены шамотом и песком. Органические добавки не выявлены. Шамот обнаружен практически во всех изделиях в составе одно- и многокомпонентных рецептов. В 18 изделиях фракции не калибровались (максимальный размер включений до 6 мм), в шести сосудах установлена калибровка по верхней границе (≤ 2 мм; 5 изд.). Искусственная примесь окатанного прозрачного и глухого песка выявлена в четырех изделиях. Он калибровался по верхней границе (≤ 1 мм).

Несмешанный рецепт «глина + шамот» использовался со всеми выделенными подтипами глин. Глина 2 выделяется разнообразием сочетания ее с разными рецептами формовочных масс – в нее были добавлены все определенные составы (табл. 2).

Конструирование полого тела. Определения выполнялись по изломам венчиков и стенок посуды. Полое тело наращивалось при помощи лоскутов. На одном сосуде выявлено конструирование двухслойным лоскутным налепом, и на этом же сосуде венчик с внутренней стороны дополнительно оформлен небольшим жгутиком.

Обработка поверхностей. Обе поверхности сосудов обработаны механическим заглаживанием и лощением, которое было выполнено при помощи различных инструментов в разнообразных сочетаниях (табл. 3).

Внешняя сторона заглаживалась зубчатым орудием (23 изд.) и пальцами (2 изд.). На пяти сосудах совместно с заглаживанием зубчатым орудием применялось лощение обеих поверх-

ностей. Венчик двух изделий дополнительно обработан пальцами, возможно, на поворотном столике. На одном сосуде следы от механического заглаживания зубчатым орудием выполняют функцию технического узора, дополняя рельефный декор. Внутренняя поверхность заглаживалась зубчатым орудием (19 изд.) или пальцами (5 изд.), мягким материалом (1 изд.).

Таблица 2

Соотношение подвидов глин и составов формовочных масс керамики калинкинской культуры городища Барсов городок III/2

Table 2

The ratio of clays subspecies and of molding compound compositions in the Kalinkino culture pottery of the Barsov gorodok III/2 settlement

Рецепт формовочной массы	Глина				
	1	2	3	4	5
Г + Ш	11	3	2	3	3
Г + Ш + П	1	1	–	–	–
Г + П	–	1	–	–	–
ВСЕГО изделий	12	5	2	3	3

Примечание: Г – глина; Ш – шамот; П – песок.

Таблица 3

Инструменты обработки поверхностей керамики калинкинской культуры городища Барсов городок III/2

Table 3

Tools for machining surfaces in ceramics of the Kalinkino culture of the Barsov gorodok III/2 settlement

№ п/п	Поверхность		БГ III/2
	внешняя	внутренняя	
1	Заглажена твёрдым зубчатым орудием		10
2	Заглажена твёрдым зубчатым орудием и залощена		5
3	Заглажена твёрдым зубчатым орудием	Заглажена пальцами	3
4	Заглажена твёрдым зубчатым орудием	Заглажена твёрдым зубчатым орудием и пальцами	1
5	Заглажена пальцами	Заглажена твёрдым зубчатым орудием	1
6	Заглажена твёрдым зубчатым орудием	Заглажена мягким материалом	1
7	Заглажена твёрдым зубчатым орудием, венчик заглажен пальцами	Заглажена пальцами	1
8	Заглажена твёрдым зубчатым орудием, венчик заглажен пальцами		1
9	Заглажена твёрдым зубчатым орудием и пальцами		1
10	Заглажена пальцами		1
ВСЕГО изделий			25

Установлено 10 вариантов комбинирования разных инструментов обработки внешней и внутренней поверхности (табл. 3). Самым распространенным является заглаживание обеих поверхностей зубчатым орудием (10 изд.).

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Посуда обжигалась при температурах выше каления глины (от 550–650 до 900–1 100 °С), на что указывает отсутствие явления остаточной пластичности и следов спекания глины до стекловидного состояния. Изломы посуды одноцветные (темно-серый – 3 изд., серый – 2 изд., светло-коричневый – 1 изд.) и двуцветные (со светло-коричневым внешним и темно-серым внутренним краями – 19 изд.). Обжиг мог проходить в двух режимах: в восстановительной и восстановительно-окислительной среде.

Заключение

Технико-технологический анализ керамики калинкинской культуры из городища Барсов городок III/2 позволяет определить, что гончарами отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные глины. Выделено пять подвидов глин, различающихся между собой концентрацией естественного песка и наличием иных естественных примесей. Эти подвиды могут соответствовать разным выходам исходного пластичного сырья, из которых гончарами производилась его добыча. Выделено три рецепта формовочной массы. Основным является несмешанный «глина + шамот» (21 изд.). Выявлен один сосуд, изготовленный по рецепту «глина + песок». Обнаружены сосуды, изготовленные по смешанному рецепту с искусственной добавкой песка и шамота. Это позволяет предположить, что на этом городище проходил начальный этап смешения разных групп гончаров с различающимися навыками составления формовочной массы. Конструирование полого тела выполнено при помощи лоскутов, на одном сосуде зафиксирован случай дополнительного оформления венчика при помощи жгутика. Этот технологический прием зафиксирован нами ранее на посуде сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности (КИО). Установлено 10 вариантов комбинирования инструментов при обработке поверхностей. Самым распространенным является заглаживание обеих поверхностей зубчатым орудием. На пяти сосудах обе поверхности были дополнительно залощены. Керамика могла обжигаться в восстановительной и восстановительно-окислительной газовой среде.

Особый интерес представляет сравнение технологии изготовления керамики калинкинской культуры Барсова городка III/2 с гончарными традициями на других калинкинских памятниках и в иных культурах, известных на Барсовой Горе. Следует отметить, что на всех памятниках посуда проанализирована нами по единой методике, предложенной А. А. Бобринским, что дает возможность корректно сопоставлять результаты.

Ранее нами был выполнен технико-технологический анализ сосудов калинкинской культуры с селища Барсова Гора III/20. Установлено, что ожелезненные глины выступали главным исходным пластичным сырьем. Выявлено пять подвидов глин, различающихся по степени запесоченности и составу естественных примесей. Было определено четыре рецепта формовочных масс – однокомпонентные: 1) глина + шамот (16 изд.); многокомпонентные: 2) глина + шамот + песок (2 изд.); 3) глина + шамот + органический раствор (8 изд.); 4) глина + шамот + песок + органический раствор (2 изд.). Начин одного сосуда изготовлен по донно-емкостной программе, покое тело изготавливалось при помощи лоскутов, предположительно, на форме-основе. Поверхности посуды обрабатывались при помощи механического заглаживания и лощения, определено 18 вариантов комбинирования. Обжиг сосудов мог выполняться в восстановительной или полувосстановительной среде.

В целом традиции изготовления керамики гончарами Барсова городка III/2 и Барсовой Горы III/20 схожи между собой. Это проявляется в схожести применяемого исходного пластичного сырья – чаще всего это слабозапесоченные ожелезненные глины. Доминирующим рецептом формовочной массы является «глина + шамот». Покое тело на обоих памятниках изготавливалось лоскутным наделом на форме-основе. При этом имеются и различия в отдельных приспособ-

собительных навыках. Так, на Барсовой Горе III/20 зафиксировано четыре рецепта формовочной массы, в том числе с использованием органического раствора, что не характерно для посуды Барсова городка III/2. При этом на Барсовой Горе III/20 отсутствует керамика, изготовленная по несмешанному рецепту «глина + песок», что позволяет предположить, что на этом селище поселились гончары с уже смешанными навыками составления формовочной массы. Кроме того, на Барсовой Горе III/20 зафиксировано и большее разнообразие вариантов комбинирования обработки поверхности, что также может указывать на начавшийся процесс смешения гончарных традиций, который привел к появлению компромиссных вариантов, часто в пределах жизни одного поколения [Цетлин, 2012, с. 242; 2017, с. 192].

По отдельным технико-технологическим характеристикам керамика калининской культуры с Барсова городка III/2 также похожа на изделия барсовской и белоярской культур. Сходство проявляется в использовании ожелезненных слабозапесоченных глин как исходного пластичного сырья и шамота как главной минеральной примеси. Первое может объясняться использованием близких источников сырья (глиниц). С посудой сургутского варианта кулайской КИО сходство проявляется в использовании при конструировании полого тела лоскутов. Однако имеются и значимые различия. Так, в керамике калининской культуры с Барсова городка III/2 полностью отсутствует добавка дресвы и органики в формовочную массу, отсутствуют случаи применения ленточного налёпа. При этом на одном из ранних кулайских памятников Сургутского Приобья – городище Барсов городок III/6 на рецепт «глина + дресва» приходится 62 %, а на рецепт «глина + шамот» – 16 %. Эта ситуация говорит о том, что для сургутского варианта кулайской КИО уже на раннем этапе его существования характерно использование рецептов с дресвой, что не является типичным для гончарных традиций барсовской, калининской и, в значительной мере, белоярской культур.

Продолжение комплексного технико-технологического анализа керамики эпохи палеометалла Сургутского Приобья позволит реконструировать содержание отдельных ступеней гончарной технологии населения этой территории, даст возможность выявить особенности ее происхождения и развития, локальные вариации и станет основой для изучения историко-культурных процессов в этом регионе. Актуальной задачей является и поиск исходной территории носителей калининской культуры.

Список литературы

- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П.** Электронный каталог эталонов по керамической трасологии. Самара, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog/> (дата обращения 01.01.2022).
- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.
- Цетлин Ю. Б.** Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2017. 346 с.
- Чемякин Ю. П.** Стратиграфия городищ эпохи раннего железа Барсов городок III/2–3 // Вестник ТГУ. История. 2021. № 69. С. 73–80. DOI 10.17223/19988613/69/10

References

- Bobrinsky A. A.** Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of studying ancient pottery]. Samara, SamSPU Press, 1999, pp. 5–109. (in Russ.)

- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study.]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)
- Chemyakin Yu. P.** Stratigraphy of early Iron Age settlements Barsov gorodok III/2-3. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 2021, no. 69, pp. 73–80. (in Russ.) DOI 10.17223/19988613/69/10
- Tsetlin Yu. B.** Drevnyaya keramika: teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 346 p. (in Russ.)
- Vasileva I. N., Salugina N. P.** Elektronnyi katalog etalonov po keramicheskoi trasologii [Electronic catalog of etalons for ceramic tracing]. Samara, 2020. (in Russ.) URL: <http://archsamara.ru/katalog/> (accessed 01.01.2022).

Информация об авторах

Дмитрий Вадимович Селин, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 56676168000
WoS Researcher ID M-5333-2019
RSCI Author ID 739271

Юрий Петрович Чемякин, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57189441288
WoS Researcher ID AAQ-6501-2021
RSCI Author ID 770955

Information about the Authors

Dmitrii V. Selin, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 56676168000
WoS Researcher ID M-5333-2019
RSCI Author ID 739271

Yuriy P. Chemyakin, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57189441288
WoS Researcher ID AAQ-6501-2021
RSCI Author ID 770955

*Статья поступила в редакцию 01.09.2022;
одобрена после рецензирования 30.10.2022; принята к публикации 01.11.2022
The article was submitted on 01.09.2022;
approved after reviewing on 30.10.2022; accepted for publication on 01.11.2022*

Научная статья

УДК 903.03

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-85-98

Железная руда из кургана № 51 Усть-Тартасского могильника Саргатская культура

Наталья Артемовна Кулик¹, Вячеслав Иванович Молодин²
Андрей Владиславович Вишневецкий³, Владимир Петрович Бондаренко⁴
Леонид Валерьевич Мирошниченко⁵, Дмитрий Алексеевич Ненахов⁶
Игорь Альбертович Дураков⁷, Наталья Сергеевна Ефремова⁸
Людмила Николаевна Мыльникова⁹

^{1, 2, 6-9} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

³⁻⁵ Институт геологии и минералогии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ kulik@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2641-5517>

² molodin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

³ vishnevsky@igm.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1576-3188>

⁴ bond@igm.nsc.ru

⁵ Iv_mirosh@igm.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7430-7270>

⁶ nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

⁷ iadurakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

⁸ ens77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>

⁹ l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Аннотация

Обсуждаются результаты всестороннего анализа фрагментов железной руды, обнаруженных при исследовании кургана № 51 памятника Усть-Тартасские курганы (Венгеровский район Новосибирской области). Фрагменты представляли собой бесформенные обломки породы с характерными железистыми окислами и значительным удельным весом. Два фрагмента оказались шлаком. Три обломка происходят из погребения № 17. Другие выявлены в насыпи кургана и в пахотном слое, последние явно были перемещены со своего первоначального местонахождения. Образцы изучены с помощью бинокулярной микроскопии, рентгенофазового анализа и методом сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной спектроскопией.

По результатам исследования представленные образцы гётитовых руд отнесены к типу осадочных болотно-озерных руд регионально-местного происхождения, который характеризуется более низкой температурой плавления и высоким качеством выплавляемого железа. По-видимому, ландшафтные особенности региона позволяли добывать болотную руду в непосредственной близости от мест проживания мастеров.

Исследованный комплекс имеет значение для изучения как в целом саргатской культуры, так и явлений, связанных с жизнью саргатского общества. Также следует подчеркнуть важность методической составляющей исследования образцов.

Ключевые слова

железная руда, металлообработка, Западная Сибирь, могильник, курган, саргатская культура

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФН, проект № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)»

© Кулик Н. А., Молодин В. И., Вишневецкий А. В., Бондаренко В. П., Мирошниченко Л. В.,
Ненахов Д. А., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Мыльникова Л. Н., 2023

Для цитирования

Кулик Н. А., Молодин В. И., Вишнеvский А. В., Бондаренко В. П., Мирошниченко Л. В., Ненахов Д. А., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Мьльникова Л. Н. Железная руда из кургана № 51 Усть-Тартасского могильника. Саргатская культура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 85–98. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-85-98

Iron Ore from Mound No. 51 of the Ust-Tartas Burial Ground Sargat Culture

Natalya A. Kulik¹, Vyacheslav I. Molodin²
Andrei V. Vishnevsky³, Vladimir P. Bondarenko⁴
Leonid V. Miroshnichenko⁵, Dmitry A. Nenakhov⁶
Igor A. Durakov⁷, Natalya S. Efremova⁸
Lyudmila N. Mylnikova⁹

^{1,2,6-9} Institute of Archeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

³⁻⁵ Institute of Geology and Mineralogy
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ kulik@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2641-5517>

² molodin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

³ vishnevsky@igm.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1576-3188>

⁴ bond@igm.nsc.ru

⁵ Iv_mirosh@igm.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7430-7270>

⁶ nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

⁷ iadurakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

⁸ ens77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>

⁹ l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Abstract

Purpose. The article presents the results of a comprehensive analysis of iron ore fragments found during the explorations of mound no. 51 of the Ust-Tartas site (Vengerovsky distric, Novosibirsk region). The fragments presented shapeless rock debris with ferruginous oxides and a specific. Two fragments turned out to be slag. Three fragments come from burial no. 17 while others were found in the mound fill and the arable layer, obviously moved from their original location. The samples were studied using binocular microscopy, X-ray phase analysis and scanning electron microscopy with energy-dispersive spectrometry.

Results. According to the study, the presented goethite ores samples were classified as sedimentary swamp-lake ores of regional and local origin, which is characterized by a lower melting point and high quality of smelted iron. Apparently, the region landscape features made it possible to extract bog ore in the immediate vicinity of the places where the craftsmen lived.

It has been suggested that the identified artifacts the professional activity of a Sargat community related to metal production, buried in the investigated mound or participat in the funeral ceremony.

Conclusion. The studied site is of great scientific importance for the study of the Sargat culture, as a whole, and the phenomena associated with the Sargat society life. The importance of the methodological component of the samples study should also be emphasized.

Keywords

iron ore, metalworking, Western Siberia, burial ground, mound, Sargat culture

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00012 “Elite mounds of the Sargat culture of the early Iron Age in the Ob-Irtysh forest-steppe (Novosibirsk region)”

For citation

Kulik N. A., Molodin V. I., Vishnevskiy A. V., Bondarenko V. P., Miroshnichenko L. V., Nenakhov D. A., Durakov I. A., Efremova N. S., Mylnikova L. N. Iron Ore from Mound No. 51 of the Ust-Tartas Burial Ground. Sargat Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 85–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-85-98

Введение

При раскопках элитного кургана № 51 Усть-Тартасского могильника (Венгеровский район Новосибирской области) (рис. 1) [Молодин, Новиков, 1998], первым исследователем-раскопщиком которого был С. М. Чугунов в 1895, 1896 гг. [Чугунов, 1900], были обнаружены несколько фрагментов железной руды, без сомнения, относящиеся к данному погребальному комплексу. Три фрагмента (№ 5–7) происходят из погребения № 17 (см. таблицу). Остальные выявлены в насыпи (№ 3) и в пахотном слое за пределами ровика (№ 1, 2, 4, 4а) на глубине порядка 0,2 м от современной дневной поверхности (нивелировочные отметки от –0,94 до –1,12 от единой нулевой отметки) (рис. 2; таблица). За ровик фрагменты явно были перемещены со своего первоначального местонахождения в результате хозяйственной деятельности современного человека.

Цель данной работы – дать характеристику обнаруженным артефактам и отразить значение их нахождения в комплексе элитного кургана саргатской археологической культуры.

Описание образцов

При визуальном исследовании зафиксировано несколько фрагментов железной руды.

Образец № 1 из кв. Я/53, сл. 2, представляет собой бесформенный кусок породы, отколотого от желвака с окатанной галечной корочкой. Его размеры $\approx 2,5 \times 2 \times 2$ см.

Образец № 2 найден в кв. Ф/56, сл. 2, также представляет собой бесформенный фрагмент породы, со всех сторон испещренный грубыми изломами и, возможно, сколами. Его размеры $\approx 6,4 \times 3 \times 4$ см.

Образец № 3 найден в кв. Ц/59, сл. 2, – бесформенный фрагмент породы, со всех сторон испещренный грубыми изломами и, возможно, сколами. Его размеры $\approx 1,8 \times 1,5 \times 3$ см.

Образцы № 4, 4а обнаружены в кв. Р/62 – бесформенные обломки, со всех сторон испещренные грубыми изломами. Размеры образца № 4 $\approx 1,5 \times 1,1 \times 0,7$ см, образца № 4а $\approx 1,8 \times 1,7 \times 0,5$ см.

Рис. 1. Местонахождение кургана № 51 памятника Усть-Тартасские курганы.

Fig. 1. Location of mound no. 51 of the Ust-Tartas burial ground site.

Результаты рентгенофазового анализа образцов железной руды кургана № 51 памятника Усть-Тартасские курганы
X-Ray Phase Analysis results of Iron Ore Samples from Mound no. 51 at the Ust-Tartas burial ground site

№ образца	Индекс образца	Минеральный состав	Примечания
1	Траншея 50, кв. Я/53, слой 2, т. о. 273	Средне много гётита, магнетита, гематита, следы кварца	–
2	Траншея 52, кв. Ф/56, слой 2, т. о. 474	Очень много гётита, следы кварца	–
3	Траншея 52, кв. Ц/59, слой 2, т. о. 500	Очень много гётита, мало гематита, следы кварца	Возможно, следы слюды, хлорита
4	Траншея 53, кв. Р/62, слой 1, т. о. 155у-1	Очень много рентгеноаморфной фазы, средне кварца, мало очень неупорядоченной слюды, очень мало плагиоклаза, кпш, следы доломита	Возможно, следы средне-Mg-кальцита
4а	Траншея 53, кв. Р/62, слой 1, т. о. 155у-2	Очень много рентгеноаморфной фазы, средне кварца, мало очень неупорядоченных слюды и хлорита, очень мало плагиоклаза, кпш, следы доломита, средне-Mg-кальцита	–
5	Траншея 50, погребение № 17, т. о. 1024 № 1	Очень много гётита, следы кварца	Возможно, малое содержание лепидокрокита, следы плагиоклаза
6	Траншея 50, погребение № 17, т. о. 1024 № 2	Много гётита, средне кварца, немного лепидокрокита, мало слюды (очень неупорядоченной), плагиоклаза, кпш, очень мало хлорита, следы амфибола, кальцита	–
7	Траншея 50, погребение № 17, т. о. 1024 № 3	Очень много гётита, мало лепидокрокита, очень мало кварца, следы слюды (очень неупорядоченной), плагиоклаза	–

Условные обозначения: кв. – квадрат; кпш – калиевый полевой шпат; т. о. – тахеометрический номер.

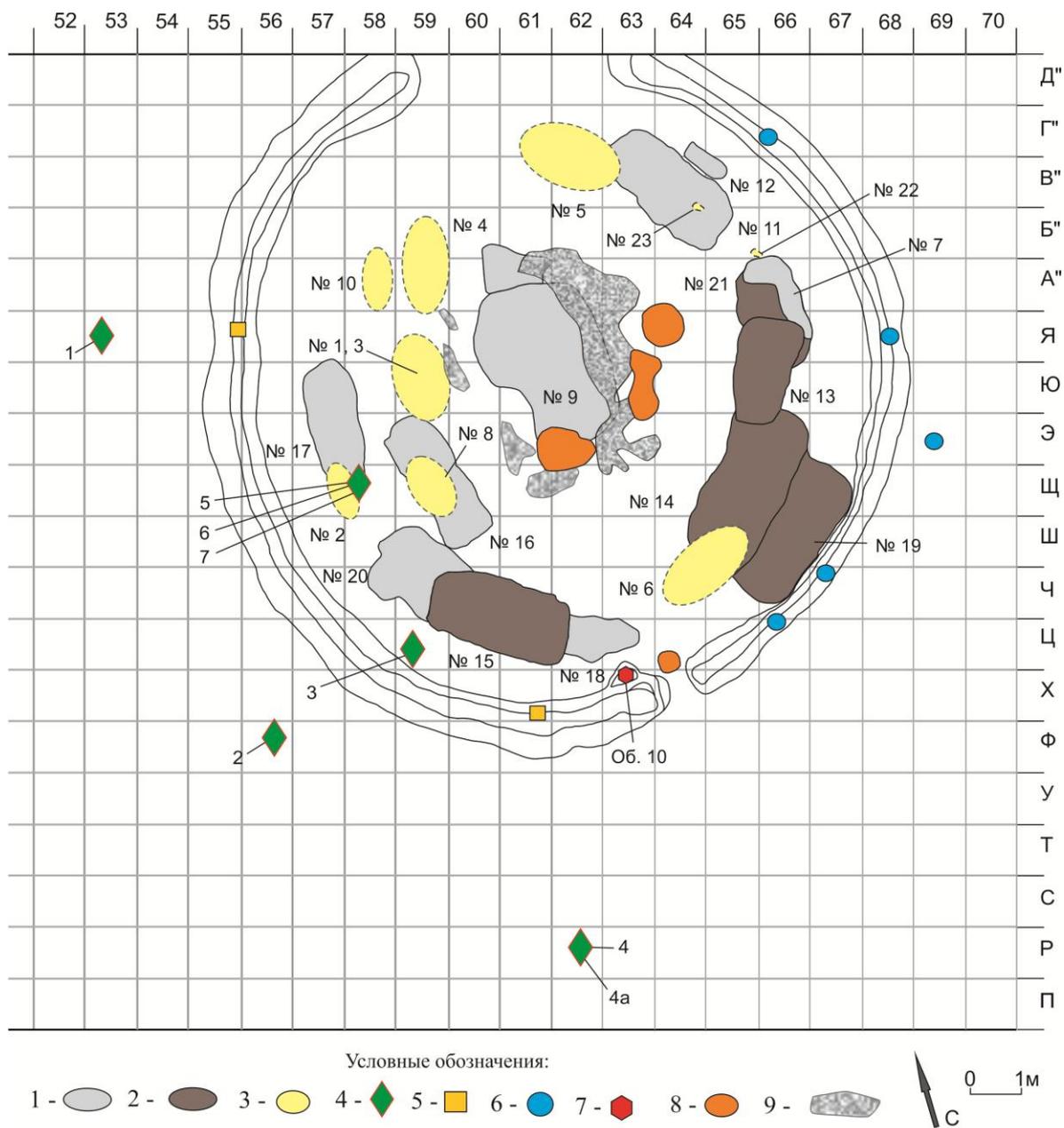

Рис. 2. Участок раскопа 2022 г. с объектами кургана № 51 (памятник Усть-Тартасские курганы):

1 – Центральное погребение № 9 и погребения первой очереди; 2 – погребения второй очереди; 3 – погребения, впускные в насыпь; 4 – образцы руды; 5 – кости животных в ровике; 6 – останки рыбы; 7 – приклад (объект 10); 8 – прокалы; 9 – береста

Fig. 2. The segment of excavation site 2022 with objects from mound no. 51 (Ust-Tartas burial ground site):

1 – central burial no. 9 and first stage burials; 2 – second stage burials; 3 – mounds with inlet to hillock; 4 – ore samples; 5 – animal bones in a ditch; 6 – fish remains; 7 – offering (ob. 10); 8 – calcinations; 9 – birchbark

Образцы № 5–7 найдены в заполнении погребения № 17. Размеры: № 5 – 3,7 × 3,4 × 2,6 см; № 6 – 3,4 × 2,7 × 1,3 см; № 7 – 3,8 × 3,5 × 2,2 см (рис. 2; таблица).

Все фрагменты отличались значительным удельным весом, что однозначно свидетельствует о том, что это куски железной руды. Об этом же говорит и черно-коричневый цвет обломков с проявлением характерных железистых окислов.

И по внешнему виду и по необычно тяжелому весу предметы явно выпадают из набора находок, которые были обнаружены за десятилетия раскопок разновременных и разнокультурных археологических памятников в Обь-Иртышской лесостепи. Из числа, пожалуй, столь необычных предметов, можно упомянуть совершенно неожиданное обнаружение небольшого обломка метеорита одним из авторов данной статьи при раскопках поселения кротовской культуры Преображенка-3 [Молодин, 1973]. Однако это указывает лишь на то, что обитатели Барабинской лесостепи во все времена фиксировали необычные «камни», поскольку, как известно, камня и каких-либо рудных залежей на данной территории нет.

Прежде чем приступить к осмыслению отмеченных находок, было необходимо провести их анализ, который и был осуществлен специалистами.

Бинокулярное исследование.

Образец № 1. Матовый на сколовых поверхностях обломок – плотный коричневый скрытокристаллический агрегат гётита массивной текстуры, в котором при максимальном увеличении бинокля едва различима зернистость кристаллической породы. Скальвания слабораковистые, местами ровные прямые, ребра их стертые и заполированы до полуметаллического блеска; в одном месте есть включение очень мелкого изометричного зерна со спайным (?) отблеском; в другом – остатки ржавой пленки лимонита. Узкий конец обломка сильно магнитен, в то время как остальная его часть магнитных свойств не обнаруживает. Твердость агрегата $H = 5$.

Образец № 2. Не магнитен. Плотный мелкозернистый агрегат гётита, очень похожий на псевдоморфное замещение (?) первичной железной руды, состоявшей из изометричных зерен (с сечениями, близкими к прямоугольным, дающими отблеск, похожий на спайный), с полуметаллическим блеском. При этом внутри обломка много извилистых пустот, соответствующих трещиноватости с последующим растворением. В некоторых из них образовались миниатюрные почковидные наросты гётита, а также имеются поверхности с ржаво-бурым лимонитом и желто-буроватым скрытокристаллическим (пелитоморфным? глинистым?) материалом.

Образец № 3. Не магнитен. Плотный мелкозернистый агрегат гётита, очень похожий на псевдоморфное замещение гётитом первичного зернистого агрегата железной руды. Тем не менее, в псевдоморфозах улавливается пластинчатость, которая могла быть у замещенного минерала, тем более что методом РФА (рентгенофазовый анализ) установлено наличие в образце гематита (см. таблицу). Однако гётит и сам может образовывать уплощенные кристаллы и сростки, поэтому необходимы исследования на аппаратуре с очень высокой разрешающей способностью.

Образцы № 4 и 4а. Обломочки одинаковы, очень пористые, стекловатые. Вполне вероятно, что они происходят от одного куска. Это шлак, что подтверждается РФА наличием стекловатой фазы (см. таблицу). Рудных минералов не обнаружено, примесь кристаллического карбоната и низкоупорядоченных слюды и хлорита свидетельствует о не очень высокой температуре плавления.

Образцы № 5–7. Это обломки плотной гётитовой руды характерного для гётита коричневого цвета. Все три не магнитны. Породы всех трех однотипная, так что велика вероятность, что они являются обломками одного большого куска, так как они имеют несколько принципиальных сходных свойств, помимо их строения. 1. Основные минералы – гётит и гидрогётит: ни магнетита, ни гематита с размером зерна более 3–5 микрон не обнаружено. 2. По всему объему образцов равномерно распределены мелкие частицы оолитов угловатой формы размером 2–30 (редко до 100) микрон и внутри, и снаружи. В основном это кварц, калиевый

полевой шпат, мусковит (чешуйками), редко эпидот. 3. Во всех образцах в среднем зафиксировано по 1–2 % фосфора, 4–6 % марганца и по 1 % алюминия и кальция.

Итоги исследования

Артефакты представляют собой обломки массивной железной руды, состав которой определяется как гётитовый, что подтверждено рентгенофазовым анализом (см. таблицу). Два фрагмента – образцы № 4 и 4а – являются обломками шлака, подтверждая использование данной руды для получения металлического железа.

Гётит (α -FeOOH) – одна из структурных модификаций гидроксида железа. Другой модификацией того же состава является β -FeOOH – лепидокрокит, образующийся в тех же условиях, что и гётит. В виде рудных скоплений гидроксида железа формируются в гипергенных условиях в двух генетических типах: в корах выветривания, образуя «железные шляпы» в зонах окисления гипогенных железорудных месторождений, и в осадочных месторождениях, в том числе в так называемых болотных и озерных железных рудах.

Памятник Усть-Тартасские курганы расположен в южной зоне Западно-Сибирской низменности, для которой характерно большое количество озер и болот, но в геологической характеристике Барабинского района упоминаний об их рудоносности нет: потенциал подобных местонахождений слишком мал для современных масштабов. Известно, однако, использование болотной железной руды средневековым населением юга Томской обл. в правобережье Оби [Водясов, Асочакова, 2020]. Вместе с тем наличие в обломке № 1 гётитовых руд магнетита и гематита (см. таблицу) обусловило необходимость детального минералогического изучения представленных образцов для определения их генетического типа, поскольку для железных руд Кузнецкого и Алтайского железорудных бассейнов соседних областей характерен как раз гематит-магнетитовый состав руд. Правда, отсутствие на железорудных месторождениях этих бассейнов «железных шляп» и довольно значительная их удаленность практически исключают возможность связи с ними найденных на памятнике образцов, однако это не отменяет необходимости их фактологической характеристики.

Исследование образцов под бинокулярной лупой обнаружило однотипность слагающей их гётитовой руды – для всех характерна массивность, обусловленная скрытокристаллическим или тонкозернистым сложением гётитового агрегата. В наиболее крупном образце № 2 заметна более поздняя трещиноватость с образованием очень мелкого почковидного агрегата перекристаллизации гётита. Подчеркнем, что в образце № 1 была установлена сильная магнитность одного конца образца при полном отсутствии магнитности всего остального объема.

Исследование методом сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной спектроскопией (СЭМ ЭДС) первых трех образцов (см. таблицу, № 1–3) позволило установить близкий для всех трех химический состав сопутствующих железу примесей. Это в среднем 1–2 % фосфора, 4–6 % марганца, по 1 % алюминия и кальция. Кроме того, была установлена субмикронная размерность гётитовых зерен, а также присутствие в нем зерен гидрогётита (α -FeOOH· n H₂O) той же размерности и частиц нерудных минералов-примесей размером 2–30 (редко до 100) микрон. Это угловатые зерна кварца, калиевого полевого шпата, редко – эпидота, хлорита и слюды (по данным РФА – очень неупорядоченной), относительно равномерно рассеянные по всему гётитовому агрегату (рис. 3).

Примечательно, что в образце № 1 – наиболее массивном и однородном – ни гематит, ни магнетит, обнаруживающий себя помимо РФА сильной магнитностью одного конца образца, при СЭМ-исследованиях не найдены в выделениях видимого размера, по-видимому, образуя наноразмерную вкрапленность. Но в этом образце хорошо заметно более позднее образование части гидрогётита по трещинам в гётитовом агрегате.

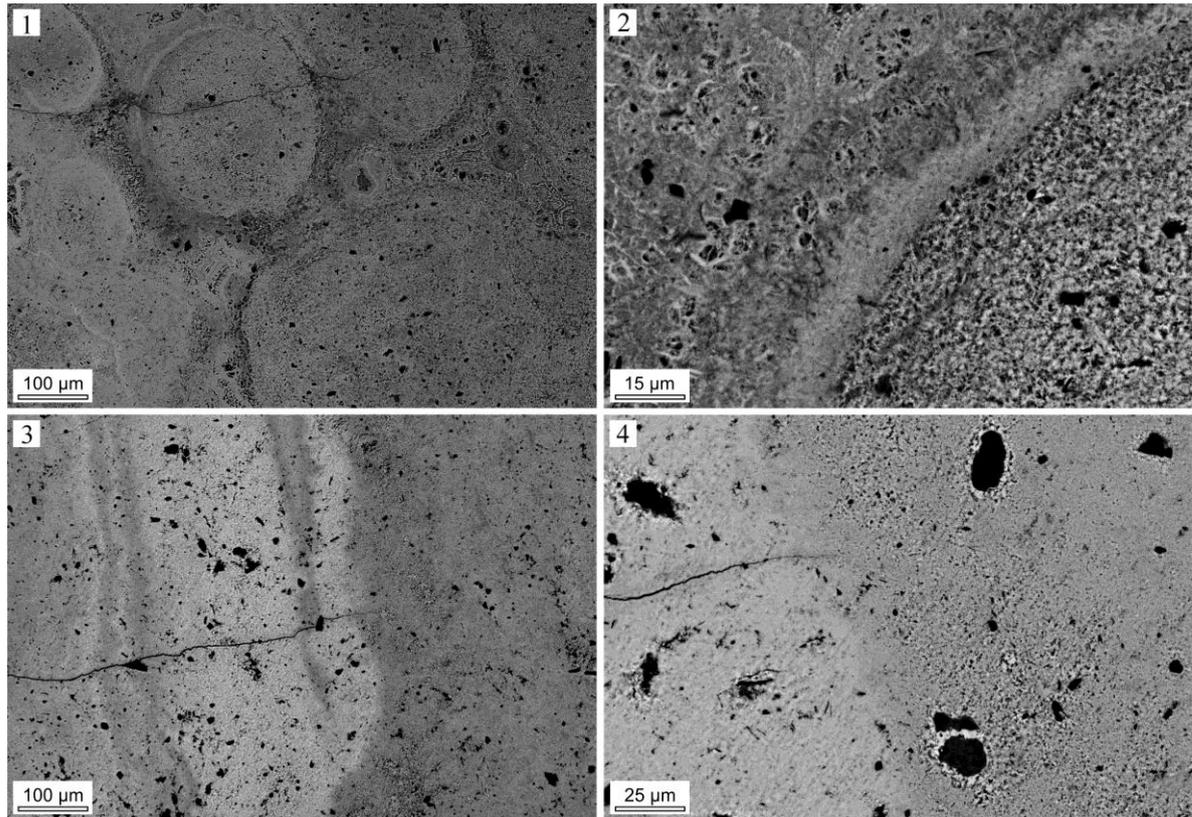

Рис. 3. Изображения микроструктуры образцов железных руд из кургана № 51 памятника Усть-Тартасские курганы, полученные с помощью СЭМ в отраженных электронах (режим BSE). Отчетливо видно относительно равномерное распределение обломочных зерен кварца и силикатных минералов (черные точки и пятнышки): 1 – образец № 2, мелкие гётитовые оолиты ($d = 0,05–0,5$ мм), располагающиеся в пространстве между крупными; 2 – образец № 2, субмикронное строение гидрогётит-гётитового агрегата, слагающего оолиты и заполняющего пространство между ними; 3 – образец № 3, полосчатая текстура, обусловленная неравномерным распределением железа и марганца (железистые участки выглядят светлее); 4 – образец № 3, обломочные зерна алевритовой размерности (черные точки и пятнышки) в плотном тонкокристаллическом агрегате гидроокислов железа и марганца

Fig. 3. The images of iron ore samples microstructure from the mound no. 51 in the Ust-Tartas burial ground site, obtained using SEM in reflected electrons (BSE mode). The relatively uniform distribution of quartz clastic grains and silicate minerals is clearly seen (black dots and spots): 1 – sample no. 2, small goethite oolites ($d = 0,05–0,5$ mm), located in the context between the large ones; 2 – sample no. 2, submicron structure of a hydrogoethite-goethite aggregate composing oolites and filling the space between them; 3 – sample no. 3, eutaxitic structure due to uneven distribution of iron and manganese (ferriferous areas appear lighter); 4 – sample no. 3, clastic grains of silty size (black dots and spots) in a dense fine-crystalline aggregate of iron and manganese hydroxides

В образце № 3 – массивном, скрытокристаллическом, явно уплощенном – при исследовании СЭМ-методом обнаружена полосчатая текстура, похожая на слоистость, параллельная уплощению образца (рис. 3, 3). Полосы различаются разной пористостью гётитового агрегата (рис. 3, 4), что сказывается и на их химическом составе: в разных полосах содержание железа отличается в пределах $\pm 4\%$, марганца – на 1% . Гематит, зафиксированный в образце № 3 методом РФА (см. таблицу), имеет такие же размеры, что и зерна гётита, и не обнаруживает следов замещения последним.

Поскольку столь же мелкие – микронного размера – зерна магнетита и гематита присутствуют в образце № 1, есть все основания считать их образование совместным с гётитом, тем более что генезис гематита в поверхностных условиях общеизвестен (красный железняк), и образование магнетита также возможно [Годовиков, 1983, с. 178; Till, Nowaczyk, 2018]. Данный факт и особенно тонкодисперсный характер всех минералов исследованной гётито-

вой руды являются аргументом в пользу ее осадочного генезиса. Но наиболее убедительные наблюдения относительно генезиса гётитовой руды артефактов были получены в аншлифе образца № 2 при обычной рудной микроскопии (рис. 4), дополненной методом СЭМ.

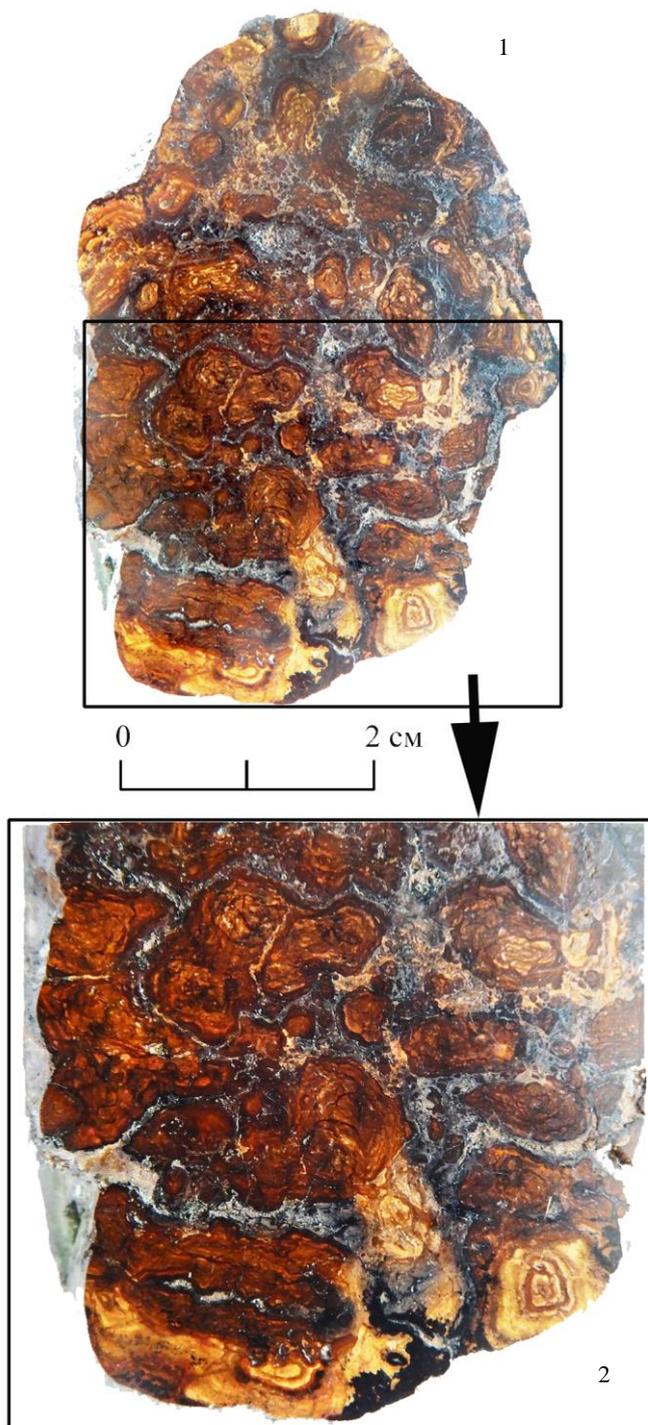

Рис. 4. Аншлиф образца № 2. Фото (1) и увеличенный участок аншлифа (2)
Fig. 4. Sample no. 2: polished thin section. Photo (1) and enlarged polished thin section (2)

На срезе обнаружилось несколько округлых и овальных оолитов размером от 3 до 5–8 мм, имеющих зональное строение. При косом освещении видна значительная трещиноватость, зональных оолитов довольно много, но кроме них остальная рудная масса состоит из сплошных, но тоже округлых участков такого же размера, что и зональные оолиты, которые расположены вокруг скопления незональных (см. рис. 4). Последние под микроскопом обнаруживают столь тонкочешуйчатое сложение, что не поддаются диагностике: лишь по желто-коричневому и красному внутреннему рефлексу скоплений этих тончайших, вытянутых в одном направлении чешуек различимы тесно соприкасающиеся без резкой границы преобладающий гётит и гематит. При использовании СЭМ-методики обнаруживается, что скрытокристаллический участок представляет собой скопления оолитов, но гораздо более мелких (см. рис. 3, 1, 2) и состоящих из неупорядоченно расположенных зерен гётита с примесью гидрогётита той же размерности, что и гётит в скрытокристаллическом агрегате образцов № 1 и 3.

У наиболее крупных оолитов наблюдается зональное строение. При этом в некоторых из них центром, вокруг которого происходит нарастание зон, являются светлые глинистые обломочки, окрашенные гидрогётитом и гётитом в розовый или желтовато-буроватый цвет соответственно. Такие же глинистые зоны имеются и в зональной части оолита. В его строении также бросается в глаза черная зона, состоящая из оксидов и гидроксидов марганца, которые, кроме того, выполняют тонкие трещины во всем гётитовом агрегате, включая участки с мелкими оолитами.

Примечательно также, что тот же окрашенный гидрогётитом глинистый материал образует три тонкие протяженные зоны-прослойки вне оолитов, параллельно плоской поверхности образца, окончательно подтверждая осадочный, притом явно болотно-озерный генезис данной железной руды.

Три образца гётитовой руды (№ 5–7) из погребения № 17 ничем существенно не отличаются от рассмотренных выше: то же массивное, преимущественно скрытокристаллическое сложение гётита с той же примесью нерудного осадочного материала, возможно, лишь несколько более обильного (см. таблицу) не дают оснований для отнесения их к иному генетическому типу.

В целом полученные результаты исследования образцов гётитовых руд достаточны для отнесения их к типу осадочных болотно-озерных руд регионально-местного происхождения. Присутствие среди образцов обломочков шлака, свидетельствуя об ее (руды) использовании, может служить косвенным указанием на доступность этой руды и достаточное для плавления количество. Преимущества данного типа железного сырья заключаются в более низкой температуре плавления и более высоком качестве (благодаря природно-повышенному содержанию марганца) выплавляемого железа [Водясов, Асочакова, 2020]. Они наверняка были известны и древним металлургам Барабы.

Однако точная привязка руды, представленной в образцах памятника, потребовала бы специального геологического исследования на территории микрорайона, куда входит памятник, поэтому мы на сегодняшний день ограничимся предположениями.

Некоторые выводы

Материалы исследованного кургана предварительно датированы III–I вв. до н. э. Ситуация, зафиксированная при раскопках элитного кургана № 51 Усть-Тартасского могильника, является незаурядной по целому ряду причин.

Первое, что следует иметь в виду, – это отсутствие сведений о подобных находках в материалах изучаемого времени. Помещение руды в могилу и в надмогильное сооружение ранее не зафиксировано в достаточно многочисленных курганах саргатской культуры, исследованных как на территории Барабинской лесостепи (см.: [Полосьмак, 1987]), так и на западных пространствах ее ареала (см.: [Корякова, 1988; Матвеева, 1993; 1994]). Однако это отнюдь не

означает, что подобная обрядовая практика отсутствовала у населения саргатской культуры. Аналогичные артефакты могли быть приняты исследователями за камни. Кроме того, проблема может заключаться и в методике раскопок курганов: крупные по величине земляные сооружения убирались почти исключительно при помощи техники. Понятно, что в таком случае находка мелких фрагментов руды, как и следов сакральных мест, типа тех, что обнаружены в насыпи кургана № 51 [Мыльникова и др., 2022], практически невозможна. В результате еще раз надо подчеркнуть, что даже крупные земляные насыпи крайне нежелательно разбирать при помощи техники.

Второй, не менее важный и более чем обоснованный вывод, к которому авторы пришли в результате специально проведенного анализа образцов из кургана № 51, заключается в том, что это фрагменты болотно-озерной руды, из которой, видимо, изготовлен имеющийся в комплексе набор железных предметов. Важно, что добыча болотной руды представителями саргатской культуры была возможна прямо в урочище Таи – огромного проточного займища, периодически полностью то затапливаемого водой, то освобождающегося от нее в результате цикличности климата. Это явление (затопление урочища) достаточно четко фиксируется и в настоящее время, и было характерно как минимум для всего голоцена. Размещение огромного могильника саргатской культуры на одном из берегов урочища, разумеется, не было случайным, а связано с социально-экономическими предпосылками, важными для представителей культуры. По-видимому, болотную руду население района Таёв могло активно добывать, не совершая для этого специальных, нелегких экспедиций в северные районы Васюганья или на другие территории (хотя и последние могли иметь место).

Не исключено, что найденные в кургане образцы руды могли быть маркерами профессиональной деятельности представителя саргатского сообщества. Например, это мог быть либо кузнец, фигурирующий в числе кого-то из умерших и погребенных в кургане, либо один из организаторов погребальной церемонии.

Таким образом, исследованный комплекс имеет значение для изучения как в целом саргатской культуры, так и явлений, связанных с жизнью саргатского общества. Отдельно следует подчеркнуть важность методической составляющей исследования образцов.

Список литературы

- Водясов Е. В., Асочакова Е. М.** В поисках железных рудников: геоархеологический взгляд // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 170–188. DOI 10.17223/2312461X/28/11
- Годовиков А. А.** Минералогия. М.: Недра, 1983. 647 с.
- Корякова Л. Н.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 239 с.
- Матвеева Н. П.** Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 172 с.
- Матвеева Н. П.** Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Молодин В. И.** Преображенка-3 – памятник эпохи раннего металла // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 7. С. 26–30.
- Молодин В. И., Новиков А. В.** Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 1998. 139 с. (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России», вып. 3)
- Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Кудинова М. А., Ненахов Д. А., Ненахова Ю. Н., Нестерова М. С., Селин Д. В., Борзых К. А., Бобин Д. Н., Кравцова А. С., Некраш А. А., Попова Б. С., Титова А. А., Харитонов Р. М., Швецова Е. С.** Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника. Общие сведения // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 28. С. 647–655.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 145 с.

Чугунов С. М. Курганы Каинского округа Томской губернии: Материалы для антропологии Сибири // Изв. Имп. Том. ун-та. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1900. Кн. 16. С. 1–70.

Till J. L., Nowaczyk N. Authigenic magnetite formation from goethite and hematite and chemical remanent magnetization acquisition. *Geophysical Journal International*, 2018, vol. 213, no. 3, pp. 1818–1831. DOI 10.1093/gji/ggy083

References

Chugunov S. M. Kurgany Kainskogo okruga Tomskoi gubernii: Materialy dlya antropologii Sibiri [Kurgans of the Kainsky district of the Tomsk province: Materials for the anthropology of Siberia]. In *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [News of the Imperial Tomsk University]. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya P. I. Makushina, 1900, vol. 16, pp. 1–70. (in Russ.)

Godovikov A. A. Mineralogiya [The Mineralogy]. Moscow, Nedra Publ., 1983, 647 p. (in Russ.)

Koryakova L. N. Rannii zheleznyi vek Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri (sargatskaya kul'tura) [Early Iron Age of Zauralye and Western Siberia: Sargat Culture]. Sverdlovsk, Ural State Uni. Press, 1988, 239 p. (in Russ.)

Matveeva N. P. Rannii zheleznyi vek Priishim'ya [The Early Iron Age of the Priishimye]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 152 p. (in Russ.)

Matveeva N. P. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole [Sargat Culture in the Middle Tobol]. Novosibirsk, Nauka, 1993, 172 p. (in Russ.)

Molodin V. I. Preobrazhenka-3 – pamyatnik epokhi rannego metalla [The Preobrazhenka-3 – a Monument of the Early Metal Era]. In *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 1973, iss. 7, pp. 26–30. (in Russ.)

Molodin V. I., Novikov A. V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti [Archaeological monuments of the Vengerovsky district Novosibirsk region]. Novosibirsk, NPTs po sokhraneniyu ist.-kul'tur. naslediya Publ., 1998, 138 p. (in Russ.)

Mylnikova L. N., Molodin V. I., Durakov I. A., Efremova N. S., Kobeleva L. S., Kudinova M. A., Nenakhov D. A., Nenakhova Yu. N., Nesterova M. S., Selin D. V., Borzykh K. A., Bobin D. N., Kravtsova A. S., Nekrash A. A., Popova B. S., Titova A. A., Haritonov R. M., Shvetsova E. S. Elitnyi kurgan no. 51 Ust-Tartasskogo mogil'nika. Obshchie svedeniya [Elite Burial Mound no. 51 at the Ust-Tartas Burial Ground: General Information]. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 647–655. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0647-0655

Polosmak N. V. Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 145 p. (in Russ.)

Till J. L., Nowaczyk N. Authigenic magnetite formation from goethite and hematite and chemical remanent magnetization acquisition. *Geophysical Journal International*, 2018, vol. 213, no. 3, pp. 1818–1831. DOI 10.1093/gji/ggy083

Vodyasov E. V., Asochakova E. M. V poiskakh zheleznykh rudnikov: geoarkheologicheskii vzglyad [In search of Iron ore mines: a geo-archaeological perspective]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2020, no. 2, pp. 170–188. (in Russ.) DOI 10.17223/2312461X/28/11

Информация об авторах

Наталья Артемовна Кулик, кандидат геолого-минералогических наук, доцент

Вячеслав Иванович Молодин, академик РАН, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 6506558021

WoS Researcher ID Q-3253-2016

RSCI Author ID 71340

SPIN 9764-0369

Андрей Владиславович Вишневский, кандидат геолого-минералогических наук

Scopus Author ID 56962713500

WoS Researcher ID M-9069-2013

RSCI Author ID 152543

SPIN 7830-2668

Владимир Петрович Бондаренко, заведующий участком пробоподготовки

Леонид Валерьевич Мирошниченко, научный сотрудник

Дмитрий Алексеевич Ненахов, ведущий инженер-исследователь

Игорь Альбертович Дураков, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 26422977200

WoS Researcher ID ABA-5998-2020

RSCI Author ID 315988

SPIN 6006-5750

Наталья Сергеевна Ефремова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 25646095700

WoS Researcher ID Q-2984-2016

RSCI Author ID 193489

SPIN 1822-3923

Людмила Николаевна Мыльникова, доктор исторических наук

Scopus Author ID 11239899900

WoS Researcher ID ABA-4467-2021

RSCI Author ID 74040

SPIN 2343-4581

Information about the Authors

Natalya A. Kulik, Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy), Associate Professor

Vyacheslav I. Molodin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences

(History), Professor

Scopus Author ID 6506558021

WoS Researcher ID Q-3253-2016

RSCI Author ID 71340

SPIN 9764-0369

Andrey V. Vishnevsky, Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy)

Scopus Author ID 56962713500

WoS Researcher ID M-9069-2013

RSCI Author ID 152543

SPIN 7830-2668

Vladimir P. Bondarenko, Head of Sample Preparation Section

Leonid V. Miroshnichenko, Researcher

Dmitry A. Nenakhov, Lead Research Engineer

Igor A. Durakov, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 26422977200

WoS Researcher ID ABA-5998-2020

RSCI Author ID 315988

SPIN 6006-5750

Natalya S. Efremova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 25646095700

WoS Researcher ID Q-2984-2016

RSCI Author ID 193489

SPIN 1822-3923

Ludmila N. Mylnikova, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 11239899900

WoS Researcher ID ABA-4467-2021

RSCI Author ID 74040

SPIN 2343-4581

*Статья поступила в редакцию 12.12.2022;
одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 10.01.2023
The article was submitted on 12.12.2022;
approved after reviewing on 10.01.2023; accepted for publication on 10.01.2023*

Научная статья

УДК 903.26

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-99-113

Феномен «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» в культуре хунну

Кан Ин Ук

Университет Кёнхи
Сеул, Республика Корея

kanginuk@khu.ac.kr, <https://orcid.org/0000-0002-4549-1267>

Аннотация

Проанализирован феномен «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» в культуре народа хунну. Актуальность изучения данного феномена заключается в том, что он известен благодаря письменным источникам, посвященным событиям II в. до н. э., но до сих пор не найдено каких-либо подтверждений его существования в синхронных археологических памятниках хунну. Цель работы заключается в поиске «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» в материальной культуре ранних хунну. Для достижения поставленной цели рассмотрены все доступные автору сообщения письменных и материалы археологических источников, имеющие отношение к «золотой статуе человека для жертвоприношений Небу» в культуре хунну. Установлено, что «золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» у хунну представляла собой не золотое изваяние, подобное буддийским, а традицию декорирования одежды умерших правителей золотыми украшениями – обряд создания «золотого человека». Предполагается, что появление данной традиции у хунну связано с распространением на территории к северу от Великой Китайской стены элементов культур сакского облика из районов Казахстана. В статью также включены материалы недавно исследованного могильника ранних хунну Чихертин Зу в Монголии, подтверждающие предположение о тесной связи культуры ранних хунну с культурами Центральной Азии. В заключение подведены итоги исследования и сделан вывод о том, что «золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» у хунну – это уникальный историко-культурный феномен, сопровождающий всю раннюю историю этого народа.

Ключевые слова

Китай, Монголия, Центральная Азия, хунну, «золотой человек», культуры сакского облика

Для цитирования

Кан Ин Ук. Феномен «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» в культуре хунну // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 99–113. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-99-113

© Кан Ин Ук, 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 99–113
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 99–113

The Phenomenon of the “Golden Statue of a Man for Sacrifices to Heaven” in Xiongnu Culture

Kang In Uk

Kyung Hee University

Seoul, Republic of Korea

kanginuk@khu.ac.kr, <https://orcid.org/0000-0002-4549-1267>

Abstract

Purpose. The purpose of the work is to search for evidence of the “golden statue of a man for sacrifices to Heaven” existence in the material culture of the early Xiongnu for the subsequent interpretation of this phenomenon.

Materials. To achieve this goal, the reports of Chinese historical records on the culture of the early Xiongnu, which contain references to the “golden statue of a person for sacrifices to Heaven” were analyzed. Information from the historical records was compared with archaeological materials of synchronous archaeological cultures with numerous gold items in the territory of Northern Eurasia. Basically, the comparison was made with the “golden culture” of the Sakas of Kazakhstan.

Result. It has been established that the “golden statue of a person for sacrifices to Heaven” in the culture of the early Xiongnu did not imply a golden statue, similar to later statues of Buddha, but the tradition of the deceased rulers clothes decorating with gold implements in the process of the ritual exposure of the deceased body. This tradition is widely known from the materials of the Sakas culture of Kazakhstan as a rite of creating a “golden man”. It is suggested that this tradition was borrowed by the Xiongnu in the course of contacts with the Saka population of Kazakhstan in the 4th century BC and existed among the Xiongnu until the 2nd century BC. The contacts between the Xiongnu and the Scythian and Saka nomadic population of Central Asia are confirmed by the excavations materials from the Chikhertyn Zoo burial ground in Mongolia.

Conclusion. As a result of the work carried out, it was possible to identify some material and spiritual culture features of the early Xiongnu (4th – 2nd centuries BC).

Keywords

China, Mongolia, Central Asia, Xiongnu, “golden man”, Saka culture

For citation

Kang In Uk. The Phenomenon of the “Golden Statue of a Man for Sacrifices to Heaven” in Xiongnu Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 99–113. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-99-113

Введение

Тематика, связанная с изучением материальной культуры хунну, в наши дни приобретает всё большую актуальность благодаря блестящим археологическим открытиям последних лет. Однако такие исследования достаточно трудоемки в связи с необходимостью сопоставления данных археологии с письменными источниками. В действительности большая часть известных на сегодняшний день археологических материалов относится к финальному этапу культуры хунну времени рубежа эр. По мнению автора, это обстоятельство никак не способствует пониманию процессов формирования и развития культуры хунну в IV–II вв. до н. э., которой посвящена большая часть сведений из летописей [Кан Ин Ук, 2008; 2018; Kang In Uk, 2020]. В этом состоит так называемый «парадокс хунну».

К раннему периоду династии Хань (III в. до н. э.) относится загадочная запись о том, что у хунну существовала традиция использования золотой статуи человека в обрядах жертвоприношения Небу. Упоминание о «золотой статуе человека для жертвоприношений Небу» встречается в летописях в связи с военным походом ханьского полководца Хо Цюйбина против хунну. Интерпретацией этого сообщения занимались многие историки, но никому из них не удалось достичь существенных результатов. В данной статье берется за основу гипотеза, согласно которой события, связанные с «золотой статуей человека для жертвоприношений Небу», относятся к Ганьсускому (Хэсийскому) коридору – горному проходу, соединяющему

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с ее центральными провинциями. Именно поэтому феномен «золотой статуи человека» следует рассматривать в контексте культур сакского облика Центральной Азии и аналогичных и синхронных им культур Западного Китая в районе пров. Ганьсу. Археологические материалы этих памятников позволят дать понятную интерпретацию сообщениям письменных источников о «золотой статуе человека для жертвоприношений Небу» и выявить основные черты материальной и духовной культуры ранних хунну.

1. Материалы

1.1. «Золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» в культуре хунну по данным письменных источников

В разделе «Повествование о сюнну» («Сюнну ле чжуань») «Исторических записок («Ши цзи») Сыма Цяня (ок. 145 или 135 – ок. 86 до н. э.) сообщается, что у хунну существовало два главных объекта почитания: «старинный драгоценный меч» и «золотая статуя человека для жертвоприношений Небу». Изучению «старинного драгоценного меча» посвящено достаточно много работ. Почитание клинкового оружия в целом является характерной чертой кочевых культур скифского облика, получивших распространение с X в. до н. э. на обширной территории от степей северного Причерноморья до Ордоса. Еще в начале прошлого века была высказана точка зрения, согласно которой предшественником «старинного драгоценного меча» хунну были скифские акинаки [Эгами Намио, 1948, с. 133–165]. По другой версии, сходство названий свидетельствует о том, что «старинный драгоценный меч» произошел от мечей типа *цзинлу*, которые получили распространение на закате династии Шан [Кан Ин Ук, 2003]. Еще одним достаточно ранним свидетельством почитания клинкового оружия в Восточной Азии является сцена поклонения кинжалу, изображенная на покровной плите одного из дольменов памятника Оримдон в у. Йосу на юге Корейского полуострова, датируемого периодом бронзового века (VIII–V вв. до н. э.) [Кан Ин Ук, 2016]. Таким образом, идея почитания клинкового оружия возникает у населения Северной Евразии примерно в X в. до н. э., откуда впоследствии она была заимствована более поздними культурами, в частности хунну, у которых особо почитаемым стал «старинный драгоценный меч».

Другим объектом почитания у хунну, согласно письменным источникам, являлась «золотая статуя человека для жертвоприношений Небу», хотя по данным археологии ее существование в материальной культуре хунну до сих пор не находит подтверждения. Причина тому кроется, вероятно, в том, что авторы «Ши цзи со инь» («Поиски сокрытого в “Исторических записках”») и других многочисленных комментариев к «Историческим запискам» («Ши цзи») отождествляют «золотую статую человека» у хунну с золотыми изваяниями Будды. Вслед за средневековыми китайскими комментаторами «Исторических записок» («Ши цзи») большинство историков придерживаются точки зрения, согласно которой хунну изготавливали статуи, подобные изваяниям Будды, и даже расценивают это как доказательство существования зачатков буддизма у хунну. Действительно, культура хунну оказала значительное влияние на древние культуры Западного Китая и Средней Азии, и, конечно же, где-то хунну могли познакомиться и с искусством Гандхары – колыбели буддийского искусства в Кушанской империи. Однако масштабные археологические исследования прошедшего столетия, проведенные в погребальных и поселенческих комплексах хунну, не дали ни одного материального свидетельства существования буддизма у этого народа. В Северном Китае и Монголии, где памятники культуры хунну получили широкое распространение, никаких «золотых статуй человека для жертвоприношений Небу» обнаружено не было. Кроме того, время возникновения традиции жертвоприношений Небу с использованием золотой статуи человека у хунну никак не коррелирует с периодом широкого распространения буддизма среди кочевников Евразии, поэтому можно предположить, что между «золотой статуей человека для жертвоприношений Небу» и буддийскими изваяниями нет никакой связи. В последнее время

наметилась тенденция рассматривать «золотую статую человека для жертвоприношений Небу» не как доказательство существования буддийских изваяний у ранних хунну, а как символическое отождествление Неба как объекта поклонения посредством антропоморфной пластики, скульптуры или иной изобразительной традиции [Ци Яньян, 2011].

Для прояснения вопроса о том, что на самом деле могла представлять собой «золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» у хунну, необходимо с максимально возможной точностью установить время и место возникновения данного феномена. Самые ранние сообщения о «статue золотого человека для жертвоприношений Небу» у хунну относятся к 123 г. до н. э. и связаны с военным походом ханьского полководца Хо Цюйбина на запад.

В «Повествовании о сюнну» «Исторических записок» говорится: «Весной следующего года ханьский император послал Хо Цюйбина, занимавшего пост пяоци-цзянцзюня, во главе десяти тысяч конников выступить из [области] Лунси. Пройдя более тысячи ли от гор Яньчжи, он напал на сюнну. [Хо Цюйбин] убил и взял в плен свыше восемнадцати тысяч сюннских конников и, разбив силы Сючу-вана, захватил у него золотую статую человека, использовавшуюся при жертвоприношениях Небу» (цит. по: [Саги вугуджон..., 2009, с. 113–115]).

Согласно комментарию Пэй Иня (V в.) «Ши цзи цзи цзе» («Собрание разъяснений к “Историческим запискам”»), «место, где хунну проводили обряды, изначально находилось у подножия горы Ганьцюань в местности Юньян. После того, как Цинь захватило эти земли, место для проведения обрядов хунну перенесли на земли, расположенные правее и находившиеся под контролем Сючу-вана. В результате Сючу-вану завладел священной реликвией хунну – золотой статуей человека для жертвоприношений Небу». Сыма Чжэнь (679–732) в «Ши цзи со инь» («Поиски сокрытого в “Исторических записках”») сообщает: «[Хунну] делали из золота человека и поклонялись ему. В древние времена для этого использовали человекоподобную статую из золота, похожую на нынешние статуи Будды» (цит. по: [Ван Цзыцин, 2017, с. 138]).

Таким образом, «золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» была захвачена Хо Цюйбином в ходе военного похода против войск Сючу-вана. Согласно «Ши цзи со инь», место поклонения «драгоценному мечу» находилось в Вэнчжоу, а место поклонения «золотой статуе человека для жертвоприношений Небу» располагалось у подножия гор Ганьцюаньшань, в 90 ли¹ западнее Юньяна. В настоящее время установлено, что это место относится к территории современного уезда Чуньхуа городского округа Сяньян в пров. Шэньси. Данный район является восточным «выходом» из Ганьсуского коридора. Первоначально хунну держали «золотую статую человека для жертвоприношений Небу» у подножия гор Ганьцюаньшань в уезде Юньян, а когда эти земли были захвачены Цинь, реликвия была перенесена на новое место Сючу-ваном и в 123 г. до н. э. захвачена ханьским военачальником Хо Цюйбином. Войска Хо Цюйбина прошли более тысячи ли от гор Яньчжи, где нанесли поражение силам Сючу-вана и захватили золотую статую. Судя по описанию в исторических хрониках, это произошло достаточно далеко от первоначального места отправления связанного со статуей культа.

Тем не менее, исторические хроники не содержат никакого описания захваченной Хо Цюйбином реликвии. Единственное, что сообщают нам летописи, в частности «Ши цзи со инь», это факт существования золотой статуи человека, подобной буддийскому изваянию. Считается, что отождествление хуннуской реликвии со статуей Будды в «Ши цзи со инь» началось из-за того, что буддийские изваяния в Шэньду (Индии) из «Даюань лечжуань» («Описание Даюани») в «Ши цзи» также названы «золотыми статуями человека». Подмена термина достигла еще большего масштаба в эпоху Хань – Тан. На северной стене одной

¹ Ли – традиционная китайская мера длины, в разные эпохи составляла от 414 до 576 м (см.: [Кроль, Романовский, 1982, с. 222–227]).

Рис. 1. Фресковая живопись на северной стене одной из пещер Могао (пров. Ганьсу, КНР)
(фото Кан Ин Ука)

Fig. 1. Mural on the northern wall of one of the Mogao caves (Gansu Province, China)
(photo by Kang In Uk)

из пещер в Могао 323 г. (пров. Ганьсу, КНР) имеется фреска эпохи ранней Тан, посвященная сюжету путешествия Чжан Цяня на запад. На этой фреске есть также изображение ханьского императора У-ди, совершающего поклонение «золотым людям», которые изображены в виде статуй Будды (рис. 1). Ошибочное, на наш взгляд, отождествление «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» у хунну с буддийскими изваяниями прочно закрепилось в исторической науке на многие годы и стало препятствием для изучения сущности феномена «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» в культуре хунну.

1.2. «Золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» в культуре хунну по данным археологии

Культурно-исторический контекст записей о «золотой статуе человека для жертвоприношений Небу» указывает на то, что во времена Сыма Цяня она считалась важным военным трофеем. Нет причин сомневаться в достоверности сообщаемых автором сведений, а также очевидно, что золотая статуя представляла собой важный для хунну культовый объект. Более того, сам факт упоминания этой реликвии в исторических хрониках, описывающих историю Китая и соседних народов от мифических родоначальников и до современных Сыма Цяню времен, указывает на то, что это был не какой-то мелкий предмет, наподобие амулета, а действительно используемый в массовых ритуалах идол величиной как минимум в человеческий

рост. Есть и упоминание о том, что эта статуя была ростом с человека, – в неофициальных исторических хрониках эпохи Южных и Северных династий «Шишо синьшю» («Новое изложение рассказов, в свете ходящих»). Важен и материал, из которого была изготовлена реликвия: это не камень, не дерево, а металл. Судя по всему, традиция почитания «золотой статуи человека для поклонения Небу» была не локальной, а общей для всего народа хунну и имела древние корни. Все приведенные выше доводы предполагают наличие соответствующих артефактов в археологических комплексах, однако таковые в материалах археологии хунну не обнаружены.

Сначала необходимо определить территориальные и хронологические границы, в рамках которых будет осуществляться поиск интересующих нас археологических памятников. По сообщениям исторических хроник, Сючу-ван завладел «золотой статуей человека для жертвоприношений Небу» после того, как Цинь присоединила земли в районе гор Ганьцюаньшань в уезде Юньян (современный район, расположенные к северу от г. Сиань). Можно заключить, что на этой территории традиция поклонения «золотой статуе человека для жертвоприношений Небу» существовала еще до времени династии Цинь (III в. до н. э.). Горы Ганьцюаньшань расположены в области Лунси, которая находилась на юго-восточной окраине Ганьсуского коридора [Сижун ичжэнь, 2015, с. 240–246; Линь Гань, 2007]. В VI–III вв. до н. э. эта часть Ганьсуского коридора представляла собой контактную зону культуры саков казахского Семиречья с культурами Северного Китая [Кан Ин Ук, 2018].

В описываемое время занимаемая саками территория именовалась «Западный край» (Си юй). К типичным памятникам культуры саков в этом районе относится могильник Мацзяюань в пров. Ганьсу. Таким образом, поиск следов «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» целесообразно вести в археологических материалах культур с золотыми изделиями этой территории IV в. до н. э.

Если обратиться к этимологии термина «золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» (祭天金人 *цзитайнь цзиньжэнь*), то последние два иероглифа можно перевести как «золотой человек». В связи с этим заслуживают внимания так называемые «золотые люди», происходящие с территории от Восточного Казахстана до современной пров. Ганьсу и датируемые периодом Чжаньго (VI–III вв. до н. э.). «Золотые люди» в царских курганах и курганах знати обнаруживаются на всей территории распространения культур сакского облика: Шиликты, Элек-Сазы 2, Иссык в Казахстане, Бугры на Алтае, Аржан-2 в Туве, Мацзяюань в пров. Ганьсу КНР (рис. 2) [Акишев, 1978; Аржан..., 2004, с. 10–37]. В этих и некоторых других курганах обнаружены костные останки знатных людей вместе с сотнями и тысячами золотых украшений. Большая часть таких курганов была разграблена, тем не менее можно предположить, что одежда погребенных была настолько богато украшена, что выглядела как полностью сделанная из золота.

Эта традиция украшения одежды золотом распространилась из Средней Азии в район Великой Китайской стены по Ганьсускому коридору. Правда, на новой территории традиция предстала в несколько измененном виде. К примеру, у западных жунов было принято изготавливать роскошные золотые пояса, а не украшать золотом всё тело. Мы склонны предполагать, что это произошло в результате распространения у жунов китайского костюма. Пристрастие к золотым украшениям имела также элита корейского царства Силла и даже Афганистана, но здесь оно выражалось в использовании роскошных головных уборов из золота – так называемых «золотых корон» (рис. 3). В целом очевидно, что хунну сыграли ведущую роль в распространении элементов культур сакского облика на территории Евразии. Вместе с ними распространялась и традиция использования многочисленных золотых украшений в одежде погребенных. Таим образом, «золотая статуя человека для поклонения Небу» у хунну, вероятно, представляла собой не что иное, как традицию украшения одежды умерших правителей золотом.

Рис. 2. «Золотые люди» Центральной Азии и Казахстана:
1 – Аржан-2, Тува; 2 – Аралтобе, Казахстан; 3 – Талды II, Казахстан;
4 – Шиликты, Казахстан; 5 – Иссык, Казахстан; 6 – Элек-Сазы 2, Казахстан
(1 – по [Аржан..., 2004]; 2–5 – фото Кан Ин Ука)

Fig. 2. “Golden people” of Central Asia and Kazakhstan:
1 – Arzhan-2, Tuva; 2 – Araltobe, Kazakhstan; 3 – Taldy II, Kazakhstan;
4 – Shilikty, Kazakhstan; 5 – Issyk, Kazakhstan; 6 – Elek-Sazy 2, Kazakhstan
(1 – after [Arzhan..., 2004]; 2–5 – photo by Kang In Uk)

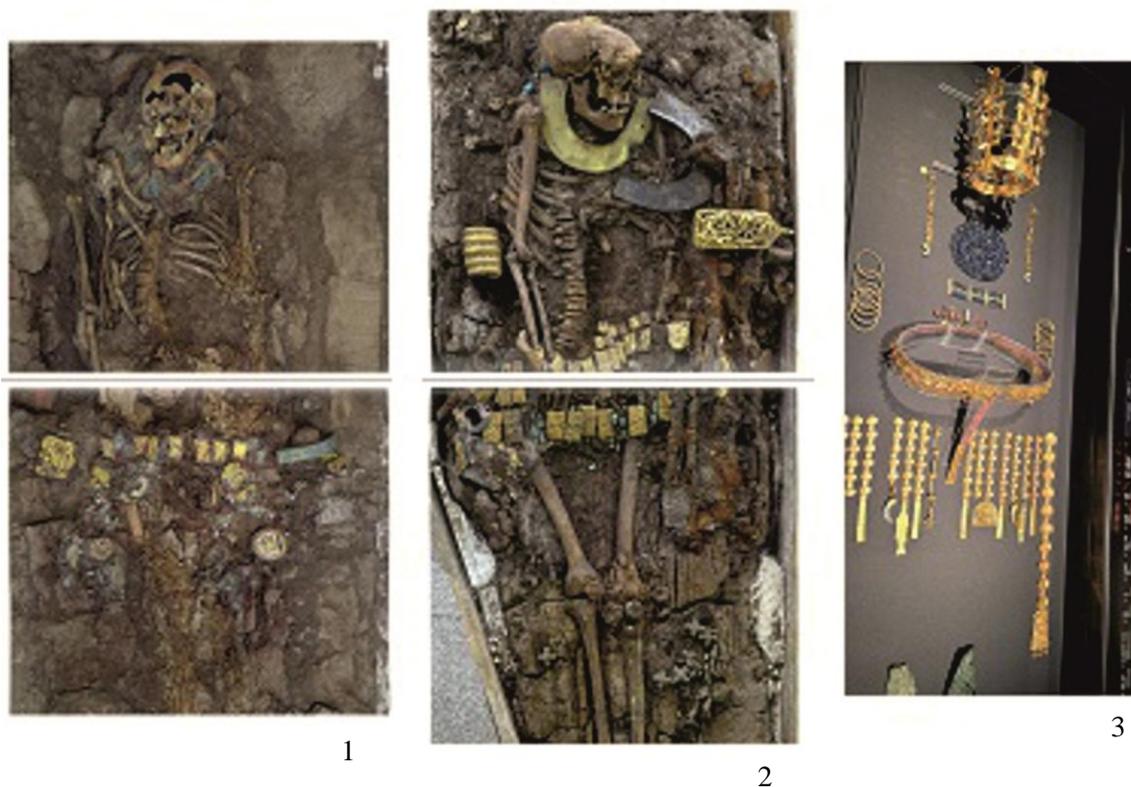

Рис. 3. Захоронения с золотыми украшениями:

1, 2 – Мацзяюань, пров Ганьсу КНР; 3 – курган Хваннам тэчхон, г. Кёнджу, Республика Корея
(1, 2 – по [Сижун ичжэнь, 2014]; 3 – фото Кан Ин Ука)

Fig. 3. Burials with golden implements:

1, 2 – Majiayuan, Gansu Province, China; 3 – Hwangnam Daechong mound, Gyeongju, Republic of Korea
(1, 2 – after [Xirong yizhen, 2014]; 3 – photo of Kang In Uk)

2. Обсуждение

2.1. Предпосылки появления «золотых людей»

Почитание золота присуще многим кочевым культурам. Легкое, прочное и при незначительных усилиях превращающееся в тонкую фольгу, оно не только выглядело эстетично, но и не требовало никаких сложных инструментов и технических приспособлений для обработки. Всё это способствовало распространению золотых изделий среди кочевников. На примере некоторых не потревоженных грабителями захоронений удалось убедиться, что тела погребенных зачастую были полностью покрыты золотом. Так легенда о «золотой статуе человека для поклонения Небу» приобретает черты реальности. Однако остается не совсем понятным, как такие «золотые люди» трансформировались в «золотую статую» и стали объектом обрядовой практики, будучи захороненными в курганах. Между «золотыми людьми», погребенными в курганах знати, и «золотой статуей человека», используемой в жертвоприношениях, прямой связи как таковой нет. Здесь необходимо отметить, что традиция украшения одежды золотом относится не только к погребальной практике. Целесообразно попытаться проследить связь этой традиции с некоторыми обрядами и культурами, в частности с имеющимися в археологических материалах и исторических источниках данными о похоронной и поминальной обрядности у скифов, хунну и других кочевых народов.

Зимы в степи очень продолжительные, а летний сезон составляет не более 4 месяцев. Результаты анализа ископаемой древесины из курганов пазырыкской культуры показывают, что большинство деревьев было срублено осенью. Это указывает на то, что всех умерших в текущем году хоронили непосредственно перед откочевкой на зимние пастбища. Это может означать, что тело умершего перед погребением, предварительно подвергнутое бальзамированию, в течение долгого времени (практически более полугода) подвергалось обряду ритуального выставления (по аналогии с обрядом *могари* в японской культуре). Подробности данного обряда у скифов стали известны благодаря раскопкам курганов пазырыкской культуры и сочинениям историка Геродота. Геродот писал, что у скифов существовал обычай помещать тело умершего скифского царя на повозку и возить по подвластным ему землям в течение нескольких месяцев. Для предотвращения разложения тела в процессе обряда и сохранения его прижизненного облика его подвергали бальзамированию. Можно предположить, что аналогичная традиция бальзамирования и ритуального выставления тел умерших правителей существовала и у саков. Вероятно, для проведения обряда усопших правителей и знать обряжали в расшитые золотом одеяния и возили по территории их владений, где оказывали им соответствующие их положению в обществе почести. С умершими правителями обращались как с живыми и после ритуального путешествия их тела помещали в принадлежавшие им при жизни жилища. Типичное захоронение пазырыкцев на плато Укок представляет собой погребальный бревенчатый сруб, который имитировал реальное жилище кочевников. При строительстве курганов часто использовались бревна от разобранных, вероятно, прижизненного жилища умершего [Полосьмак, 2016].

Обычай ритуального выставления тела умершего знатного соплеменника или правителя сопровождался облачением его в богатую парадную одежду. Золотые украшения на одежде «золотых людей» из курганов тонкие и хрупкие. По итогам исследования материалов из раскопок кургана Иссык, можно заключить, что большая часть золотых украшений не использовалась ранее и была изготовлена специально для связанных с захоронением ритуалов. В повседневной жизни, сопряженной с постоянными войнами, расшитая золотом одежда правителями не использовалась, поскольку была непрактичной [Акишев, 1978, с. 43]. Все украшения достаточно изящные и каждое из них уникально, что позволяет сделать вывод, что изготовление золотого декора одежды правителей шло на протяжении всего периода ритуального выставления тела. К моменту захоронения умерший правитель превращался в настоящего «золотого человека».

2.2. Некоторые итоги археологических исследований кургана Чихертин Зу в Монголии и культура ранних хунну

В предыдущих разделах был представлен подробный обзор традиции «золотых людей» в культурах сакского облика, получившей впоследствии распространение также и на северо-западе Китая. Текущий раздел посвящен анализу феномена «статуи золотого человека для жертвоприношений Небу», которая была захвачена у хунну ханьским полководцем Хо Цюйбином. Военные походы Хо Цюйбина против сюнну датируются серединой II в. до н. э. К большому сожалению, погребальные памятники хунну этого времени практически не известны. Большинство изученных на территории Монголии курганов хунну датируются более поздним временем рубежа эр. В нашем распоряжении нет данных и о материальной культуре хунну в районе гор Ганьцюаньшань в уезде Юньян. Ценные данные по культуре хунну до II в. до н. э. содержатся в материалах археологических исследований кургана Чихертин Зу в Монголии. Памятник Чихертин Зу находится в сомоне Баянцагаан аймака Туве МНР. В 2017 г. на этом памятнике был исследован курган № 2017-1, материалы которого относятся к культуре ранних хунну III–II вв. до н. э. В конструкции этого кургана отсутствовал дромос ступенчатого типа, характерный для поздних погребений хуннуской знати, облик которых сформировался под влиянием ханьской культуры. Захоронение совершено в грунтовой яме подпрямоугольной в плане формы. Возле северной и южной стенок могилы обнаружены

по 4 колеса от колесниц. Залегавшие возле северной стенки колеса содержат по 14 спиц, в то время как колеса возле южной стенки – по 24 спицы. Аналогичные четырехколесные колесницы обнаружены в Пятом Пазырыкском кургане в Горном Алтае. Считается, что их происхождение восходит к культурам сакского облика (рис. 4). Конструкция колес пазырыкской колесницы включает по 16 спиц, что сближает ее с остатками колесницы, найденными возле северной стенки кургана Чихертин Зу № 2017-1. Колеса, обнаруженные возле южной стенки кургана, содержат по 24 спицы и находят аналогии в конструкции колесницы с памятника Мацзяюань, где колеса имеют по 28 спиц. Чем больше спиц было у колеса, тем более плавным и маневренным становился ход колесницы. Представляется вероятным, что в памятнике Чихертин Зу обнаружены колесницы двух типов – пазырыкского и жунского. Выявленные в могиле детали колесниц в значительной степени отличаются от ханьских [Монголь-ый..., 2020, с. 206–269; Кан Ин Ук, 2020].

1

2

Рис. 4. Колесницы из археологических памятников:
1 – Чихертин Зу № 2017-1, Монголия; 2 – Пятый пазырыкский курган
(1 – по [Монголь-ый..., 2020]; 2 – по [Баркова, 1973])

Fig. 4. Carriages from archaeological sites:
1 – Chikhertyn Zoo no. 2017-1, Mongolia; 2 – the Fifth Pazyryk mound
(1 – after Monggor-uy..., 2020]; 2 – after [Barkova, 1973])

Прочие находки также указывают на раннюю датировку этого захоронения. Это предположение подтверждают и абсолютные даты, полученные для образцов, взятых с деталей колесниц и гроба. По углю с деталей колесниц были получены даты 2 195 л. н. (360–197 ВС, AA11162), 2 230 л. н. (380–206 ВС, AA11164), а по древесине гроба – дата 2 130 л. н. (350–50 ВС, IAEA C7). Все три даты укладываются в интервал III в. до н. э. [О Джэжин и др., 2018].

Поводя итог всей приведенной выше аргументации, можно заключить, что колесницы из хуннуского погребения Чихертин Зу № 2017-1 по облику не ханьские, а центральноазиатские. Они были изготовлены под влиянием культур сакского облика. Наличие в погребении колес от колесниц можно расценивать как свидетельство существования у ранних хунну обычая ритуального выставления тел умерших правителей и знати, аналогичного пазырыкскому. Вероятно, когда правитель хунну умирал, его тело помещали в колесницу и возили по подвластным ему территориям, а по завершении ритуального путешествия колеса с колесницы снимались и укладывались в могилу правителя вместе с его телом. Точное время сооружения кургана Чихертин Зу № 2017-1 установлено по абсолютным датам и подтверждается деталями конструкции колесниц – III в. до н. э., т. е. не позднее II в. до н. э. Таким образом, время совершения захоронения в кургане совпадает с периодом существования у хунну «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу», указанным в «Ши цзи». Это еще раз подтверждает нашу гипотезу о том, что культура хунну сложилась на основе кочевых культур IV–III вв. до н. э., привнесенных с Алтая и Восточного Казахстана в период правления известных из письменных источников шаньюев Модэ (Маодуня) и Тоуманя.

«Золотая культура» сакского облика, появившаяся у ранних хунну в начале IV–III вв. до н. э., получила широкое распространение в Северном Китае, в районе Великой Китайской стены. Появившиеся в этот период в районе Великой Китайской стены погребальные комплексы с большим количеством золотых предметов, несомненно, связаны с формированием ранних хунну и их противостоянием с Китаем. Могилы правителей хунну IV–III вв. до н. э. с многочисленным погребальным инвентарем из золота обнаружены в Северном Китае (Алучайдэн, Сигоупань и др.). На основе заимствованной у культур сакского облика традиции создания золотых украшений для «золотых людей» был изобретен и драгоценный головной убор – так называемая «золотая корона». Захваченная Хо Цюйбином у хунну «золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» во времена династии Цинь находилась в местности Юньян, а это означает, что обычай создания «золотых людей» у хунну существовал уже в III в. до н. э. Кроме того, в это время на территории Монголии появляется пазырыкская культура, а на территории севернее Великой Китайской стены – культура саков. Таким образом, представляется вполне вероятным, что «золотой статуей человека для жертвоприношений Небу» у хунну стал сакский «золотой человек».

События, связанные с военным походом Хо Цюйбина против хунну, произошли в весеннее время. Обычно сооружением могил и курганов в степи люди занимались в конце лета – осенью, следовательно, вполне вероятно, что весной они производили подготовку тел умерших – бальзамирование. С момента падения династии Цинь до времени военного похода ханьских войск Хо Цюйбина против хунну прошло около 100 лет. Трудно себе представить, что обряд ритуального выставления тела у хунну мог продолжаться так долго. Представляется наиболее вероятной версия о том, что военным трофеем Хо Цюйбина стал уже подготовленный к погребению забальзамированный «золотой человек», а именоваться «статуей» он стал в связи с погребальной традицией династии Цинь.

Далее рассмотрим эволюцию традиции, связанной с «золотой статуей человека для жертвоприношений Небу» у хунну. В письменных источниках отмечено, что статую помещали в кумирню. Однако в III в. до н. э. никаких остатков культовых сооружений и зданий вообще у хунну не обнаруживается, поэтому подтвердить или опровергнуть эти сведения не представляется возможным. Известно только, что кумирня располагалась недалеко от столицы Циньского государства, у гор Ганьцюаньшань в уезде Юньян. Очевидно, что после за-

хвата этой местности войсками Цинь кумирня, если таковая и существовала, была разрушена и в дальнейшем не сооружалась. Многочисленные посланники из Китая наносили визиты правителям хунну во время правления империи Хань и оставили записи о своих посольствах, в которых описаны традиции и обычаи хунну, но сообщения о культурах, связанных со «статуей золотого человека для жертвоприношений Небу» в них отсутствуют. Вероятно, после захвата этой реликвии ханьцами в обрядовой практике хунну произошли кардинальные изменения. Именно в это время на территории Монголии широко распространяются типичные курганы хуннуской знати, а проявлением ритуальной деятельности становятся преимущественно наскальные изображения. Поскольку большая часть известных на сегодняшний день материалов по культуре хунну этого периода сосредоточена на территории Монголии, можно заключить, что трансформация погребальной и ритуальной практики, а также упадок культа «золотого человека» происходит после переноса центра хуннуской державы в Монголию.

Заключение

В данной статье были рассмотрены многочисленные вопросы, связанные с загадочным феноменом «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» в культуре хунну. Установлено, что этот феномен представляет собой сложную поминально-погребальную традицию, происхождение которой связано с культурами сакского облика Центральной Азии. Удалось прояснить сущность и содержание данного феномена: когда умирал правитель или представитель знати у хунну, его тело помещали в погребение не сразу. Вероятно, забальзамированное тело усопшего обряжали в богато расшитые золотыми украшениями одежды и подвергали ритуальному выставлению. Данная традиция демонстрирует прямую связь с историей ранних хунну. Согласно данным письменных источников, хунну появляются на исторической арене в конце IV в. до н. э., а достигают своего могущества в III в. до н. э. При этом большая часть исследованных на сегодняшний день царских курганов хунну датировано серединой I в. до н. э. – серединой I в. н. э. Таким образом, изучение истории и культуры ранних хунну по археологическим источникам в настоящий момент не представляется возможным. На территории Монголии присутствуют памятники культуры хунну IV–II вв. до н. э., но и здесь они крайне малочисленны.

Другой важной особенностью этого периода является активная трансляция золотых изделий и других элементов материальной и духовной культуры с территории Казахстана в Китай через Ганьсуский коридор. Вероятно, этот путь сыграл главную роль в передаче хунну поминально-погребальной традиции «золотых людей».

«Золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» представляет собой уникальный и загадочный феномен культуры хунну и практически единственное более или менее достоверное письменное свидетельство о ритуальной деятельности у ранних хунну, находящее подтверждение в археологических материалах. В дальнейшем традиция использования «золотой статуи человека для жертвоприношений Небу» у хунну исчезает. Вместо нее возникает новая поминально-погребальная традиция, основу которой составляют погребения китайского типа со ступенчатым дромосом и инвентарным комплексом, включающим престижные предметы китайского импорта. Тем не менее, самые грандиозные погребальные комплексы хунну сосредоточены на территории Монголии. Это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что высшие слои хуннуского общества в меньшей степени ощутили на себе влияние со стороны китайской культуры.

Таким образом, «золотая статуя человека для жертвоприношений Небу» у хунну – это не какое-то незначительное явление, единожды упомянутое в письменных источниках, а уникальный историко-культурный феномен, сопровождающий всю раннюю историю народа хунну.

Список литературы

- Акишев А. К.** Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Изд-во «Славия», 2004. 64 с.
- Баркова Л. Л.** Алтайские курганы. Выставка «Культура и искусство древнего населения Сибири». Краткий путеводитель. Л.: Аврора, 1973. 26 с.
- Кан Ин Ук.** Распространение золотой культуры саков и формирование Великого Шелкового пути // Золото властелинов казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Сеул: Нац. исслед. ин-т культурного наследия Республики Корея, 2018. С. 376–418. (на рус. и казах. яз.)
- Кроль Ю. Л., Романовский Б. В.** Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы востока. М.: Наука, 1982. Вып. 23: Дальний Восток (История, этнография, культура). С. 209–243.
- Ван Цзыцзинь.** Чжидо юй сюнну «цзитянь цзиньжэнь» [Прямой тракт и «золотая статуя для жертвоприношений Небу» у сюнну] // Шэхуэй кэсюэ. 2017. № 6. С. 137–143 (на кит. яз.)
- Кан Ин Ук.** Пугбан Йурасиа чховон чиёк-ква Ханбандо кёрю-ый когохак: кивонджон 4–2 сеги тэ сакха ге мунхва-ый юиб-ыль чунсим-ыйро [Контакты древних культур Северной Евразии и Корейского полуострова по данным археологии: распространение культур сакского облика в IV–II вв. до н. э.] // Хангук сангоса хагбо [Древняя история Кореи]. 2008. № 100. С. 51–76. (на кор. яз.)
- Кан Ин Ук.** Йурасиа чхондонги – чхоги чхольги сидэ-ый чонгё-джок хёнсан-ыросый когохак чарё [Духовная культура населения Евразии в бронзовом – раннем железном веке по данным археологии] // Когохак чарё-ро пон Сибериа-ый есль сеге [Древнее искусство Сибири] / В. И. Молодин, пер. Кан Ин Ука. Сеул: Чурюсон, 2003. С. 276–303. (на кор. яз.)
- Кан Ин Ук.** Ванджу Саннимни юджок-ро пон Тонасиа тонгом мунхва-ый кёрю-ва чонгэ: тонджусик ком-ый мэнап-ква чхондонги чанин-ый иджу-рьль чунсим-ыйро [Распространение и взаимодействие культур с бронзовыми кинжалами в Восточной Азии по материалам памятника Саннимни в уезде Ванджу: клад кинжалов восточножоуского типа и миграция ремесленников] // Хонам когохакпо [Журнал Асс. археологии р-на Хонам]. 2016. № 54. С. 4–25. (на кор. яз.)
- Кан Ин Ук.** Хюнно-ый пальхун-гва кодэ Ханбандо [Расцвет хунну и Корейский полуостров в древности] // Хюнно чегуг-ый мисуль [Искусство империи хунну]. Тэджон: Нац. исслед. ин-т культурного наследия Республики Корея, 2020. С. 232–257 (на кор. яз.)
- Линь Гань.** Сюнну ши [История сюнну]. Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 2007. 330 с. (на кит. яз.)
- Монголь-ый мудом [Погребальные памятники Монголии]. Квачхон: Чининджин, 2020. 384 с. (на кор. яз.)
- О Джэжин, Ан Джэпхиль, Чо Санги, Лим Тонджэ, Ким Хёнгон.** Монголь Чихертин Зу хюнно мудом-ый тхыкджин-гва ыйи [Особенности и значение захоронения культуры хунну Чихертин Зу в Монголии] // Чунан кого ёнгу [Журнал археологических исследований центрального ин-та культурного наследия]. 2018. № 26. С. 99–123. (на кор. яз.)
- Полосьмак Н. В.** Алтай чховон-ый кимаин: 2500 нён-ый чам-эсо ккэонан орым конджу-ва мира чонсадыль [Всадники степей Алтая: ледяная принцесса и ее воины, пробудившиеся ото сна длиной в 2500 лет] / Пер. Кан Ин Ука. Сеул: Чурюсон, 2016. 492 с. (на кор. яз.)
- Саги вегугджон ёгджу [Переводы и комментарии к записям из «Ши цзи», посвященным соседям древнего Китая]. Сеул: Тонбуга ёкса чэдан [Фонд истории Северо-восточной Азии], 2009. 330 с. (на кор. яз.)

- Сижун ичжэнь (Мацзяюань Чжаньго муди чуту вэнью) [Сокровища западных жунов (Археологические находки могильника эпохи Сражающихся царств Мацзяюань)]. Пекин: Вэнью чубаньшэ, 2014. 246 с. (на кит. яз.)
- Ци Яньян.** «Цзиньжэнь» синсян цяньси [Краткий анализ образа «золотого человека»] // Бэйфан вэньсюэ. 2011. № 10. С. 174–175. (на кит. яз.)
- Эгами Намио.** Юрасия кодай хоппо бунка [Культуры северной части древней Евразии]. Киото: Дзэнкоку сёбо, 1948. 403 с. (на яп. яз.)
- Kang In Uk.** Early Relations of the Korean Peninsula with the Eurasian Steppe. In: Sino Platonic Paper. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 2020, iss. 301, pp. 1–31.

References

- Akischev A. K.** Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana [Kurgan Issyk. Art of the Saks of Kazakhstan]. Moscow, Iskusstvo, 1978, 132 p. (in Russ.)
- Arzhan. Istochnik v doline tsarei. Arkheologicheskie otkrytye v Tuve [Arzhan. Source in the valley of the kings. Archaeological discoveries in Tuva]. St. Petersburg, “Slaviya” Publ., 2004, 64 p. (in Russ.)
- Barkova L. L.** Altaiskie kurgany. Vystavka “Kul'tura i iskusstvo drevnego naseleniya Sibiri”. Kratkii putevoditel' [Altai mounds. Exhibition “Culture and art of the ancient population of Siberia”. Brief guide]. Leningrad, Avrorra Publ., 1973, 26 p. (in Russ.)
- Egami Namio.** Yu:rashiya kodai hoppo bunka [Ancient Eurasian northern Culture]. Kyoto, Zenkoku syobo., 1948, 403 p. (in Jap.)
- Kang In Uk.** Bukbang Yurasia chowon jiyek-gwa hanbando gyoryu-ui gogohak: giwonjeon 4-2 segi dae saka gye munhwa-ui yuib-eul jungsim-euro [Inflow of Saka culture in Northern part of China and Korea during 4th – 2nd Century BC and reexamination of the earliest evidence of steppe culture in Korean Peninsula]. *Hanguk sanggosa hakbo [Journal of the Korean Ancient Historical Society]*, 2008, no. 100, pp. 51–76. (in Kor.)
- Kang In Uk.** Early Relations of the Korean Peninsula with the Eurasian Steppe. In: Sino Platonic Paper. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 2020, iss. 301, pp. 1–31.
- Kang In Uk.** Hyungno-ui balheung-gwa godae Hanbando [The Rise of the Xiongnu and the ancient Korean Peninsula]. In: Hyungno jegug-ui misul [The xiongnu, art of an empire]. Daejeon, National research inst. of cultural heritage of Republic of Korea, 2020, pp. 232–257. (in Kor.)
- Kang In Uk.** Rasprostranenie zolotoi kul'tury sakov i formirovanie Velikogo Shelkovogo puti [The spread of the golden culture of the Saks and the formation of the Great Silk Road]. In: Zoloto vlastelinov kazakhskikh stepei. Sovmestnyi katalog Respubliki Koreya i Respubliki Kazakhstan [Gold of the rulers of the Kazakh steppes. Joint catalog of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan]. Seoul, National research inst. of cultural heritage of Republic of Korea, 2018, pp. 376–418. (in Russ. and Kazakh.)
- Kang In Uk.** Wanju Sangrim-ri yujeog-euro bon Dongasia donggeom munhwa-ui gyoryu-wa jeongae: dongjusik geom.-ui maenap-gwa cheongdonggi jangin-ui iju-reul jungsim-euro [Re-examination of the Bronze daggers from Sangrim-ri, Wanju, and the Bronze dagger cultures of northeast Asia during the first millenium BC]. *Honam gogohakbo [The Honam Archeological society Journal]*, 2016, no. 54, pp. 4–25. (in Kor.)
- Kang In Uk.** Yurasia cheongdonggi sidae – chogi cheolgi sidae-ui jonggyo-jeok hyeongsang-euroseoui gogohak jaryo [Spiritual culture of the population of Eurasia in the Bronze – Early Iron Age according to archeological data]. In: Ancient art of Siberia. By V. I. Moldin in tarnsl. by Kang In Uk. Seoul, Juryuseong, 2003, pp. 276–303. (in Kor.)
- Krol Yu. L., Romanovsky B. V.** Opyt sistematizatsii traditsionnoi kitaiskoi metrologii [Experience of systematization of traditional Chinese metrology] In: Strany i narody vostoka [Countries and peoples of the East]. Moscow, Nauka, 1982, iss. 23: Far East (History, Ethnography, Culture), pp. 209–243. (in Russ.)

- Lin Gan.** Xiongnu shi [History of Huns]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publishing House, 2007, 330 p. (in Chin.)
- Monggor-ui mudeom [Burials of Mongolia]. Gwacheon, Jininjin, 2020, 384 p. (in Kor.)
- Oh Jae Jin, Ahn Jae-Pil, Cho Sang-Gi, Lim Dong-Jae, Kim Hyeong-Kon.** Monggol Chikhertyn Zoo hyungno mudeom-ui teukjing-gwa uiui [Characteristics and Significance of the Xiongnu Tomb in the Chikhertyn Zoo, Mongolia]. *Jungang gogo yeongu [Journal of Central Institute of Cultural Heritage]*, 2018, no. 26, pp. 99–123. (in Kor.)
- Polosmak N. V.** Altai chowon-ui gimain: 2500 nyeon-ui jameseo kkaeeonan eoreum gongju-wa mira jeonsadeul [Riders of the Altai steppes: the ice princess and her warriors, awakened from a sleep of 2 500 years]. Seoul, Juryuseong, 2016, 492 p. (in Kor.)
- Qi Yanyan.** “Jinren” xingxiang qianxi [Brief Analysis of the Image of “Golden Man”]. *Northern Literature*, 2011, no. 10, pp. 174–175. (in Chin.)
- Sagi oegukjeon yeokju [Translations and commentaries on entries from the “Shi ji” dedicated to the neighbors of ancient China]. Seoul, Dongbuga yeoksa jaedan [Northeast Asian History Foundation], 2009, 330 p. (in Kor.)
- Wang Zijin.** The Straight Road and the Huns “Golden-Colored Human Statue Used for the Worship of Heaven”. *Journal of Social Sciences*, 2017, no. 6, pp. 137–143. (in Chin.)
- Xirong yizhen (Majiyuan Zhanguo mudi chutu wenwu) [Treasures of the Xirong (Cultural Relics Unearthed from the Majiyuan Warring States Cemetery)]. Beijing, Cultural Relics Publ., 2014, 246 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Кан Ин Ук, PhD
Scopus Author ID 16833545500

Information about the Author

Kang In Uk, PhD
Scopus Author ID 16833545500

*Статья поступила в редакцию 05.12.2022;
одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 10.01.2023
The article was submitted on 05.12.2022;
approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 10.01.2023*

Научная статья

УДК 902.6

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-114-124

Об оборонительных сооружениях населения бакальской культуры (по материалам Старо-Лыбаевского-1 городища, лесостепное Зауралье)

Наталья Петровна Матвеева

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

nataliamatveeva1703@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0240-0561>

Аннотация

Проведена реконструкция внешнего вида и трудозатрат на возведение оборонительных сооружений городища Старо-Лыбаевского-1 на левом берегу Тобола. Поселение принадлежит бакальской культуре западносибирской лесостепи, дважды использовалось в средневековый период. В IV–V вв. поселок был окружен рвом и древесно-земляной стеной в виде тарасов, впоследствии был заброшен. Вернувшееся в VII–IX вв. на высокий останец население снова построило земляную стену из культурного слоя площадки, сделав ее в два раза шире, чем прежде. Для усиления защиты на нее поставили забор, несколько превышающий рост человека, и углубили ров, создав в целом рубеж около 5,5 м высотой. Прослежена тенденция к возрастанию трудовых затрат на оборонительные конструкции и кратковременность их эксплуатации.

Ключевые слова

археология, Средневековье, Западная Сибирь, бакальская культура, военное дело, фортификация

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-59-23006 «Проблема трансформации культуры мадьяр на пути обретения родины», Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» и гранта РФФИ № 20-49-720001 «Роль миграций в историко-культурной динамике юга Западной Сибири в эпоху Средневековья» по соглашению с администрацией Тюменской области

Для цитирования

Матвеева Н. П. Об оборонительных сооружениях бакальской культуры (по материалам Старо-Лыбаевского-1 городища, лесостепное Зауралье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 114–124. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-114-124

Defensive Buildings of the Bakalskaya Culture (The Staro-Lybaevskoe-1 Settlement in the Forest-Steppe Trans-Urals)

Natalia P. Matveeva

Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation

nataliamatveeva1703@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0240-0561>

Abstract

Purpose. The purpose of this article is to evaluate defensive potentialities of the Middle Age population in the Trans-Urals. The main task is to reconstruct the exterior of the fortified areas and the necessary amount of work.

© Матвеева Н. П., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 114–124

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 114–124

Results. The defensive buildings of the Staro-Libayevskoye-1 fortified settlement were used. It has been established on the terrace of the Middle Tobol river and had the 5-angle form, size 65 × 75 m and a simple rampart-and-ditch line with two approach gates. This square was used for habitation twice in Middle age epoch. Apparently, large earthworks were not carried out due to the features of the relief, which had a height difference of 2 meters; considering the wooden wall and the ditch depth. Based on the analysis of the archaeological finds and the cultural layer, we established that in the early period of the Bakalskaya culture (4th – 5th centuries) the settlement was encircled with timber-framed wall and the terrace slope possibly played a role of a berm. The inhabitants created a defense line minimum of 5.5–6 meters in height. We assume that there was exacerbation of social and local conflicts, and the population sought to prevent these conflicts by strengthening defense. The Ustyug-1 synchronous cemetery testifies to the existence of a constant military threat, such as attacks by migrants and conflicts with the use of weapons. Later, in 8th – 10th centuries the settlers used traditional methods and created a new earthen wall. It was built two times wider, then earlier, using pre-existing land cultural layer. The settlers abandoned the laborious movement of soil from the ditch to the height of the wall. For greater protection, they equipped the earthen rampart with timber-frame structures and created a barrier 5.5 meters high.

Conclusion. Concluding, we suggest that a dangerous military situation persisted during this period, as evidenced by samples of weapons and a cemetery in the settlement. The study also revealed a trend towards increasing labor costs for fortifications construction.

Keywords

archaeology, Middle Ages, Bakalskaya culture, war affair, ramparts, ditches, labour costs

Acknowledgements

The work was supported by the Russian fundamental Research fund, project no. 19-59-23006 “The problem of Magyar culture transformation on the conquest of motherland”, fund “For Russian language and culture in Hungary” and project no. 20-49-720001 “The role of migrations in historical and cultural dynamic of southern Western Siberia in Middle Ages epoch” with Tyumen region administration agreement

For citation

Matveeva N. P. Defensive Buildings of the Bakalskaya Culture (The Staro-Lybaevskoe-1 Settlement in the Forest-Steppe Trans-Urals). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 114–124. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-114-124

Введение

Оборонительное зодчество средневекового населения Западной Сибири в литературе исследовано лишь с точки зрения топографии и планировки городищ, в том числе в многотомном исследовании «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» [1994]. В аспекте уровня обороноспособности населения оно изучалось лишь рекогносцировочно, на единичных памятниках. Полной картины структуры фортификаций и их защитных свойств мы всё еще не имеем, хотя установлено использование тарасов как основы защитных стен, деревянных одежд вала, эскарпов и частоколов для защиты мысовых участков со стороны воды, выполнены единичные реконструкции проездных ворот, бастионов [Берлина и др., 2013; Рафикова и др., 2013; Рафикова, Берлина, 2014]. Поэтому новые сведения о фортификационном строительстве в раннем Средневековье и его военном значении в свете противостояния разных этнокультурных групп населения представляются актуальными.

Источники и методы

Автор пользуется традиционными планиграфическим и стратиграфическим анализом составляющих культурного слоя памятника, типологическим анализом находок, а также методами архитектурных расчетов устойчивости сооружений из земли и дерева, сопротивляющихся опрокидыванию. Также проведен расчет объема трудозатрат на возведение деревянных конструкций и ручные земляные работы по современным «Строительным нормам и правилам», апробированным С. В. Берлиной в реконструкции сооружений раннего железного века Западной Сибири [Берлина, 2010]. Автор отдает себе отчет в приблизительности их применения для прошлого и полагает, что трудовые нагрузки могли быть более значительными, а сроки строительства – более сжатыми.

Старо-Лыбаевское-1 городище интересно для изучения, так как содержит стратифицированные материалы от одновременного обитания людей на высоком останце левого берега Тобола в его среднем течении. Оно находится в Старо-Лыбаевском археологическом микро-

районе в Заводоуковском районе Тюменской области (рис. 1), насчитывающем более 20 объектов. Жилая застройка на крепости исследовалась в 1969 г. рекогносцировочно Б. Б. Овчинниковой [1988, рис. 1], а в 2015–2016 гг. на селище несколькими раскопами – Н. П. Матвеевой и А. С. Зеленковым [2016]. Размеры укрепления составляют 75×65 м, оно окружено селищем в 1 кв. км с более чем 500 жилищами разных размеров, явно разновременных [Матвеев и др., 1995, с. 48], как показали раскопки 2015 г., преимущественно саргатских и кашинских раннего железного века, перекрытых сезонными бакальскими [Матвеева, Зеленков, 2016].

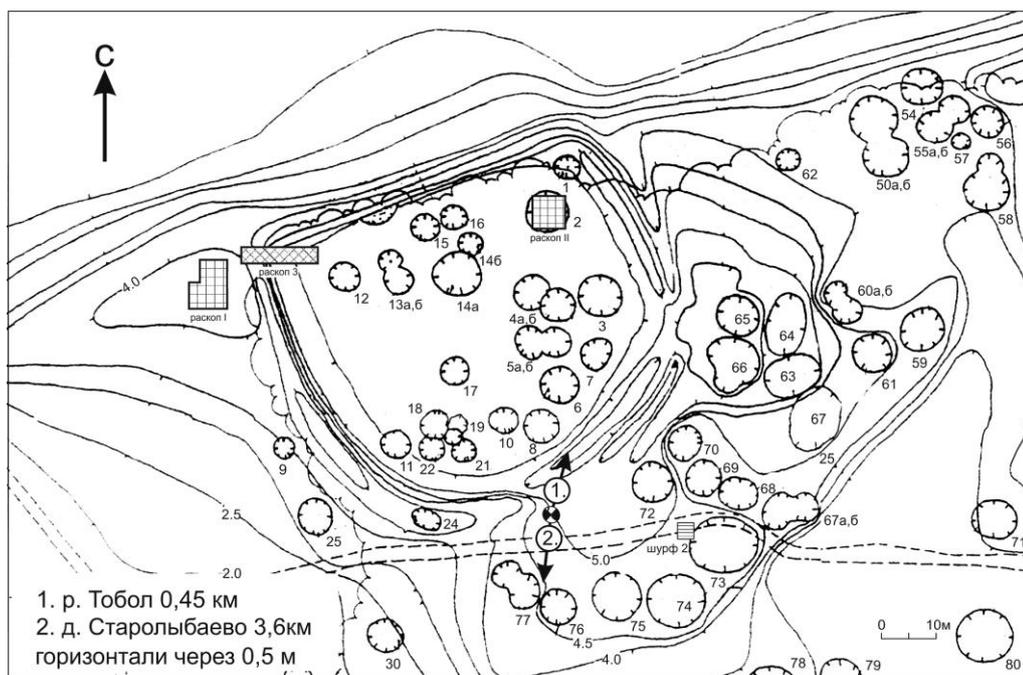

Рис. 1. Топографический план Старо-Лыбаевского-1 городища
Fig. 1. The topographic plan of the Staro-Lybaevskoye-1 settlement

Визуально защитный рубеж состоял из однолинейной системы «вал – ров» с двумя въездами, перепад высот от дна рва до вершины вала составил 3,06 м. Изучение оборонительной линии городища траншеей $3,5 \times 14$ м, проложенной через вал и ров на северо-западном повороте стены (см. рис. 1) дало три разновременных рва, а внутри тела вала обнаружили следы подсыпок и остатки разновременных башен. По саргатской керамике и бусине из голубого стекла с глазчатым орнаментом, датируемым около III–II вв. до н. э., обе дозорные башни [Матвеева, Алиева, 2016, с. 140], находившиеся на линии начальной стены, и ров 2 отнесены к раннему железному веку.

Остановимся на оборонительной линии средневекового периода. В следах золы и угля в подошве вала есть бакальские черепки, т. е. бакальские насельники разровняли руины предшествующего времени со сгоревшими башнями¹.

Ранний средневековый вал А прослежен в виде линз серого и мешаного серого песка с золой и углем длиной 2,6 м, лежавших горизонтально в подошве насыпи, поверх отдельных линз выброса однородного песка, сделанных при начальной фазе рытья рва 1. Поскольку комплекс этих темных линз имеет прямоугольные очертания, вероятно, их ссыпали в деревянные одежды, взяв с площадки городища, на высоту не менее чем 0,5 м, т. е. нарезали кир-

¹ Слой зольный и светлый серо-коричневый – заполнение башен, стены и рва эпохи раннего железа.

пичи дерна из задерновавшейся поверхности культурного слоя. Об ограждении насыпи от оползания деревом говорит слой коричневого цвета длиной 1,2 м, подпирающий ее изнутри в квадратах 13 и 14 (рис. 2, 1А). Нижняя часть земляной стены лежала поверх зольных прослоек от сгоревших саргатских башен, содержала бакальскую керамику наряду с черепками раннего железного века. Небольшая высота начальной стены, возможно, является результатом остановки строительства по первоначальному плану.

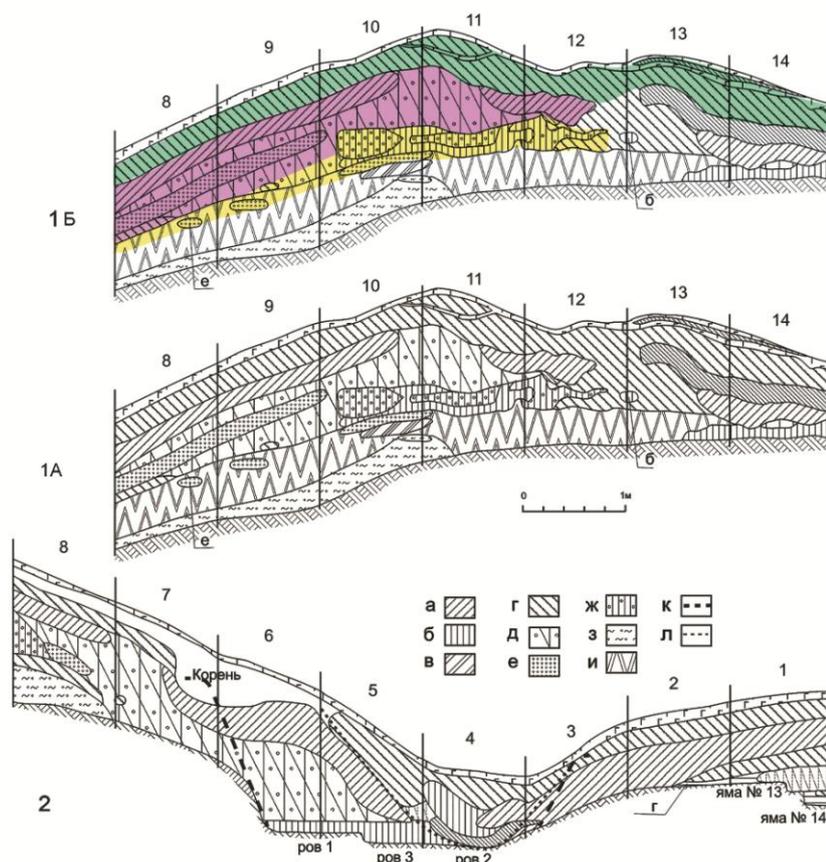

Рис. 2. Стратиграфические разрезы:

1А – разрез вала по северному борту; 1Б – разрез вала с выделением цветом раннего (Б) и позднего (А) слоев; 2 – разрез рва и напольной площадки по южному борту раскопа 3.

Условные обозначения: а – коричневый песок; б – серый песок; в – темно-коричневый песок; г – темно-серый песок; д – мешаный светлый песок; е – выброс желтого песка; ж – серый мешаный песок; з – зольный слой; и – светлый серо-коричневый песок; к – предполагаемые границы рва 1; л – предполагаемые границы рва 3

Fig. 2. The stratigraphic cuttings:

1А – northern excavation side; 1Б – northern excavation side with color designation of the early (B) and late (A) rampart; 2 – the ditch and square before the ditch on the southern side of excavation 3.

Legend to hatching: а – brown sand; б – gray sand; в – deep brown sand; г – dark gray sand; д – mixed sand; е – yellow sand; ж – gray mixed sand; з – ash; и – gray-brown sand; к – hypothetic line of ditch 1; л – hypothetic line of ditch 3

Ранний средневековый вал Б². Потом, спустя краткий срок, насыпь была увеличена за счет выкапывания широкого рва выбросом из него, отложившимся в виде перемешанного серо-коричневого песка. Он же сполз назад в ров в длину на 5 м. Несколько мелких линз песка

² В предварительной публикации 2017 г. мы не разделяли уровни тела раннего вала.

в структуре вала и основное мусорное заполнение говорят, вероятно, о каких-то деревянных одеждах. Полагаем, что линза светлого песчаного выброса была связана с досыпкой вала при строительстве рва 1 (рис. 2, 1А). Но набросан песок из него не на вершину вала, а на его наружный склон. Ширина слоя по горизонтали составляет 1,5 м, а высота – 0,55 м, а длина линзы, спустившейся в ров, – 2,2 м, толщина – 0,45 м. Подсчитав объем обрушенного грунта в нашей траншее, который составил 3,5 куб. м, и мысленно добавив его в границы насыпи шириной 1,5 м, получим еще 0,7 м к тем 0,55 м, что остались на месте. Таким образом, насыпь из грунта, вынутого из рва 1, первоначально составила 1,8 м в высоту, считая и сохранившиеся 0,5 м от предыдущего строительства (рис. 2, 1Б). Она также была помещена в деревянное ограждение, о чем говорят коричневая линза длиной 1,2 м изнутри и наклонный коричневый слой с вершины насыпи ко дну рва толщиной 0,25–0,3 м, однако характер его конструкции не ясен. Темный слой изнутри стены, скорее всего, образовался в относительно позднем вывороте дерева и не связан со строительством.

Поздний средневековый вал – однородный, имеет горизонтальное залегание темно-серого песка шириной по горизонтали около 2,5 м, слоем толщиной 0,25–0,35 м. Он фиксируется и во рву 3, а выше его перекрывает только дерн. Гумусированный слой образовался, как и ранее, вследствие перемещения земли с жилой площадки, он маркирован бакальской керамикой, есть кости животных, т. е. слой сформирован из накоплений мусора. Конструкция стены точно не установлена, но наблюдения на –60–65 см от поверхности дали два ряда круглых почти черных пятен на расстоянии 0,75–1,5 м друг от друга, диаметром 0,35 м, образующих линии вдоль краев насыпи предшествующего периода с интервалом около 2,5 м. Вероятно, это следы обугленных столбов от заплота, вкопанных в нижележащий горизонт (рис. 3). Учитывая протяженность развала поздней насыпи вала примерно в 12 м ($0,3 \times 3,5 \times 12 \text{ м} = 12,6 \text{ куб. м}$), рассчитаем первоначальную высоту добавленной земли на развал предыдущей насыпи, разделив объем на 2,5 м ширины и 3,5 м длины в раскопе, и получим 1,45 м. Бревенчатый заплот с заглублением его стоек на 0,7 м, с земляным заполнением насчитывал около 2,2 м в высоту, тогда как общей высотой он мог быть в 3,5 м или более. При этом верхняя часть его, не заполненная землей, могла быть стрелковой галереей высотой в рост человека (рис. 4).

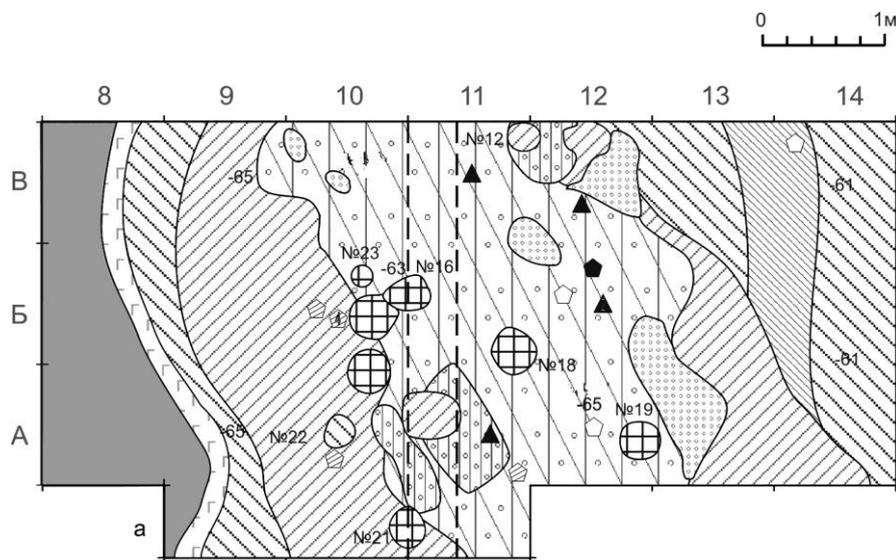

Рис. 3. Внутривальные конструкции раскопа 3 на Старо-Лыбаевском-1 городище. Поздний вал. Буквами и цифрами обозначены номера квадратов. Обозначение штриховки слоев см. на рис. 2

Fig. 3. Intra-shaft structures of excavation 3 at the Staro-Lybayevskoe-1 settlement. Late rampart. Letters and numbers give the numbering of the squares. Other marks like fig. 2

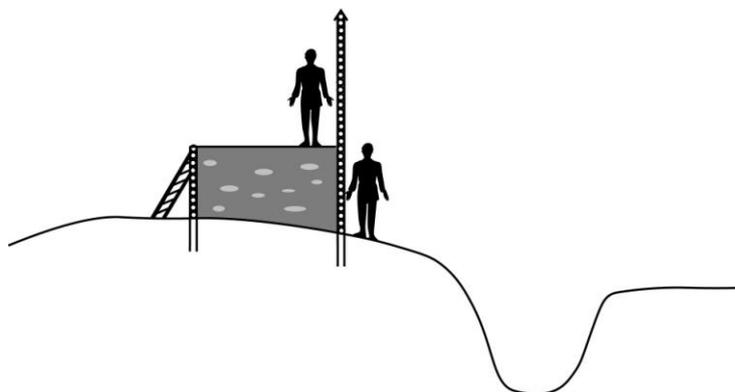

Рис. 4. Схема поздней оборонительной линии
Fig. 4. The scheme of the late fortification line

Оползание слоев насыпи вала на значительную длину отражает длительные временные перерывы в заселении городища в средневековое время. Все три вала относим к строительной деятельности населения бакальской культуры. Ее общие архитектурные приемы одинаковы. Грунт частично приносили с жилой площадки, а частично добавляли из выброса при выкапывании рва. Рвы были сделаны на одном и том же месте, на склоне естественной возвышенности с перепадом высот поверхности в 1,5–1,6 м у береговой кромки останца террасы. Таким образом, люди использовали выгодный рельеф местности, а малый размер укрепленной площадки задан был естественными размерами останца.

Ров 1, средневековый, трапециевидный в разрезе, был мельче, чем ров 2 раннего железного века, и перекрыл его. Но объем вынутого грунта был на 60 % больше, чем при сооружении раннего, ширина – 3,8 м по верху и 2,8 м по дну, его складировали узкими полосами на разной высоте на жилую площадку поверх следов предыдущего пожарища. Выброс из рва 1 видим в длинной наклонной полосе в квадратах 7–9 разреза поверх гумусированного слоя, т. е. он сделан непосредственно после длительного запустения места, видимо, после оставления его в раннем железном веке (рис. 2, 2). По наличию бакальской керамики, происходящей из заполнения рва 1, мы связали его со средневековым временем. Глубина его с напольной стороны – 0,7 м, со стороны склона останца – 1,4 м. Перепад высот со дна рва до подошвы вала составляет 2,2 м, рассчитанная выше величина стены при строительстве – около 3,5 м, таким образом, перепад высот оборонительной линии – не менее 5,5 м.

Ров 3 – это следы подновления рва 1, собственно, канавка шириной 1,2 м по дну, 2,8 м – по верху, глубиной 0,15–0,2 м в его материковом дне, с глубиной 0,9–1,3 м. Он заполнен темно-серым слоем, вероятно, быстро задерновался, так как находок там не было. Примерный перепад высоты со дна рва 3 до вершины обновленной самой поздней земляной стены составит 5 м.

Обсуждение материалов

Посчитаем объем трудовых затрат на выкапывание рвов и возведение земляной стены. Объем выброса определим по формуле $V = L \times h (A_v + A_n) / 2$, где A_v – ширина рва вверху, A_n – ширина внизу, h – глубина (возьмем среднюю). Примем, что на выемку 1 кубометра песка с выбросом на одну сторону и зачисткой отводится 1,3 чел.-ч, а затраты на обработку и транспортировку дерева из ближайшей округи³ возьмем из работы С. В. Берлиной и И. Ю. Чикуновой по саргатским крепостям [Матвеева и др., 2005, с. 179–180]. Получаем, что трудозатраты составляют не менее 3 месяцев работы с грунтом и древесиной при полной

³ Поселение окружено сосновым лесом.

занятости всех взрослых мужчин данного населенного пункта. Совершенно необходимой представляется помощь в строительстве членов других родственных семей, постоянно проживавших на удаленных селищах и намеревавшихся использовать возводимое укрепление как убежище (см. таблицу).

В ранний период бакальской культуры городище было обнесено земляной стеной, вероятно, закрепленной древесиной, но из-за песчаного грунта, как мы полагаем, остатки ее не сохранились. На других памятниках бакальской культуры, где изучались валы: Красногорском, Большом Бакальском, Усть-Терсюкском, Усть-Утяк-1, прослежена их тарасная конструкция [Рафикова и др. 2013, с. 44–46; Рафикова, Берлина, 2014, с. 73].

Объем земляных работ, проведенных строителями на Старо-Лыбаевском-1 городище, оказался примерно в два раза большим во рву и на стене, чем в саргатское время [Матвеева, Алиева, 2016]. Склон останца играл роль природной бермы. Есть основания предполагать обострение социальных и территориальных конфликтов и стремление предупредить их превентивной защитой от нападения. Судя по характеру разрушения этого рубежа, городище было оставлено на несколько веков. Ранний бакальский период обитания датируем IV–V вв., ориентируясь на датировку зауральской кушнаренковской керамики [Матвеева, 2016, с. 212], а также карымской, найденной Б. Б. Овчинниковой [1988, рис. 5, 4] при раскопках на городище.

Старо-Лыбаевское-1 городище. Примерные трудозатраты на строительные работы *
Staro-Lybaevskoye-1 fortified settlement. Approximate labor costs for building works

Объект	Объем материалов, куб. м	Работа (25 чел. при 10-часовом дне)	
		в часах	в днях
Ров 3, грунт	642	834,6	3,4
Ров 1, грунт	1060	1378	5,6
Поздняя стена, грунт	1015	1320	5,2
Заплот поздний, дерево	1120	179,2	7,2
Заготовка и транспортировка древесины 10 повозками	250	–	80
Ранняя стена А, грунт	364	473,2	1,8
Ранняя стена Б, грунт	1260	1638	6,6

* Принимаем примерную численность строителей в 25 чел., так как требовались физическая сила и умения при работе с деревом. Дети и женщины в ней не принимали участия, либо использовались при переноске грунта в тарасы в дерновых кирпичах или корзинах. Площадь городища не позволяет разместить жилища с подсобными помещениями более чем на 5–6 домохозяйств. Столько же или несколько больше располагалось на селище. Примерные расчеты численности бакальской общины см.: [Матвеева, Третьяков, 2018].

Вернувшееся на высокий останец население бакальской культуры снова воспользовалось отработанными приемами и насыпало земляную стену, уже значительно большей высоты, чем прежде, из культурного слоя предшествующего периода обитания на площадке, избежав трудоемкого перемещения на высоту грунта из рва. А для усиления защиты дополнили земляную стену бревенчатыми конструкциями высотой около 3,5 м, создав рубеж около 5,5 м высотой. Второй бакальский период обитания по трехлопастному железному черешковому с упором наконечнику стрелы, характерному для тюркских памятников Алтая, Казахстана и Западной Сибири VI–XI вв. [Овчинникова, 1988, рис. 6, 3], а также по крупному железному перекрестью ромбической формы от меча или сабли [Там же, рис. 6, 1, 2] определяем в границах VII–IX вв.

В целом Старо-Лыбаевское-1 представляет собой типичный образец малого городка одной общины, видимо, центр освоения и закрепления территории. На ранее изучавшихся Коловском, Красногорском городищах, на Большом Бакальском, Усть-Утяк-1 и Усть-Терсюк-1, значительно больших, чем рассматриваемое по площади, ширина вала, состоявшего из тарасов, обложенных дерном, составляла 4,5–4,7 м [Матвеева и др., 2008, с. 186; Рафикова и др., 2013; Рафикова, Берлина, 2014]. Внутри образовавшихся клетей засыпали землю с площадки мыса, обычно – культурный слой предшествующего периода обитания. Деревянные ворота на мощных столбах закрывали проезд, сооруженный в виде надвратной башни и деревянного мостика через ров. Рвы бакальских городищ имели глубину от 1 до 3 м, ширину от 3,5 до 15 м, облицовка их деревом не зафиксирована.

На соседних лесостепных территориях Прииртышья и далее в Приобье сложность оборонительных сооружений в раннем Средневековье также увеличивается под давлением расселения тюркских народов, а также социального расслоения среди местного населения вследствие посреднической торговли [Очерки..., 1994, с. 380, 394, 403; История Сибири, 2019, с. 348, 353]. Распространены многоугольные крепости с несколькими въездами, эскарпированием склонов, вводится эшелонированная оборона, например, у населения потчевашской культуры, известная также и у бакальских строителей [Рафикова и др., 2013, с. 49; История Сибири, 2019, с. 369, рис. 122]. Помимо общего увеличения оборонительных линий по ширине и высоте в этот период строятся бастионно-башенные укрепления, являющиеся более результативными в обороне на слабо пересеченной местности [Борзунов, 2014, с. 403–404].

Предполагаем, что военные действия велись в раннебакальский период заселения Старо-Лыбаевского-1 поселения с карымскими таежными мигрантами, расселившимися на севере лесостепи по долинам рек и озер. Врагами могли быть также номады гунно-праболгарского круга, принесшие на север лесостепи традицию захоронения человека с конем поверх могилы, реализованную в нескольких курганах могильника Устюг-1, расположенного в 3 км от городища и ему одновременного [Матвеева, 2016, с. 10]. А в позднебакальский период краткосрочные набеги в лесостепь могли организовывать кимаки и печенеги, а также вторгались отдельные группы потчевашских переселенцев с востока, оставившие пока еще мало исследованные памятники перейминского типа, такие как Воденниково-1, Перейминский могильник, датированные концом VII – началом IX в. [Матвеева и др., 2021]. Конечно, не исключены и межобщинные столкновения, но из-за недостаточного количества изученных погребальных памятников выразительными данными на этот счет мы не располагаем. Однако могильник Устюг-1 дал свидетельства обстановки военных сражений, проявившихся в ряде рубленых ран на скелетах людей всех половозрастных групп, в том числе у женщин и подростков, а также в документированном факте казни взрослого мужчины [Слепченко, Пошехонова, 2014, с. 89]. Следы увечий и травм на костях скелетов позволяют считать, что погребенные участвовали в войнах, закончившихся поражением, или каких-то вооруженных конфликтах и вели образ жизни, обуславливавший быстрый износ организма и раннюю смерть. А отсутствие наступательного вооружения в бакальских могильниках, как нам кажется, может указывать на защитный характер их воинской культуры. Такую идею ранее выдвигал Д. Н. Маслюженко [2008], предполагая, что линейное расположение бакальских крепостей по Исети, Миассу и Тоболу является отражением пограничных конфликтов со степняками.

Заключение

Анализ материалов городища Старо-Лыбаевское-1 дал свидетельства перестроек фортификаций в связи с обострением конфликтов с мигрантами, а находки предметов вооружения в бакальском слое городищ, в том числе и на рассматриваемом, говорят об имевшем место их штурме противником. Таким образом, миграционный фактор играл серьезную роль и создавал военную напряженность в регионе на раннем этапе бакальской культуры. Относительно позднего этапа по артефактам из городищ не представляется возможным установить, с каки-

ми группами соседей существовали враждебные отношения, однако распространение тюркских форм инвентаря, появление отдельных курганов для захоронения коня, погребения со шкурой лошади, полиобрядовые могильники IX–X вв. склоняют нас к мысли о существенном давлении тюркских групп на население лесостепи.

Список литературы

- Берлина С. В.** Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 18 с.
- Берлина С. В., Костомаров В. М., Попов Н. А.** Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы – средневековье (опыт классификации и анализа в среде ГИС) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3. С. 79–86.
- Борзунов В. А.** Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. Вып. 12. С. 380–415.
- История Сибири. Железный век и Средневековье / Под ред. В. И. Молодина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 2. 643 с.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Панфилов А. Н., Буслова М. А., Зах В. А., Могильников В. А.** Археологическое наследие Тюменской области. Памятники лесостепи и подтаежной полосы. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.
- Маслюженко Д. Н.** Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008. 167 с.
- Матвеева Н. П.** Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.
- Матвеева Н. П., Алиева Т. А.** Башни в фортификационном строительстве раннего железного века (саргатская культура) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2016. № 4 (42). С. 140–142.
- Матвеева Н. П., Берлина С. В., Рафикова Т. Н.** Коловское городище. Археолого-палеоэкологическое исследование. Новосибирск: Наука, 2008. 228 с.
- Матвеева Н. П., Зеленков А. С.** Селище Старо-Лыбаевское-1Б // Ab origine: Археолого-этнографический сборник Тюменского университета. Тюмень: из-во ТюмГУ, 2016. Вып. 8. С. 66–87.
- Матвеева Н. П., Ларина Н. С., Берлина С. В., Чикунова И. Ю.** Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
- Матвеева Н. П., Третьяков Е. А.** Модели эксплуатации пространства бакальским населением раннего Средневековья (по данным Коловского городища) // Человек и Север: Материалы науч. конф. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2018. С. 149–153.
- Матвеева Н. П., Третьяков Е. А., Зеленков А. С.** Свидетельства миграции группы южнотаежного населения Западной Сибири на Урал в раннем Средневековье (могильник Воденниково-1) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 4. С. 91–99. DOI 10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099
- Овчинникова Б. Б.** Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 141–152.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Под ред. Л. М. Плетневой. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 1. 485 с.
- Рафикова Т. Н., Берлина С. В.** Фортификации городища Ласточкино гнездо-1 эпохи Средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 69–76.
- Рафикова Т. Н., Берлина С. В., Кайдалов А. И., Сечко Е. А.** Фортификации раннего и развитого Средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51.

Слепченко С. М., Пошехонова О. Е. Патологические проявления на палеоантропологическом материале раннесредневекового могильника Устюг-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. Т. 4 (27). С. 58–66.

References

- Berlina S. V.** Residential and defensive architecture of the West Siberian forest-steppe in the Early Iron Age (based on the Sargatsky culture). Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Tyumen, 2010, 18 p. (in Russ.)
- Berlina S. V., Kostomarov V. M., Popov N. A.** Gorodishcha lesnogo Tobolo-Ishim'ya v epokhu bronzy – srednevekov'e (opyt klassifikatsii i analiza v srede GIS) [Settlements of the Tobol-Ishim'e forest settlement in the Bronze-Medieval epoch (the Classification and Analysis Experience in the GIS Environment)]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013, no. 3, pp. 79–86. (in Russ.)
- Borzunov V. A.** Ukrepleniya s bastionno-bashennymi fortifikatsiyami nachala zheleznoogo veka Urala i Zapadnoi Sibiri [Fortifications with bastion-tower fortifications of the early Iron Age in the Urals and Western Siberia]. In: Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Tomsk, Khanty-Mansiisk, TSU Press, 2014, vol. 12, pp. 380–415. (in Russ.)
- Maslyuzhenko D. N.** Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v Srednie veka [Ethnopolitical History of forest-steppe Pre-Tobolie in the Middle Ages]. Kurgan, Kurgan State Uni. Press, 2008, 167 p. (in Russ.)
- Matveev A. V., Matveeva N. P., Panfilov A. N., Buslova M. A., Zakh V. A., Mogilnikov V. A.** Arkheologicheskoe nasledie Tyumenskoj oblasti. Pamyatniki lesostepi i podtaezhnoi polosy [Archaeological Heritage of Tyumen Region. Monuments of Forest-Steppe and Sub-Taiga Strips]. Novosibirsk, Nauka, 1995, 240 p. (in Russ.)
- Matveeva N. P.** Zapadnaya Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (problemy kul'turogeneza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov [Western Siberia in the era of the Great Migration of Peoples (problems of cultural genesis according to funerary monuments)]. Tyumen, Tyumen State Uni. Press, 2016, 264 p. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Alieva T. A.** Bashni v fortifikatsionnom stroitel'stve rannego zheleznoogo veka (sargatskaya kul'tura) [Towers in the fortification construction of the Early Iron Age (Sargat culture)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2016, no. 4 (42), pp. 140–142. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Larina N. S., Berlina S. V., Chikunova I. Yu.** Kompleksnoe izuchenie uslovii zhizni drevnego naseleniya Zapadnoi Sibiri [Integrated study of the conditions of life of the ancient population of Western Siberia.]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 228 p. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Berlina S. V., Rafikova T. N.** Kolovskoe gorodishche. Arkheologo-paleoekologicheskoe issledovanie [Kolovskoe settlement. Archaeological and paleoecological research]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 228 p. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Tretyakov E. A.** Modeli ekspluatatsii prostranstva bakal'skim naseleniem rannego Srednevekov'ya (po dannym Kolovskogo gorodishcha) [Models of exploitation of space by the Bakalskaya culture population of the early Middle Ages (according to the Kolovo settlement)]. In: Chelovek i Sever [Man and the North]. Materials of the scientific conference. Tyumen, Tyumen SC SB RAS Publ., 2018, pp. 149–153. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Tretyakov E. A., Zelenkov A. S.** Svidetelstva migratsii gruppy yuzhno-taезhnogo naseleniya Zapadnoi Sibiri na Ural v rannem Srednevekov'e [Archaeological Evidence of Migration from the Southern Taiga of Western Siberia to the Urals in the Early Middle Ages: The Vodennikovo-1 Cemetery]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, vol. 49, no. 4, pp. 91–99. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099
- Matveeva N. P., Zelenkov A. S.** Selishche Staro-Lybaevskoe-1B [The settlement Staro-Lybaevskoe-1B]. In: Ab origine: Arkheologo-etnograficheskii sbornik Tyumenskogo universiteta [Ab

- original: Archaeological and ethnographic collection of Tyumen University]. Tyumen, Tyumen State Uni. Press, 2016, vol. 8, pp. 66–87. (in Russ.)
- Molodin V. I.** (ed.). *Istoriya Sibiri. Zheleznyi vek i Srednevekov'e* [History of Siberia. Iron Age and the Middle Ages]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, vol. 2, 643 p. (in Russ.)
- Ovchinnikova B. B.** Staro-Lybaevskoe poselenie [Staro-Lybaevskoe settlement]. In: *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri* [Material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk, UrSU Press, 1988, pp. 141–152. (in Russ.)
- Pletneva L. M.** (ed.). *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Tomsk, TSU Press, 1994, vol. 1, book 1, 485 p. (in Russ.)
- Rafikova T. N., Berlina S. V.** Fortifikatsii gorodishcha Lastochkino gnezdo-1 epokhi Srednevekov'ya [Fortifications of the settlement of Swallow's Nest-1 of the Middle Ages]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2014, no. 4, pp. 69–76. (in Russ.)
- Rafikova T. N., Berlina S. V., Kaidalov A. I., Sechko E. A.** Fortifikatsii rannego i razvitogo Srednevekov'ya lesostepnogo i podtaezhnogo Zaural'ya [Fortifications of the Early and Developed Middle Ages of the forest-steppe and subtaiga Trans-Ural]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013, no. 4, pp. 42–51. (in Russ.)
- Slepchenko S. M., Poshekhonova O. E.** Patologicheskie proyavleniya na paleoantropologicheskom materiale rannesrednevekovogo mogil'nika Ustyug-1 [Pathological manifestations in the paleoanthropological material of the early medieval burial ground Ustyug-1]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2014, no. 4 (27), pp. 58–66. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Петровна Матвеева, доктор исторических наук

Information about the Author

Natalia P. Matveeva, Doctor of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 14.01.2023
The article was submitted on 15.09.2022;
approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 14.01.2023*

Научная статья

УДК 902.01

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-125-139

Погребальный обряд русских Омского Прииртышья на рубеже эпох (1870–1920-е годы) и глиняная посуда как элемент его структуры

Филипп Сергеевич Татауров¹
Кристина Олеговна Сопова²

¹ Омский государственный историко-культурный музей-заповедник
«Старина Сибирская»
Омск, Россия

² Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Омск, Россия

¹ fil_opossum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>

² sopovaukropova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8563-1319>

Аннотация

Погребальный обряд претерпел в Западной Сибири определенные трансформации с момента проникновения русских в регион и до 1917 г., об этом свидетельствуют результаты археологических исследований. В Омском Прииртышье исследован могильник конца XIX – начала XX в. Евгашино IV (Красный Яр). Полученные материалы позволили выявить элементы структуры русского погребального обряда этого периода: особенности места захоронения, конструкции, вещевого комплекса. Особое место занимает погребальная посуда. Применение единой методики для ее обработки позволило получить данные для дальнейшего сравнительного анализа. Результаты исследования лягут в основу создания хронологической шкалы изменений в русском погребальном обряде региона, пополнят базу данных по указанной проблематике.

Ключевые слова

археология русских, погребальный обряд, Омское Прииртышье, XIX – начало XX в.

Благодарности

Работа выполнена в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства»

Для цитирования

Татауров Ф. С., Сопова К. О. Погребальный обряд русских Омского Прииртышья на рубеже эпох (1870–1920-е годы) и глиняная посуда как элемент его структуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 125–139. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-125-139

© Татауров Ф. С., Сопова К. О., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 125–139
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 125–139

The Funeral Rite of the Russians of the Omsk Irtysh Region on a Boundary of the Epochs (1870s – 1920s) and Pottery as an Element of Its Structure

Philip S. Tataurov¹, Kristina O. Sopova²

¹ Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve “Antiquity Siberian”
Omsk, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Omsk, Russian Federation

¹ fil_opossum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>

² sopovaukropova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8563-1319>

Abstract

Purpose. The main elements of the structure of the funeral rite of the late 19th – early 20th centuries are analyzed based on the materials of the necropolis Yevgashino IV. That necropolis date to 1870–1920 by archaeology materials. The purpose of the study is to identify the main elements of the structure of the Russian funeral rite in the Omsk Irtysh region.

Results. The place and features of the burials, the funerary clothing were analyzed in the course of the study. A systematic analysis of the collection of funerary pottery was also carried out. The collection of funerary pottery includes 79 archaeologically intact vessels. Various types of funeral pottery were determined by the method of V. F. Gening. There is also an analysis of the cult copper plastics, such as pectoral crosses, copper diptych. The collection of crosses obtained on the site reflects the process of transition from the “Old Believers” forms of cult casting to stamped products of generally low quality which is an important chronological marker.

Conclusion. The results of the research will allow make a chronological scale of Russian funeral rite in the second half of the 19th – early 20th centuries from the time of the arrival of Russians in the region to the present.

Keywords

archeology of Russians, funeral rite, Omsk Irtysh region, 19th – early 20th century.

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the state task of IAET SB RAS FWZG-2022-0005 “Research of archaeological and ethnographic monuments in Siberia of the era of the Russian state”

For citation

Tataurov Ph. S., Sopova K. O. The Funeral Rite of the Russians of the Omsk Irtysh Region on a Boundary of the Epochs (1870s – 1920s) and Pottery as an Element of Its Structure. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 125–139. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-125-139

Введение

К началу XX в. погребальный обряд русского православного населения России в сложившемся виде существовал уже не одно столетие, однако в различных регионах страны он имел свои специфические черты. Локальные традиции сохранялись и передавались из поколения в поколение.

Русские переселенцы, придя в Западную Сибирь в конце XVI в., принесли в этот регион свою культуру, которая постепенно менялась под воздействием местных природных и этнических факторов, переселенческих волн XIX в., революционных событий в начале XX в. и установления в этот период советской власти.

Погребальный обряд как часть культуры оказался подвержен влиянию указанных процессов, что подтверждается результатами археологического изучения некрополей. В 2020–2021 гг. в Омском Прииртышье Ф. С. Татауровым исследован могильник Евгашино IV (Красный Яр). Он представляет собой заброшенную часть кладбища ныне не существующей д. Красный Яр в Большереченском районе Омской области. Деревня была основана в 1776 г. служилыми людьми. На момент переписи населения 1926 г. в ней проживало 393 чел.: 189 мужчин и 204 женщины, в основном русские [Список населенных мест..., 1928, с. 8]. В 1970-е гг.

данный населенный пункт был ликвидирован как «неперспективный» в рамках соответствующей государственной политики. По обнаруженному археологическому материалу некрополь датируется 1870–1920 гг.

Цель исследования – на основе полученного материала выявить основные элементы структуры русского погребального обряда указанного периода в Омском Прииртышье. Задачи исследования: проанализировать место и особенности захоронения, погребальный вещевой комплекс, произвести системный анализ коллекции погребальной посуды, обнаруженной на памятнике.

Обращаясь к рассмотрению погребального обряда русских Западной Сибири, следует признать высокую степень изученности проблематики. Исследован ряд как городских: Тара, Кузнецкий острог, Томск, Тобольск и др., так и сельских некрополей: в Омском Прииртышье это памятники Ананьино I и Изюк I; в Нижнем Прииртышье – Горноправдинский некрополь; в Верхнем Притомье – могильник у с. Ильинского под Новокузнецком. Написаны работы [Татаурова, 2010; Зайцева, Кениг, 2014; Ширин, 2011; Бердников, 2011], в которых реконструируется планиграфия кладбищ, прослежена эволюция обрядовых практик в ретроспективе, на основе материальных элементов смоделирована схема этапов погребального обряда.

Обобщив результаты исследования погребальных комплексов Западной Сибири XVII–XIX вв., Ф. С. Татауров отследил социальные признаки в погребальном обряде и на основании этого сделал следующие выводы: выбор погребальной конструкции (колоды или гробы) не несет в себе социально маркирующих черт, оба типа погребальных конструкций применялись на протяжении указанного периода. Социально дифференцирующую нагрузку несли следующие элементы: место захоронения относительно центра кладбища (церкви); наличие или отсутствие надмогильного сооружения (склепа); наперсные кресты как исключительный атрибут священства; кресты-тельники из драгоценных металлов; одежда из дорогих привозных тканей (шелка, атласа, бархата); форменная одежда (мундир); аксессуары костюма (пуговицы, позумент, украшения из дорогих материалов) [Татауров, 2018, с. 156].

Для некрополей XIX – начала XX в. по материалам Верхнего Приобья А. А. Воробьевым-Исаевым выявлены следующие закономерности православных захоронений: 1) грунтовый способ захоронения, концентрация могил группами на территории кладбища, рядность в их расположении; 2) наличие дощатых гробов, скрепленных гвоздями и скобами, или долбленых колод; 3) наличие на дне колоды отверстия, стружек, подушки под головой, наполненной березовыми листьями, или березового веника; 4) хоронили вытянуто, на спине, головой на запад; 5) руки клали скрещенными на груди; 6) умершего обряжали в специальную погребальную одежду или обычную – повседневную, праздничную; 7) наличие атрибутов веры (нательного креста, иконок, писания); 8) отсутствие украшений из металлов (кроме меди) и бытовых предметов; 9) наличие монет в грунтовой яме или на крышке гроба (колоды); 10) если присутствует надмогильное сооружение, то, как правило, это помост и покрытие из толстых плах [Воробьев-Исаев, 2008, с. 193].

Место и особенности захоронения

Некрополь расположен на краю высокого мыса, образованного коренной террасой западного берега р. Иртыш. Ближайшие дома д. Красный Яр находились в 150–200 м от памятника. Могильное поле окружено рвом шириной до 2,5 м, глубиной до 0,6 м, такая четко определенная граница предопределила высокую плотность захоронений. Подобная ситуация отмечается и на некрополях Прииртышья XVII–XVIII вв.: Изюк I и Ананьино I [Татаурова, 2010, с. 155; Этнографо-археологические комплексы..., 2016, с. 40]. Нередки случаи, когда могилы располагались ярусами. В заполнении могильных ям встречено большое количество костей из разрушенных погребений. Равнодушное отношение к более ранним захоронениям на сельских кладбищах Прииртышья в некоторых местах сохраняется и в настоящее время. По свидетельству Л. В. Татауровой, в ходе этнографических наблюдений за современным

погребальным обрядом в д. Кукарка Седельниковского района Омской области зафиксировано изъятие более ранних костяков в ходе копки современных ям¹.

Глубина погребений сильно варьируется: детские – от 35 до 160 см, взрослые – от 110 до 170 см. Как и на более ранних некрополях, отсутствует единый стандарт глубины могильных ям. В частности, на могильнике комплекса Изюк I (Большереченский район Омской области), который относится к концу XVII – XVIII в., глубина от современной дневной поверхности взрослых могил в среднем от 60 до 135 см; детских – от 20 до 95 см [Татаурова, 2010, с. 228–231]. Указанный памятник расположен на противоположном от Евгацино IV берегу Иртыша, в 10 км к северу. На могильнике комплекса Ананьино I (XVII–XVIII вв.) глубина захоронений не превышала 50 см [Этнографо-археологические комплексы..., 2016, с. 40–60].

Все могильные ямы, для которых удалось зафиксировать границы, имеют овальную или прямоугольную форму, с вертикальными стенками. Большинство захоронений ориентировано по линии «запад – восток». Однако встречаются ориентации на северо-запад – юго-восток, в паре случаев костяки внутри погребальных конструкций лежали головой на восток. Отсутствие строгой ориентации захоронений характерно для всех деревенских кладбищ XVIII–XIX вв. без церкви [Татаурова, 2010, с. 75].

По типам погребальных конструкций могилы разделяются на захоронения в деревянных долбленых колодах (домовинах) и гробах из досок, сбитых железными гвоздями. Из 133 захоронений некрополя Евгацино IV 72 в гробах, из них 21 взрослых; 61 в колодах, из них 16 взрослых. Встречены ситуации, когда в погребениях, залегающих на одном уровне вплотную друг к другу, гробы соседствовали с колодами.

На русских памятниках более раннего времени единообразие в использовании погребальных конструкций также отсутствует. В Тобольске, на втором городском кладбище в XVII в., в колодах хоронили преимущественно детей, а для взрослых изготавливали гробы из досок [Балюнов, Данилов, 2013, с. 51–52]. На Горноправдинском некрополе второй половины XVIII – XIX в. в 29-ти случаях зафиксированы захоронения в колодах, в 6-ти – в гробах [Зайцева, Кениг, 2014, с. 24]. На некрополе Умревинского острога второй половины XVIII – XIX в. из 23 захоронений 16 в колодах, 3 в гробах [Воробьев-Исаев, 2006, с. 53]. В комплексе Изюк I из 261 погребения было всего два гроба, одно детское захоронение в люльке, остальные 258 захоронений – в колодах [Татаурова, 2010, с. 56].

Соответственно, мнение о том, что гробы пришли на смену колодам [Кремлева, 1999, с. 517], неверно. Как видно из представленных материалов, оба вида погребальных конструкций продолжали использоваться как минимум до 30-х гг. XX в. Это подтверждается и собранными в близлежащем с Евгацино этнографическими данными, показывающими, что использование долбленых колод для погребения практиковалось до середины XX в. [Татаурова, 2010, с. 90, 91].

Форма колод, зафиксированная на некрополе Евгацино IV, в основном шестиугольная, с расширением в верхней трети (в районе локтей скелета). Их внутреннее обустройство можно разделить на два типа: с подголовником в виде оставленного выше дна деревянного выступа у короткой стенки колоды у головы и без него. Такое деление характерно для этого типа погребальных конструкций и на ранних памятниках [Там же, с. 86].

Гробы в основном трапециевидной формы, сужающиеся к ногам скелета, с плоской крышкой. Однако в ряде детских захоронений они представляют собой прямоугольные ящики. Отдельно стоит отметить хорошо сохранившийся гроб в форме объемной трапеции, по форме близкий к некоторым современным образцам.

¹ Татаурова Л. В. Материалы комплексной археолого-этнографической экспедиции ОмГУ и Омского филиала ОИИФФ СО РАН, 1996 г. // Музей археологии и этнографии музейного комплекса Омского государственного университета. Ф. I. Д. 104-1. Карт. 1–35. Авторы выражают благодарность Л. В. Татауровой за предоставленный материал.

В пяти случаях дно гроба (4 эпизода) или колоды устлано стружкой, в двух случаях стружка только под головой, еще в одном – под головой и ногами. По одному разу под головой встречены солома и опилки, в одном случае под голову положены веник и горсть зерна. Практика использования стружки, соломы в обустройстве погребального ложа была широко распространена в похоронном обряде русских, а также отмечена А. И. Бобровой у коренного населения Среднего Приобья в период его христианизации [Воробьев-Исаев, 2008, с. 193].

В трех случаях внутреннее пространство гроба специально засыпано землей или глиной, хотя крышка оставалась целой. Подобная практика отмечена в материалах памятника Изюк I, где половина взрослых погребений внутри колоды засыпана землей; среди детских захоронений таких случаев меньше. Это связывается с сезонными (зимними) погребениями [Татаурова, 2010, с. 197–246].

По результатам изучения места и особенностей захоронений на некрополе Евгацино IV можно сделать следующие выводы. Кладбище было устроено на специально оборудованном месте, при этом плотность захоронений на могильном поле очень высока. Детские погребения в основном менее глубокие, чем взрослые. Ориентация З–В соблюдалась нестрого. Гробы и колоды представлены практически в равном количестве. В единичных случаях дно гроба или колоды выстилалось стружкой или опилками.

Погребальный вещевой комплекс

Обнаруженные в могилах предметы можно разделить на три основные группы: погребальная посуда, нательные кресты и элементы костюма (одежда, пуговицы).

Коллекция погребальной глиняной посуды включает в себя 79 археологически целых сосудов.

Керамика в могилы ставилась как возле ног, так и возле головы, в отдельных случаях слева или справа от гроба (колоды). Из 38 взрослых погребений сосуды присутствовали в 12 (31,6 %), из 95 детских – в 56 (59 %), целые сосуды все поставлены на дно.

В типовом разнообразии наиболее часто встречаются крынки (33 шт.) и горшки (19 шт.). Кроме того, обнаружены такие типы посуды как: банки – 11 шт., миски – 9 шт., один кувшин и одна глиняная подставка, на которой стоял горшок. Интересными представляются сосуды переходной формы от горшка к крынке – 6 шт.

Керамика как массовый материал требует строгой и единой системы обработки. Качественный сравнительный анализ предполагает использование сопоставимых критериев. При обработке коллекции керамики применялась методика В. Ф. Генинга для характеристики пропорций сосудов. Для группировки по размерам лучшие результаты дает среднеарифметическое определение каждого параметра [Генинг, 1973]. Вычислены высотный, высотнo-горловинный, широтно-горловинный указатели, указатель профилировки шейки, высотный указатель тулова, плечика, выпуклости плечика и ширины днища сосудов. Наиболее часто встречающиеся указатели форм внутри разных типов посуды представлены в табл. 1.

Определив соотношения отдельных параметров сосудов, мы получили данные, необходимые для описания погребальной керамики.

Внутри типов посуды проанализирована морфология венчиков по классификации В. Ю. Ковалева [2014].

Крынки (см. рисунок, 1). По способу производства большинство крынок (15 шт.) относятся к раннекруговой керамике. Она изготавливалась на 1–3 этапах развития функции гончарного круга – формовалась скульптурной лепкой, при этом внешняя поверхность таких крынок заглаживалась [Бобринский, 1978, с. 37–51]. Целиком сформованы вытягиванием на гончарном круге 12 крынок, 6 сосудов выполнены в технике ручной лепки.

Группировка по признаку режима обжига выявила, что 29 крынок относятся к керамике с обжигом в восстановительной среде. Она создавалась при ограничении свободного доступа кислорода. Для такой керамики характерен темно-серый, черный цвет поверхности и излома.

Четыре крынки обожжены в горнах со свободным доступом воздуха – в окислительной среде, и имеют красноватый, светло-коричневый цвет черепка.

Таблица 1

Указатели формы сосудов могильника Евгашино IV
по методу В. Ф. Генинга [1973]

Table 1

Indicator of the shape of the pottery of the Evgenashino IV burial ground
according to the method of V. F. Gening [1973]

Тип посуды	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	ФИ
Крынки	1,21	4,26	0,78	0,07	0,93	0,35	0,37	0,23
Горшки	0,97	2,3	0,77	0,78	0,9	0,46	0,35	0,31
Банки	1,2	2,42	0,81	-0,05	1,03	0,34	0,38	0,12
Миски	0,49	0,11	1,03	0,27	0,55	0,41	-0,28	0,6
Кувшин	1,02	2,85	1,98	-3,25	0,55	0,5	-0,05	0,33

Примечание: ФА – указатель высоты; ФБ – высотно-горловинный; ФВ – широтно-горловинный; ФГ – профилировка шейки; ФД – высотный указатель тулова; ФЕ – высотный указатель плечика; ФЖ – указатель выпуклости плечика; ФИ – указатель ширины дна.

Типы керамической посуды
и разнообразие морфологии венчиков
Могильник Евгашино IV:

1 – крынка и варианты профилировки венчиков крынок; 2 – горшок и варианты профилировки венчиков горшков; 3 – банка и варианты профилировки венчиков сосудов баночной формы; 4 – миска и варианты профилировки венчиков мисок; 5 – сосуд переходной формы от горшка к крынке и варианты профилировки венчиков сосудов; 6 – кувшин и профилировка венчика

Types of pottery
and a variety of morphology of its edge
Burial ground Evgashino IV:

1 – milk jar and variants for profiling of its edge; 2 – pot and variants for profiling of its edge; 3 – jar and variants for profiling of its edge; 4 – bowl and variants for profiling of its edge; 5 – vessel of transitional shape from a pot to a milk jar and variants for profiling of its edge; 6 – jug and its edge profiling

Большинство крынок (17 шт.) находилось в детских погребениях (15 расположены в детских могилах у ног и 2 – возле головы). Во взрослых погребениях обнаружено только 6 крынок. Остальные 10 крынок найдены в заполнении раскопа вне могильных ям.

В двух взрослых захоронениях у головы обнаружены крынки с дополнительной обработкой поверхности в виде небрежного полосчатого лощения. В трех взрослых и в одной детской могиле – полностью лощеные сосуды. Остальные экземпляры без дополнительной обработки поверхности.

Морфологический анализ венчиков позволил выявить типичные классы для погребальных крынок памятника Евгашино IV. Это вертикальные венчики с круглым или заостренным «чистовым» краем, иногда слегка отогнутым (угол отклонения не более 15°) и вертикальные венчики с небольшим отогнутым наружу устьем (см. рисунок, 1).

Проведя анализ размера отдельных деталей сосудов, мы выявили наиболее характерные параметры формы внутри типа: высокие крынки, с высоким и широким горлом, с вытянутым туловом, высокими слабовыпуклыми плечиками и очень широким дном.

Горшки (см. рисунок, 2). Большинство (12 шт.) вытянуты из цельного куска глины на гончарном круге. Стенки сосудов равномерной толщины и имеют волнообразное рифление – горизонтальные следы ротации от гончарного круга. Четыре горшка выполнены методом скульптурной лепки с последующей доработкой венчика на гончарном круге, и три сосуда полностью выполнены вручную лепным способом. По способу обжига 11 горшков относятся к керамике восстановительного обжига и 8 – окислительного.

В качестве дополнительной обработки поверхности для горшков характерно покрытие глазурью: один покрыт снаружи глазурью зеленого цвета, обнаружен в детском погребении в районе ног; 6 горшков покрыты глазурью коричневого цвета, встречены как в детских, так и во взрослых погребениях. Примечателен сосуд, покрытый коричневой глазурью с нагаром по венчику и плечикам с внешней стороны горшка. Он был поставлен возле ног в детском погребении. Наличие нагара с внешней стороны сосуда – явный признак его активного использования в быту для приготовления пищи. Горшки без дополнительной обработки поверхности обнаружены как в детских, так и во взрослых погребениях. Примечательны два горшка очень низкого качества производства. В составе глиняного теста обоих – большое количество органики, они выполнены методом ручной лепки с неровным краем венчика, для них характерна большая толщина стенок. Один такой сосуд в детском погребении, другой – во взрослом. Всего в детских погребениях найдено 12 горшков, во взрослых – три горшка, и четыре горшка обнаружено в заполнении раскопа.

Морфологический анализ венчиков горшков показал, что преобладают два класса венчиков среди этого типа: 1) сосуды с плавно изогнутым в наружную сторону венчиком с закругленным краем (варианты различаются несколько расширенным краем и очень малой высотой венчика); 2) вертикальные венчики с округлым краем (см. рисунок, 2).

Анализ параметров деталей горшков выявил, что большинство горшков из коллекции можно описать следующим образом: это горшки средней высоты, средние по высоте горла и широкие по широтно-горловинному указателю, со слабопрофилированной шейкой, округлым туловом, высоким и слабовыпуклым плечиком, широким дном.

Банки (см. рисунок, 3). Для этой посуды характерно ручное лепное производство путем наращивания лент или жгутов. Девять сосудов изготовлено именно таким способом, и только два доработаны на круге. Все найденные банки обожжены в восстановительной среде. Дополнительная обработка поверхности не характерна, только несколько сосудов имеют следы хаотичного заглаживания. Большинство банок (8 шт.) низкого качества производства, с наличием большого количества примесей органики в тесте. Несмотря на качество изготовления, это единственная форма, у которой присутствует декор. Встречаются сосуды (две банки) с вдавленным орнаментом прямоугольной формы концентрического размещения и одна банка с вдавленным округлым орнаментом. У двух сосудов – вдавленный орнамент в виде очерченного креста на плечике.

Все сосуды этого типа обнаружены возле детских погребений в области ног, только один сосуд находился рядом с головой. Венчики банок вертикальные с округлым, слегка отогнутым краем (см. рисунок, 3).

Параметры сосудов баночной формы: средние и высокие, со средним по высоте и широким горлом, с наклоненной внутрь или слабопрофилированной шейкой, с округлым или вытянутым туловом, высоким, слабовыпуклым плечиком, с очень широким дном.

Миски (см. рисунок, 4). Все миски сформованы вытягиванием на гончарном круге. На дне сосудов следы среза с круга нитью или струной. Обожжены в окислительной среде.

Отличительная особенность этого типа погребальной посуды – покрытие глазурью коричневого, терракотового или зеленого цвета как внутри сосуда, так и снаружи. Одна миска орнаментирована гребенчатым вдавленным орнаментом вокруг плечика. Эта миска обнаружена рядом с погребением взрослого. Четыре миски – рядом с детскими могилами, остальные – в общем заполнении раскопа. Венчики мисок вертикальные, округлые, либо отогнутые наружу (см. рисунок, 4).

Анализ размерных характеристик выявил, что это низкие, с очень низким и широким горлом, со среднепрофилированной шейкой, приплюснутым туловом, высоким и слабовыпуклым плечиком, среднедонные.

Наиболее интересными из погребальной керамики могильника Евгацино IV представляются сосуды, которые мы относим к переходной форме от горшка к кринке (см. рисунок, 5). Для них характерна высокая шейка, обычно свойственная кринкам, но при этом они имеют большой диаметр основания шейки и тулова – типичные для горшковидных форм. Этот тип посуды имеет большее морфологическое разнообразие в оформлении края венчика. Встречаются как отогнутые наружу, прямоугольной формы венчики, так и загнутые внутрь, округлые и вертикальные с утолщением (см. рисунок, 5). Все сосуды этого типа – восстановительного обжига и лепного производства. Дополнительная обработка поверхности отсутствует. Посуду переходной формы отличает низкое качество изготовления и присутствие органических примесей в тесте, что не характерно для горшков и крынок, найденных на памятнике.

Из всего разнообразия типов посуды, обнаруженных на памятнике, в единственном экземпляре представлен кувшин (см. рисунок, 6). Зафиксирован возле взрослого погребения, у ног. Изготовлен вытягиванием из цельного куска глины на гончарном круге и обожжен в восстановительной среде. На дне фиксируются следы среза нитью с круга. Покрит глазурью коричневого цвета. Венчик кувшина прямой, шейка слегка отогнута наружу (см. рисунок, 6). По своим размерным характеристикам кувшин средней высоты, со средневысоким и широким горлом, со среднепрофилированной шейкой, приплюснутым туловом, с высоким, слабовыпуклым плечиком, широкодонный.

Мы видим большое типовое разнообразие глиняной посуды, использовавшейся в погребальном обряде русского населения Омского Прииртышья конца XIX – начала XX в. Большинство сосудов обнаружено в детских погребениях. В целом это изделия высокого качества, часто покрытые глазурью, со следами бытового использования.

Традиция, связанная с опусканием в могилу глиняной посуды, в Сибири фиксируется с XIX в. Посуда с углями использовалась при окурировании умершего, его жилища и гроба до совершения похорон, сопровождала покойного до кладбища, использовалась при окурировании могилы и помещалась в могилу вместе с гробом у ног или головы погребенного [Воробьев, 2001, с. 506]. На некрополе Евгацино IV в 36 случаях из 79 внутри сосудов обнаружены угли (в двух случаях с золой), в одном – щепка. В одном случае уголь найден под гробом, в двух случаях – рядом.

По мнению исследователей, опускание посуды в могилу – черта древнейшего, дохристианского обряда тризны [Панова, 2004, с. 155]. Разные его вариации встречаются практически во всех восточнославянских культурах [Славянские древности, 1995, с. 527]. Горшок как атрибут культа предков [Там же, с. 527–528] и огонь как защитная грань между миром живых и миром мертвых [Славянские древности, 2004, с. 517] сочетаются в этом обряде. Сюда же можно отнести связь с древней практикой трупосожжения; идеей домашнего очага, переносимого в загробный мир [Воробьев, 2001, с. 508; Мамонтова, 2012, с. 92].

Отдельного упоминания заслуживает находка половинки фаянсовой тарелки в одном из детских погребений. На обратной стороне предмета – клеймо «К. П. Чеканова», что позволяет датировать время ее производства 1846–1870 гг. [Сауков, Мергенева, 2020, с. 284].

Второй инвентарной группой по количеству находок стали нательные крестики. Они обнаружены в 60 захоронениях из 133 (в 17 взрослых и 43 детских). Распределение крестов по типам, согласно типологии В. И. Молодина [2007, с. 38–87], представлено в табл. 2.

Таблица 2
Распределение нательных крестов по типам
Table 2
Distribution of pectoral crosses by type

Тип креста	Количество
Тип 1	20
Тип 4	2
Тип 5	9
Тип 6	3
Тип 7	5
Тип 8	12
Тип 13	6
Фрагменты / неопределимые	3

Тип 13 отсутствует в типологии В. И. Молодина, он был выделен И. Д. Кромм и И. М. Бердниковым на основании материалов из памятников Омского Прииртышья: Изюк I и Ананьино I, а также Крестовоздвиженского некрополя в г. Иркутске [Кромм, Бердников, 2012, с. 225]. По мнению авторов, такие крестики можно датировать второй половиной XIX в. [Там же, с. 224, 225].

Большинство крестов медные, лишь два предмета изготовлены из серебра. Прямые аналоги можно встретить в материалах Крестовоздвиженского некрополя в Иркутске [Бердников, 2012б, с. 147]. Одиннадцать крестов покрыто эмалью синего цвета.

В целом такое распределение крестов 1–7 типов характерно для русских могильников Сибири, в качестве примеров назовем Изюк I [Кромм, Бердников, 2012, с. 224], Илимский острог [Молодин, 2007, с. 38–87], Спасский некрополь Иркутска [Бердников, 2012а, с. 166]. Значительное количество крестов 8-го и 13-го типов объясняется поздним временем существования памятника, на могильниках XVII–XVIII вв. подобных предметов не выявлено [Кромм, Бердников, 2012, с. 224–225]. Они изготовлены методом штамповки, а не отлиты, характеризуются невысоким качеством, в отличие от культового литья «старообрядческих» форм, и, вероятно, их распространение в среде православных является немаловажным хронологическим маркером эволюции данного элемента религии как таковой.

Кроме крестов к культовой медной пластике относятся находки трех карманных складней. Первый был обнаружен в захоронении пожилой женщины. Лежал в раскрытом виде чуть ниже ключиц. На нем изображена икона «Великомученица Параскева Пятница с избранными Святыми». Великомученица держит в правой руке восьмиконечный крест, а в левой – свиток. На створках изображены святые с указанием имен. На прямоугольном завершении складня – образ «Спаса Нерукотворного». По особенностям иконографии икону можно датировать XVIII–XIX вв.²

Образ Параскевы Пятницы у православных славян основан на персонификации пятницы как дня недели и культе святой Параскевы [Славянские древности, 2004, с. 631].

² URL: https://bgkm.ru/bgkm.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1697 (дата обращения 22.03.2022).

Второй складень был обнаружен в захоронении взрослого мужчины между ключиц. Боковые створки не сохранились. На предмете изображена достаточно редкая икона «Преподобный Тихон Луховский». Преподобный представлен в образе старца в монашеском куколе с посохом в руке. Канонизирован в 1570 г., почитался как чудотворец в Верхнем Поволжье. Географически это регион от Кажирова (совр. Костромской области) и окрестностей Ветлуги (совр. Нижегородской области) до сел совр. Заволжского района, Вичуги, окрестностей Луха (совр. Ивановской области) и окрестностей Нерехты (совр. Костромской области)³. Можно сделать вывод о том, что какая-то часть переселенцев, избравших в XIX в. для проживания д. Красный Яр, были родом из этих земель.

От третьего предмета сохранилась только центральная часть. Он был обнаружен вне захоронений, в ходе сбора подъемного материала под берегом вдоль некрополя. Представляет собой часть складня деисусного чина, на внутренней стороне которого изображена Богоматерь Агисоритисса, или Боголюбская икона Божьей Матери. На внешней стороне предмета – восьмиконечный крест на голгофе, по сторонам которого расположены копьё и трость. Буквы титулатуры вокруг креста затерты, однако по аналогиям с натальными крестиками можно прочесть там следующие надписи: ЦРЬ (царь) СВЫ (славы) ИС (Иисус) ХС (Христос) СНЪ (сын) БЖИ (божий) <...> К (копьё) Т (трость) МЛ (место лобное) РБ (рай бысть). Общерусское почитание иконы Боголюбской Богоматери начинается в последней трети XVII в. [Православная энциклопедия, 2002, с. 459–463]. Изображение на складне соответствует первому варианту первого иконографического извода, распространенному в конце XVII – XVIII в., который точно копирует древний образец, где кроме образа Богородицы другие святые на иконе отсутствуют [Там же].

Медные иконы и складни на Руси появились в XI–XII вв. в подражание византийской традиции [Гнутова, 1993, с. 16]. После церковного раскола в XVII в. они стали атрибутом старообрядчества, окончательно запрет на них был закреплен указами Петра I от 1722 и 1723 гг. «О воспрещении употреблять в церковных и частных домах резные и отливные иконы» [Савина, 1993, с. 48]. Ситуация изменилась во второй половине XIX в., когда был снят запрет на производство и продажу медных икон и складней, это привело к бурному росту отрасли и появлению большого количества литейных мастерских [Там же, с. 50].

Кроме медных образков в одном детском погребении обнаружена бумажная икона Тихвинской Божьей Матери, поставленная в изголовье внутри гроба. Широкое распространение подобные предметы получили во второй половине XIX в. [Тарасов, 1995, с. 253–254].

Интересна находка в одной из могил фрагмента бумаги с изображением купола храма, обрамленного растительным орнаментом. Предмет находился между челюстей (во рту) скелета.

В одном случае на черепе погребенного обнаружен след от бумажного венчика с надписью «Спаси и Сохрани». Эти изделия стали широко внедряться в погребальную практику только после указов Святейшего Синода 1870–1871 гг. [Воробьев-Исаев, 2008, с. 196].

Обращаясь к погребальному костюму, можно сделать вывод, что специальную одежду для погребения изготавливали редко. Зафиксировано три случая использования савана, все в детских погребениях. В двух случаях (в одной детской и одной взрослой могилах) лицо покойного было накрыто тканью. При этом обнаружены фрагменты одежды, которую можно отнести к праздничной: шелковый платок в одном из взрослых женских погребений, брюки из плотной ткани во взрослом мужском погребении, в 20 захоронениях найдены пластмассовые пуговицы от мужских и женских рубаш. В четырех – кожаные чирки – традиционная погребальная обувь русского населения Омского Прииртышья в XVII–XVIII вв. [Богомолов, Тауорова, 2014].

В семи взрослых женских захоронениях на черепе сохранились волосы, собранные в прическу – две косы, заплетенные с боков и уложенные «корзиночкой». Подобная форма погреб-

³ URL: <http://www.plyos.org/stat/ples-sb-1993-25.html> (дата обращения 22.03.2022).

бальных причесок известна как в погребальном обряде XVII–XVIII вв., так и по результатам этнографических наблюдений [Татаурова, 2010, с. 182, рис. 56].

Заключение

Изучение основных элементов структуры русского погребального обряда в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. долгое время считалось задачей этнографов, а не археологов. Однако, несмотря на этнографические исследования трех последних десятилетий, «проблематика традиционных форм погребально-поминальной обрядности русских Западной Сибири в настоящее время остается относительно слабо изученной» [Межевикин, 2019, с. 274].

По материалам некрополя Евгацино IV прослежены основные элементы структуры погребального обряда конца XIX – начала XX в. Омского Прииртышья. Как и на более ранних памятниках, кладбище устраивалось на огороженном месте близ поселения, плотность захоронений могильного поля очень высока. Детские погребения в основном неглубокие в отличие от взрослых. Ориентация З–В для могил и умерших соблюдалась нестрого. Зафиксирована равнозначность использования гробов и колод. Случаи выстилания дна гроба или его части стружкой или опилками единичны.

Погребальный инвентарь разнообразен, ключевое место в нем занимают керамические сосуды. Вероятно, их наличие в могилах является отголоском древнейшего обряда тризны, распространенного у всех восточных славян. Значительная часть сосудов высокого качества производства, со следами бытового использования, лишь десяток предметов низкого качества: банки и переходные формы от горшка к крынке, которые могут являться специальной погребальной посудой. Косвенно это подтверждается изображениями крестов на некоторых из них.

Коллекция нательных крестов, собранных на памятнике, отражает процесс перехода от «старобрядческих» форм культового литья к штампованным изделиям невысокого в целом качества, что является немаловажным хронологическим маркером эволюции данного элемента православной религии как таковой. Сюда же можно отнести появление в погребальном обряде печатных бумажных икон, венчиков и т. п. При этом одновременное использование меднолитых образков в качестве предметов личного благочестия позволяет говорить о длительном сохранении некоторых «старобрядческих» черт в повседневной религиозной практике, проникновении их в среду всех русских православных. В качестве погребального костюма использовалась «праздничная» одежда, наличие савана и специальной погребальной обуви встречается редко. Стоит отметить сохранение форм женских погребальных причесок на некрополях Омского Прииртышья.

Материалы проведенных исследований пополняют базу данных по погребальному обряду русских Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в., и позволят выстроить хронологическую шкалу его изменения от времени прихода русских в регион и до современности.

Список литературы

- Балюнов И. В., Данилов П. Г.** Археологи открывают тайны Софийского собора // Наследие Тюменской области. 2013. № 1 (3). С. 50–53.
- Бердников И. М.** Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. тр. Омск, 2011. С. 275–282.
- Бердников И. М.** Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012а. Т. 11, № 7. С. 164–178.
- Бердников И. М.** Нательные кресты, иконы и образки из раскопок Крестовоздвиженского некрополя (г. Иркутск) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2012б. № 1 (1). С. 138–165.

- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 274 с.
- Богомолов В. Б., Татаурова Л. В.** Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. тр. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 2. С. 7–18.
- Воробьев А. А.** Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археолого-этнографического изучения // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 506–508.
- Воробьев-Исаев А. А.** Духовная сторона православного обряда погребения по археологическим источникам // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. Омск, 2008. С. 192–201.
- Воробьев-Исаев А. А.** Погребальные памятники российского освоения верхнеобского региона XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. Т. 2. 94 с.
- Генинг В. Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–135.
- Гнутова С. В.** Медная мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование) // Русское медное литье: Сб. ст. М., 1993. Вып. 1. С. 7–20.
- Зайцева Е. А., Кениг А. В.** Погребальная обрядность русского старожильского населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 2. С. 23–27.
- Коваль В. Ю.** Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII вв.) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмоскovie: Материалы науч. семинара. М., 2014. Вып. 10. С. 489–572.
- Кремлева И. А.** Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1999. С. 517–533.
- Кромм И. Д., Бердников И. М.** Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестник Ом. гос. ун-та. 2012. № 4. С. 222–226.
- Мамонтова О. С.** Керамика как элемент похоронного обряда русского населения Алтая XIX – первой четверти XX в. // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2012. № 362. С. 91–92.
- Межевикин И. В.** Источники по изучению динамики погребально-поминальной обрядности русских Западной Сибири // Вестник Ом. гос. ун-та. Серия: Исторические науки. 2019. № 4 (24). С. 271–281.
- Молодин В. И.** Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: Инфолио, 2007. 248 с.
- Панова Т. Д.** Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 181 с.
- Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2002. Т. 5. 751 с.
- Савина Л. Н.** К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX – начале XX века // Русское медное литье: Сб. ст. М., 1993. Вып. 1. С. 48–55.
- Сауков Г. Н., Мергенева К. Н.** Фаянсовая посуда уральских производителей XIX – начала XX века из Раскопа городской усадьбы (Курган, ул. Куйбышева, 21): информационные возможности вещественного источника // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: Сб. ст. / Под ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Масложенко. М., 2020. С. 273–290.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 584 с.; 2004. Т. 3. 689 с.
- Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск: Сов. Сибирь, 1928. Т. 1: Округа Западной Сибири. 824 с.

- Тарасов О. Ю.** Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс-культура, 1995. 498 с.
- Татауров Ф. С.** Русские погребальные комплексы Западной Сибири XVII – первой половины XIX в. как источник для реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2018. № 56. С. 151–157. DOI 10.17223/1998-8613/56/20
- Татаурова Л. В.** Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк I. Омск: Апельсин, 2010. 284 с.
- Ширин Ю. В.** Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омский филиал РГТЭУ, 2011. С. 416–422.
- Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ. Омск: Наука, 2016. 294 с.

References

- Balyunov I. V., Danilov P. G.** Arkheologi otkryvayut tainy Sofiiskogo sobora [Archaeologists discover the secrets of St. Sophia Cathedral]. *Nasledie Tyumenskoi oblasti [The legacy of the Tyumen region]*, 2013, no. 1 (3), pp. 50–53. (in Russ.)
- Berdnikov I. M.** Nekropoli Irkutsk XVIII–XIX vv. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Necropolis of Irkutsk 18th – 19th centuries. Results of archaeological research]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Culture of Russian in archaeological research]. A collection of scientific papers.* Omsk, 2011, pp. 275–282. (in Russ.)
- Berdnikov I. M.** Kresty-tel'niki iz raskopok nekropolya Spasskoi tserkvi goroda Irkutsk [Crosses from the excavations of the necropolis of the Church of the Savior in Irkutsk]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, no. 7, pp. 164–178. (in Russ.)
- Berdnikov I. M.** Natel'nye kresty, ikony i obrazki iz raskopok Krestovozdvizhenskogo nekropolya (g. Irkutsk) [Pectoral crosses, Icons, and Miniature Icons from Excavations at Krestovozdvizhensky Necropolis (Irkutsk)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Herald of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]*, 2012, no. 1 (1), pp. 138–165. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy [The Pottery-Making of Eastern Europe]. Moscow, Nauka, 1978, 274 p. (in Russ.)
- Bogomolov V. B., Tataurova L. V.** Pogrebal'naya kozhanaya obuv' russkikh Omskogo Priirtysh'ya XVII–XVIII vv. [Funeral leather shoes of Russians of the Omsk Irtysh region of the 17th – 18th centuries]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Culture of Russian in archaeological research]. A collection of scientific papers.* Omsk, Tyumen, Ekaterinburg, Magellan Publ., 2014, vol. 2, pp. 7–18. (in Russ.)
- Ehtnografo-arkheologicheskie komplekсы narodov Tarskogo Priirtysh'ya: mogily, mogil'niki, pogrebal'nyi obryad i mir mertvykh v svete etnoarkheologicheskikh rabot [Ethnographic and archaeological complexes of the peoples of the Tarsky Irtysh region: graves, burial grounds, funeral rite and the world of the dead in the light of ethnoarchaeological works]. Omsk, Nauka, 2016, 294 p. (in Russ.)
- Gening V. F.** Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [Program of statistical processing of ceramics from archaeological excavations]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1973, no. 1, pp. 114–135. (in Russ.)
- Gnutova S. V.** Mednaya melkaya plastika Drevnei Rusi (tipologiya i bytovanie) [Copper fine plastic of Ancient Russia (typology and existence)]. In: *Russkoe mednoe lit'e [Russian copper casting]. A collection of scientific papers.* Moscow, 1993, vol. 1, pp. 7–20. (in Russ.)
- Koval V. Yu.** Pervichnaya statisticheskaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala na pamyatnikakh ehpokhi Srednevekov'ya (X–XVII vv.) i rannego zheleznogo veka lesnoi zony

- Vostochnoi Evropy (metodicheskie rekomendatsii) [Primary statistical fixation of mass ceramic material on monuments of the Middle Ages (10th – 17th centuries) and early Iron Age of the forest zone of Eastern Europe (methodological recommendations)]. In: *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archeology of the Moscow region]. A collection of scientific papers. Moscow, 2014, vol. 10, pp. 489–572. (in Russ.)
- Kremleva I. A.** Pokhoronno-pominal'nye obychai i obryady [Funeral and memorial customs and rituals]. In: *Russkie* [Russians]. Moscow, Nauka, 1999, pp. 517–533. (in Russ.)
- Kromm I. D., Berdnikov I. M.** Vyyavlenie vozmozhnosti datirovaniya stavrograficheskoi kolleksitsii Omskogo Priirtysh'ya metodom sravnitel'nogo analiza s materialami iz nekropolei g. Irkutsk [Identification of the possibility of dating the stavrographic collection of the Omsk-Irtysh region by comparative analysis with materials from the necropolises of Irkutsk]. *Vestnik Omskogo universiteta* [*Herald of Omsk State University*], 2012, no. 4, pp. 222–226. (in Russ.)
- Mamontova O. S.** Keramika kak element pokhoronnogo obryada russkogo naseleniya Altaya XIX – pervoi chetverti XX v. [Ceramics as an element of the funeral rite of the Russian population of Altai in the 19th – first quarter of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [*Herald of Tomsk State University. History*], 2012, no. 362, pp. 91–92. (in Russ.)
- Mezhevikin I. V.** Sources of studying the dynamics of funeral and memorial rites of the Russians of Western Siberia]. *Herald of Omsk State University. Series: Historical Sciences*, 2019, no. 4 (24), pp. 271–281. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga [Pectoral crosses of the Ilimsky ostrog]. Novosibirsk, Infolio Publ., 2007, 248 p. (in Russ.)
- Panova T. D.** The death realm. Medieval Russia Funeral rite of the 11th –16th centuries. Moscow, Radunitsa, 2004, 181 p. (in Russ.)
- Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2002, vol. 5, 751 p. (in Russ.)
- Saukov G. N., Mergeneva K. N.** Fayansovaya posuda ural'skikh proizvoditelei XIX – nachala XX veka iz Raskopa gorodskoi usad'by (Kurgan, ul. Kuibysheva, 21): informatsionnye vozmozhnosti veshchestvennogo istochnika [Faience tableware of Ural manufacturers of the 19th – early 20th century from the Excavation of the city estate (Kurgan, Kuibyshev Str., 21): information capabilities of a material source]. In: Bondarenko D. M., Maslozhenko D. N. (eds.). *Rol' veshchestvennykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki* [The role of material sources in the information support of historical science]. Moscow, 2020, pp. 273–290. (in Russ.)
- Savina L. N.** K istorii proizvodstva i bytovaniya mednogo khudozhestvennogo lit'ya v XIX – nachale XX veka [On the history of production and existence of copper art casting in the 19th – early 20th century]. In: *Russkoe mednoe lit'e* [Russian copper casting]. A collection of scientific papers. Moscow, 1993, vol. 1, pp. 48–55. (in Russ.)
- Shirin Yu. V.** Pogrebal'nyi obryad khristianskikh kladbishch Pritom'ya XVII–XVIII vv. [The funeral rite of the Christian cemeteries of the Tom' river 17th – 18th centuries]. In: *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russian in archaeological research]. A collection of scientific papers. Omsk, Omskii filial RGTEHU Publ., 2011, pp. 416–422. (in Russ.)
- Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995, vol. 1, 584 p.; 2004, vol. 3, 689 p. (in Russ.)
- Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraja [List of populated places in the Siberian Region]. Novosibirsk, Sovetskaya Sibir' Publ., 1928, vol. 1: Districts of Western Siberia, 824 p. (in Russ.)
- Tarasov O. Yu.** Ikona i blagochestie: ocherki ikonogo dela v imperatorskoi Rossii [Icon and Piety: Essays on Icon Art in Imperial Russia]. Moscow, Progress-kul'tura Publ., 1995, 498 p. (in Russ.)

- Tataurov F. S.** Russian burial complexes of Western Siberia of the 17th – first half of the 19th century as a source of the reconstruction the socio-cultural image of the Russian Siberian. *Herald of Tomsk University*, 2018, no. 56, pp. 151–157. (in Russ.) DOI 10.17223/19988613/56/20
- Tataurova L. V.** Pogrebal'nyi obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. po materialam kompleksa Izyuk I [Funeral rite of Russians of the Middle Irtysh region of the 17th – 19th centuries based on the materials of the Izyuk I complex]. Omsk, Apel'sin Publ., 2010, 284 p. (in Russ.)
- Vorobiev A. A.** Sosudy s uglyami iz russkikh pogrebenii Verkhnego Priob'ya i Baraby kak ob'ekt arkhologo-etnograficheskogo izucheniya [Vessels with coals from the Russian burials of the Upper Ob and Baraba as an object of archaeological and ethnographic study]. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Azii: itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletii* [Historical and cultural heritage of North Asia: results and prospects of studying at the turn of the millennium]. Barnaul, Altai State Uni. Press, 2001, pp. 506–508. (in Russ.)
- Vorobiev-Isaev A. A.** Dukhovnaya storona pravoslavnogo obryada pogrebeniya po arkhologicheskim istochnikam [The spiritual side of the Orthodox burial rite according to archaeological sources]. In: *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russian in archaeological research]. A collection of scientific papers. Omsk, 2008, pp. 192–201. (in Russ.)
- Vorobiev-Isaev A. A.** Pogrebal'nye pamyatniki rossiiskogo osvoeniya verkhneobskogo regiona XIX – nachala XX v. [Funerary monuments of the Russian development of the Upper Ob region of the 19th – early 20th century]. Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2006, vol 2, 94 p. (in Russ.)
- Zaitseva E. A., Kenig A. V.** Pogrebal'naya obryadnost' russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Nizhnego Priirtysh'ya XVIII–XIX vv. (po materialam raskopok mogil'nika Gornopravdinskii) [Funeral rites of the Russian old-timers of the Lower Irtysh region of the 18th – 19th centuries. (based on the materials of the excavations of the Gornopravdinsky burial ground)]. In: *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russian in archaeological research]. A collection of scientific papers. Omsk, Tyumen, Ekaterinburg, Magellan Publ., 2014, vol. 2, pp. 23–27. (in Russ.)

Информация об авторах

- Филипп Сергеевич Татауров**, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57931337900
- Кристина Олеговна Сопова**, инженер-исследователь
Scopus Author ID 57221564842
WoS Researcher ID ABC-3939-2020

Information about the Authors

- Philip S. Tataurov**, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57931337900
- Kristina O. Sopova**, Laboratory Assistant
Scopus Author ID 57221564842
WoS Researcher ID ABC-3939-2020

*Статья поступила в редакцию 26.03.2022;
одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 14.06.2022
The article was submitted on 26.03.2022;
approved after reviewing on 30.04.2022; accepted for publication on 14.06.2022*

Научная статья

УДК 397 + 398

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-140-154

Конь в свадебной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века)

Венарий Алексеевич Бурнаков

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
venariy@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Аннотация

Впервые представлена характеристика коня / лошади, как ключевого объекта, задействованного в свадебной обрядности хакасов. Исследование базируется на историко-этнографических, фольклорных источниках и данных хакасского языка. Используемые в работе фольклорные материалы – отрывки из героических сказаний (*алыптыг ныхахтар*) в авторском переводе на русский язык и архивные этнографические сведения публикуются впервые.

В работе дан анализ места и роль коня в фольклоре, соционормативной и ритуальной практике, связанных с брачной традицией хакасов. В ходе изучения данного вопроса автор приходит к выводу о том, что конь и его образ играли одну из главных ролей в свадебном обряде народа, что обусловлено рациональным и иррациональными значениями. С утилитарной точки зрения лошадь являлась незаменимым и ключевым транспортным средством, эквивалентом материальной ценности, показателем социального положения владельца и, наконец, одним из источников мясной пищи. В религиозно-мифологическом значении конь был тесно связан с миром духов и божеств, мыслился продолжением человека и мог использоваться в качестве символической замены души человека – *пас ат*. Образ коня устойчиво ассоциировался с идеей витальности и плодородия, наделяясь апотропейными свойствами. Это способствовало активному вовлечению его в дарообменные процессы как внутри человеческого коллектива, так и во взаимоотношениях с потусторонним миром и его обитателями.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Ключевые слова

хакасы, традиционная культура, свадьба, умыкание, обрядность, конь, образ, символ, дарообмен

Для цитирования

Бурнаков В. А. Конь в свадебной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 140–154. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-140-154

© Бурнаков В. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 140–154

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 140–154

The Horse in the Wedding Ceremony of the Khakass (Late 19th – Mid 20th Century)

Venariy A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
venariy@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Abstract

Purpose. The purpose of the article is to present the characteristics of the horse as a key object in the wedding tradition of Khakass.

The chronological framework of the work covers the late 19th – mid 20th centuries. The choice of such time limits is determined by the state of the source base on the research topic. The principle when any cultural phenomenon is considered in development and taking into account a specific situation, the principle of historicism, is leading in the study. The research methodology is based on historical and ethnographic methods: remnants (relic) and semantic analysis.

Results. In the traditional Khakass culture, the horse and its image play an important role. This animal was extremely in demand due to its utilitarian and sacred significance. In practical terms, it was perceived as the main means of transport and an affordable source of meat. In religious and mythological terms, it acted as a symbolic projection – a “replacement” of the human soul, which had a close connection with the world of ancestors and deities. The image of the horse was steadily associated with the idea of vitality and fertility, being endowed with apotropaic properties. All this naturally contributed to its inclusion in the wedding ceremony.

One of the main components of the marriage ritual was the mutual gift exchange. The horse was one of the key objects of it. This animal was an indispensable element of the *kalym* and all the gifts replacing it, as well as the bride's dowry and the groom's share. At the same time, the gift horse was a kind of pledge and a symbol of the conclusion of an unwritten marriage contract. The possession of a horse and the presence of expensive decorative elements in its ammunition not only emphasized its aesthetic preferences, but also served as a marker of the social status and prestige of the horse owner. This norm was observed in the wedding procession.

Conclusion. The role of the horse in the ritual and socionormative practice associated with marriage is one of the components of the multifaceted image of this animal in the Khakass culture. Such a wide functionality of the horse people's lives obviously may indicate the nomadic roots of the phenomenon of horse veneration.

Keywords

Khakass, traditional culture, wedding, stealing, ritual, horse, image, symbol, gift exchange

Acknowledgements

The work was carried out under the project no. FWZG-2022-0001 “Ethno-cultural Diversity and Social Processes in Siberia and the Far East in the 17th – 20th Centuries”

For citation

Burnakov V. A. The Horse in the Wedding Ceremony of the Khakass (Late 19th – Mid 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 140–154. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-140-154

Введение

Свадебная обрядность является одним из ключевых элементов традиционной культуры каждого народа и включает в себя представления и действия символического, религиозно-магического и игрового характера. Она имеет неотъемлемую связь с материальной культурой, в частности с такими компонентами, как одежда, украшения, жилище, пища, средства передвижения и пр. Сам процесс бракосочетания образует целый комплекс социальных и правовых норм, связанных с имущественными и семейными отношениями. В настоящее время в связи с трансформацией социокультурных процессов, происходящих как в мире, так и в российском обществе, меняются многие элементы традиционной культуры этносов, в результате которых исчезают ее составляющие и формируются новые. Происходит переосмысление и утрата многих традиционных представлений и обычаев. Процесс этот непрерывен, но, несмотря на происходящие перемены, традиционные обряды и ритуалы, в том числе

и обряды заключения брака, остаются востребованными в современном обществе. Данные реалии свидетельствуют об актуальности исследования представленной темы.

Коренные народы Сибири, в том числе и хакасы, испокон веков занимаются скотоводством. Оно является основой их благосостояния и одним из ключевых элементов жизнеобеспечения. Данный факт, безусловно, способствовал позитивному восприятию домашнего скота в сознании народа и его использованию в традиционной обрядности. Одним из наиболее значимых животных для хакасов является конь. Он имеет утилитарное и символическое значение и в повседневном быту, и в обрядовой сфере, в том числе и в процессе заключения брачного союза. Это животное наряду с другими домашними животными служило в качестве одного из ключевых источников мясной пищи к праздничному столу. Как и в обыденной жизни, на протяжении всего свадебного цикла – во время сватовства, свадьбы и постсвадебных акций, лошадь выступала главным транспортным средством и тягловой силой. При этом ее значение в этой сфере не ограничивалось сугубо практическими и хозяйственными целями. В религиозно-мифологическом сознании хакасов конь обладает обширным семантическим полем. Его образ наделяется сакральными свойствами, в том числе связанными с представлением о душе человека, плодородии, продуцирующей и апотропейной магии и пр. Рассматриваемое животное выступает в качестве ключевого средства дарообмена между представителями брачующихся сторон. К сожалению, в этнографии вопросы, связанные с изучением роли и места коня в свадебной обрядности хакасов, прежде не становились предметом специального исследования.

Целью данной статьи является определение места и роли коня / лошади (хак. *ат*) в свадебной обрядности хакасов.

Свадьба является одним из основных этапов жизненного цикла человека. В этнографии указанное культурное явление принято классифицировать как обряд перехода из-за изменения социально-возрастного и семиотического статуса брачующихся лиц. Немаловажная роль в этом процессе отводилась коню. Посредством этого животного во многом и осуществлялся соответствующий переход, причем как в буквальном, так и переносном значении этого слова. Благодаря коню происходило не только пространственное перемещение жениха и невесты, но и менялся их социальный и ритуально-знаковый статус. Так, именно на лошади в специальном праздничном убранстве приезжали свататься и договариваться о брачном союзе. Традиционная практика карамчения, или умыкания, девушки (хак. *хыс тутханы*), а также погоня за похищенной были бы невозможны без быстроходных скакунов. Отъезд невесты с женихом из родительского дома осуществлялся исключительно на коне. Собственно, и сам свадебный поезд состоял из празднично украшенных лошадей, обладающих лучшими ездовыми качествами. Вдобавок к этому, конь связывал не только семьи и роды, но и выступал в роли медиатора между миром людей и духов.

‘Брак по чести’ – Чаксыдаң алысханы

В XIX в. и в последующее время среди хакасов бытовали различные способы заключения брака. Одним из распространенных способов было сватовство малолетних детей *чаксыдаң алысханы* – ‘брак по чести’ или *саблыг той* – ‘свадьба по чести’ [Бутанаев, 1996, с. 144]. В этнографической литературе представлены довольно лаконичные и весьма разрозненные сведения о данной соционормативной практике хакасов. Укажем и на то, что в работах, касающихся этой темы, совершенно отсутствует описание мировоззренческих оснований этого культурного явления. Попытаемся заполнить образовавшуюся лакуну.

Одним из первых, кто письменно зафиксировал указанную практику брачных отношений у хакасов, был исследователь Сибири Г. И. Спасский. Ученый отмечал, что «часто отцы и матери обручают обою пола детей в таком возрасте, когда они не имеют понятия не только о любви, но даже и о себе самих» [Спасский, 1818, с. 12]. Несколько десятилетий спустя на широкое бытование обозначенной традиции у рассматриваемого народа обратил внимание А. А. Кропоткин. Он писал о том, что «когда сватовство имеет такой характер, то оно

порою начинается с пеленок. Родители сами выбирают будущему жениху невесту, эта невеста, обыкновенно, бывает гораздо старше жениха» [Кропоткин, 1895, с. 34]. К изложенному следует добавить то, что в культуре хакасов было принято договариваться о будущем брачном союзе не только младенцев, но даже еще и нерожденных детей. Данный акт назывался *туюх худа* – ‘глухое сватовство’, а сами свахи именовались *пил худагай* – ‘поясничная сваха’ [Бутанаев, 1996, с. 144], так как полагали, что их нерожденные дети в это время якобы находятся у них на пояснице. Указанная практика чаще встречалась среди людей, хорошо знающих друг друга и имеющих близкие дружеские отношения. В честь указанного события устраивалось пиршество. Само обсуждение данного вопроса, как и последующие встречи будущих родственников, обычно сопровождалось обильным употреблением спиртных напитков, поэтому просватанные таким образом младенцы, в народе иносказательно обозначались как *ičirtken* – ‘букв. пропитые, т. е. помолвленные’ (ХРС, 2006, с. 149). Н. С. Тенешев по этому поводу писал: «Некоторые люди сватали даже неродившихся детей, и при этом пили араку, привезенную родителями жениха <...> При сватании неродившихся детей дело обстоит так. Хорошие дружные соседи-односельчане или семьи из разных улусов во время выпивки вели разговор – если у одних родится сын, а у других дочь, то, когда они вырастут, их надо поженить»¹.

Основной причиной заключения брака подобным способом выступает глубокая взаимная симпатия, обоюдное стремление поддержать и упрочить близкие дружеские связи между родителями сосватанных детей, обладавших равным социальным статусом и материальным достатком и, самое главное, сохранить материальное благосостояние. Вместе с тем имела место и иная мотивация, основанная на традиционных воззрениях хакасов о потустороннем мире и его обитателях, исходя из чего формировались способы взаимодействия со сверхъестественной силой и применялись магические манипуляции, направленные на сохранение жизни детей. Одним из проявлений этой реалии был обычай *туюх худа* – ‘глухое сватовство’.

Распространенным негативным явлением в жизни хакасов в рассматриваемом периоде была высокая детская смертность. Как известно, ее основными причинами были: неразвитость системы здравоохранения и, как следствие, отсутствие квалифицированной медицинской помощи и родовспоможения; непростые санитарные условия быта, несоблюдение людьми элементарных гигиенических требований, низкая грамотность населения и пр. Вместе с тем любая болезнь, особенно протекающая в тяжелой форме, а также безвременная смерть человека воспринимались хакасами сквозь призму их религиозно-мифологических воззрений и традиционных убеждений.

Обозначенный негативный фактор в народе объяснялся вредоносным воздействием на человека сверхъестественных сил, с которыми он соприкасался в быту. Было принято считать, что для решения имеющейся проблемы требовалось лишь высвободить человека из-под влияния зловредных духов и по возможности избавиться от них. Данный акт обычно осуществлялся посредством шаманского камлания. В случае неудачного результата этой акции всё же не оставляли попыток добиться получения благорасположения вредоносных существ путем их задабривания и регулярного почитания. Наряду с этим одной из действенных мер по устранению неблагоприятных факторов в жизни людей, как полагали, было обращение к прибежищу небесных духов-защитников – *тигірлер*, выступавших в роли своеобразных ангелов-хранителей.

Среди хакасов, в чьих семьях часто умирали младенцы, была распространена практика сватанья именно к тем удачливым родителям, чьи дети были здоровы и благополучно росли. Причем эта норма распространялась как на рожденных, так и на еще не рожденных детей. Верили, что счастливые многодетные семьи находятся под покровительством светлых небесных сил – *тигірлер*. При этом считалось, что просватанный ребенок априори подпадает

¹ АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. Л. 18–19.

под их мистическую защиту и помощь и, как результат, будет долго и хорошо жить. Хакасы по этому поводу сообщали: «Если супруги не могут вырастить мальчика, т. е. наследника, то они сватали девочку у супруг другого рода, дети которых благополучно и хорошо растут. Если высватать девочку из такой семьи, то ее духи-покровители, т. е. “тигірлер”, с этого дня будут охранять душу будущего ее жениха, точно так же, как и ее душу»². Аналогичным же образом поступали и родители дочерей, в чьих семьях наблюдалась высокая детская смертность. Они были убеждены, что данный акт поможет девочке сохранить жизнь и обеспечить ей благополучие в будущем: «В малолетстве просватанная девочка растет благополучно. Она здорова. С этого времени девочку охраняют и защищают духи-покровители, т. е. “тигірлер” высватавшего ее мальчика. Духи-покровители не допускают к ней злых и коварных духов, обитающих в ее дворе»³.

В ситуации, когда сосватанные подобным способом дети (или один из них) появлялись на свет, и выяснялось, что будущие «жених или невеста» были одного пола, договор естественным образом терял свою силу. Вместе с тем две стороны неудавшегося брачного союза совершали обмен конями [Бутанаев, 1996, с. 144]. Надо полагать, что данный акт воспринимался не просто как обоюдный и весьма значимый дружеский жест несостоявшихся родственников. У хакасов, как уже отмечалось, лошади были одними из самых ценных домашних животных. Они воспринимались как хранители благодати и удачи своих хозяев и имели тесную связь с высшим миром. В связи с этим подобный дарообмен для брачующихся сторон являлся знаком высокого доверия друг другу. Это был своего рода обмен сакральными семейными объектами. Во многом он был направлен на то, чтобы просватанный новорожденный ребенок, несмотря ни на что, оставался под защитой небесных охранителей – *тигірлер*, позволяющей сохранить его жизнь. В традиционном сознании хакасов конь как существо, обладающее сакральной природой и имеющее непосредственное отношение к небу, в этом дарообменном процессе играл ключевую роль, поэтому совершенно не случайно, что в процессе «глухого сватовства» в качестве дара сваты обязательно привозили мясо молодого коня. При этом они обращались к родителям будущей невесты со следующей речью:

Раскрыв швы своей головы, мы пришли, чтобы обменяться мозгами,
Вспоров кости грудной клетки, мы пришли, чтобы обменяться сердцами!
Будете ли вкушать мясо молодого коня?
Будете ли слушать удивительные речи?
Будете ли вкушать мясо жеребенка?
Будете ли слушать сватовскую речь?
[Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 224–225].

При рождении запланированных разнополых детей все мероприятия, связанные со сватовством, продолжались вплоть до их совершеннолетия – 16–17-летнего возраста. Главным образом, это выражалось в том, что сторона жениха должна была до самой свадьбы регулярно, дважды в год (весной и осенью), приезжать к родителям суженой с подарками – *арчы* [Бутанаев, 1996, с. 144] в виде алкогольных напитков, продуктов питания, в том числе мяса, и др. Г. И. Спасский в этой связи отмечал: «Когда жених и невеста с малолетства один для другого назначены, то по пришествии их в возмужалость, за три года до брачного времени, жених по два раза в каждый год должен привозить невесте дары, или арчу, которая состоит из разных съестных припасов и вещей; некоторые сверх того платят за невесту отцу ее выкуп, или калым, состоящий из лошадей и рогатого скота. Как арча, так и калым соразмерны бывают состоянию жениха и красоте невесты» [1818, с. 12–13]. Как видно из представленного текста, в числе прочих предсвадебных даров обязательно была и лошадь. Она была чрезвычайно ценным подарком и имела высокий знаковый статус. На данный факт обратил внимание А. А. Кропоткин. Исследователь, описывая данный процесс, указал на важную ритуальную роль коня в нем: «У богатых сватовство продолжается по несколько лет. Такие ро-

² АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. Л. 18.

³ Там же.

дители обязуются навещать друг друга, угощать, делать друг другу разные подарки. Подарок коня имеет особенное обрядовое значение» [Кропоткин, 1895, с. 34].

Завершающая официальная поездка перед свадьбой, называлась в народе *улуҕ арага* – ‘большое вино’ или *нас аттыг арага* – ‘вино в честь получения лошади – *нас ат*’. Само наименование этого мероприятия свидетельствует о том, что оно сопровождалось богатым застольем и обильным потреблением хмельных напитков. Главным дарственным подношением сватов был *нас ат* – ‘букв. лошадь за голову (т. е. за невесту)’. Конь был без седла, но в серебряной уздечке. Жених должен был лично вручить его будущему тестю. В эту встречу стороны обсуждали ключевые вопросы, связанные со свадьбой, в том числе определяли дату приезда за невестой и пр. [Патачаков, 1958, с. 80; Бутанаев, 1996, с. 146]. Следует обратить внимание на специфическое обозначение дарственного коня – *нас ат*, ярко подчеркивающее его дарообменную функцию. Заметим, что подобное наименование не случайно. В культуре хакасов лошадь, наряду с другими животными, часто являлась символической заменой души человека, т. е. в нашем случае – самой невесты. В связи с этим в традиционном сознании народа указанный дарообменный акт осмыслялся в качестве своеобразной возмездительной жертвы для семьи / рода за потерю их члена. Известным и широко распространенным для многих народов является представление о том, что в традиционной свадебной обрядности невеста условно считалась «умершей» для своего рода. Данное воззрение основывалось на факте того, что в процессе брачного союза девушка навсегда оставляла свой род и безвозвратно переходила в чужой.

Немаловажная транспортная и символическая роль лошадей отмечается и в такой предсвадебной акции, как *теенчек* – ‘девичник’. Ее суть заключалась в том, что группа девушек и юношей отправлялась верхом на конях к родственникам невесты. Их радушно принимали, угощали и дарили будущим молодоженам подарки к свадьбе. После этого молодежь возвращалась с дарами в родительский дом просватанной девушки. Вечером проводили *хыс тойы* – ‘девичий праздник’. Утром со стороны жениха приезжала делегация во главе со свахой. Все были верхом на украшенных лошадях. Везли с собой продукты и вино. Выезд невесты из родительского дома на свадьбу также осуществлялся верхом на коне. При этом он шел шагом. Ее старшая сестра или иная родственница вела коня в поводу [Бутанаев, 1996, с. 146].

Таким образом, в традиционной обрядности сватовства нерожденных или малолетних детей – *чахсыдаң алысханы* – ‘брак по чести’, большое значение имел дарообмен. Среди всех подарков особое место занимал конь. Его роль как транспортного средства в свадебной обрядности была весомой. Важная ритуальная роль этого животного отмечается и в других способах заключения брака у хакасов, в частности путем похищения девушки.

‘Брак путем умыкания / карамчения’ – *Хыс тутханы*

Наиболее распространенной формой заключения брака у хакасов в указанном периоде было карамчение – кража невесты, или брак умыканием с дальнейшей уплатой калыма. Само наименование этого обычая указывает на то, что в своей основе он был направлен на похищение девушки, достигшей брачного возраста, для последующей женитьбы на ней. Следует отметить, что практика карамчения невесты подразделяется на два основных вида: 1) при согласии невесты, а нередко еще и при предварительной договоренности с ее родителями; 2) без согласия девушки и вопреки воле ее родителей.

Умыкание девушки при ее согласии и с одобрения родителей являлось формализованным, а нередко в своей сути еще и театрализованным способом заключения брака в рамках указанной народной традиции. Соответствующее нормативное поведение всех участников этого процесса шло в русле заданной программы рассматриваемого обычая.

Похищение невесты без ее согласия определялось различными социальными и психологическими мотивациями: 1) стремление уменьшить размер калыма или замещающих его даров родителям невесты; 2) исключение вероятного отказа от брака со стороны девушки и ее семьи; 3) как способ, позволяющий обойти некоторые традиционные нормы и запреты.

В частности, в случае умыкания младшей дочери ей позволялось выйти замуж раньше старшей, что было невозможно в обычных условиях; 4) желание, во что бы то ни стало заполучить понравившуюся девушку и продемонстрировать людям свою молодецкую удачу, ловкость и пр.

Процесс похищения невесты был бы невозможен без коней как транспортного средства, позволяющего успешно скрыться от преследования. Для этого отбирались лучшие скакуны. Подтверждением тому служат и этнографические сведения А. А. Кропоткина: «Обыкновенно, лошади у жениха отборные, у догоняющих же всякий сброд; поэтому похитителей нелегко бывает догнать, и они благополучно возвращаются в улус жениха» [1895, с. 34].

Ситуация, когда брак заключался путем увода невесты женихом по ее добровольному согласию, несколько отличалась от той, когда карамчение производилось по иному сценарию. В данном случае осуществить задуманное было гораздо проще. При этом не требовалось привлечения большого количества людей и коней. Исходя из этой брачной практики молодые люди предварительно договаривались о месте и времени умыкания. Обычно за невестой приезжали поздним вечером. Прибыв к назначенному месту, подавали ей какой-либо сигнал. Девушка, восприняв его, одевалась и незаметно выходила на улицу. Ее тут же сажали на верховую лошадь или в тарантас (летом) либо в сани (зимой) и увозили в дом жениха⁴. После умыкания девушки похитители отправляли посыльного к ее родителям. Приехав к их дому, он, не слезая с коня, сообщал им, где находится их дочь. Отец, узнав об этом, формировал команду в двадцать-тридцать человек и отправлялся в погоню – *сүргүн*. При встрече с родственниками жениха выясняли, по своей ли воле девушка оказалась в их доме и согласна ли она выйти замуж. Получив утвердительный ответ, садились за стол переговоров. Решали вопросы, связанные с калымом и датой последующих встреч (*чарас*) и свадьбы [Бутанаев, 1996, с. 147]. В заключительной части переговоров отец невесты и сопровождающие его гонцы, пустившиеся в погоню за украденной девушкой требовали с похитителей специальную плату *ат чобаа* – ‘букв. коня усталость’, т. е. за пробег и утомление лошади из-за преследования (ХРС, 2006, с. 531, 981). Обычно это деньги, спиртные напитки и мясо. Так, в архивных этнографических материалах Н. С. Тенешева об этом сообщается следующее: «По обычаю качинцев, прибывшие в погоню люди за свой труд (т. е. за погоню) от жениха требовали плату деньгами. Даже в настоящее время соблюдается этот обычай. Участвующие в погоне получают примерно по 50 рублей. Кроме того они же получают калым за невесту до второй мировой»⁵.

Помимо калыма участники погони – *сүргүнчилер* могли сразу же потребовать коня – *нас ат* за невесту. В этой связи является уместным привести личные воспоминания хакасов об этой традиции: «Делали мне сразу большую свадьбу (*улуг той*). Через 15 дней после того, как украли. За мной сразу была погоня. Когда они приехали, им отдали лошадь. Они привязали ее к своему коню и уехали (ПМ М. С. Усмановой: Самрина (дев. Тутатчикова) Ольга Алексеевна, 1888 г. р., с. Аршаново)»⁶; «Коня (*нас ат*) брали сразу. Коня выбирали люди из погони. Любого коня, на которого указывал отец невесты, должны были отдать. Его сразу же забирали люди погони и уводили в улус невесты (ПМ М. С. Усмановой: Теляшкина Наталья Сергеевна, 1900 г. р., с. Трошкино)»⁷; «Родители невесты сразу просили *нас ат* за невесту. Могли запросить самого лучшего коня, и родители жениха не могли им в этом отказать (ПМ М. С. Усмановой: Кочилоров Матвей Константинович, 1886 г. р., с. Койбалы)»⁸.

Процесс карамчения девушки без ее согласия требовал привлечения большего числа участников, а также немалых усилий и определенной сноровки с их стороны, а также готовности к физическим испытаниям. Предварительно разрабатывался план по осуществлению этого

⁴ АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ АМАЭС ТГУ. № 682-5. Л. 4.

⁷ Там же. № 818-1. Л. 2.

⁸ Там же. № 682-5. Л. 66.

намерения. Производился отбор лошадей. В конце XIX в. наиболее подробно и ярко описал эту акцию у хакасов И. И. Каратанов: «Невеста непременно должна быть украдена. В назначенный срок жених и несколько человек молодежи, отправляются верхами на лошадях к стойбищу, где живет невеста; сначала шайка укрывается где-либо по близости в буераках или кустарниках; когда же настанет совершенная темнота, некоторые из молодежи, в числе 3 или 4 человек, выбранные не из улуса жениха, а приглашенные нарочно для цели похищения невесты, откуда-либо дальше и не знакомые родителям невесты, заходят в юрту, просят пустить переночевать, остаются в юрте и подкарауливают, когда невеста выйдет на улицу, или же присматривают, где она ляжет спать. С улицы или сонную с постели схватывают ее, заворачивают голову, чтобы не было слышно крику, перекидывают девушку через седло, дав знать жениху и товарищам его свистом, соединяются все вместе и мчатся, что есть духу, в стойбище жениха. Как бы ни было все тайно и тихо сделано, улус весь поднимается на ноги; хватают, какая кому попадется, из лошадей; на тревогу сбегаются из ближних улусов тоже на лошадях, и все, перегоняя друг друга, что есть силы, скачут, догоняя похитителей; догнав, бьют чем попало – захваченными при отъезде на скорую руку палками, оглоблями, камнями и другими первобытными орудиями; иной раз невесту отбивают, но весьма редко, потому что у жениха лошади подобраны самые лучшие, а у догоняющих бывает всякий сброд» [Каратанов, 1884, с. 625].

Девушку в момент умыкания обычно перебрасывали через седло (*уңгер саларга*), чтобы она не могла оказывать активное сопротивление похищению. По этому случаю в народе часто говорили: *Хыстарны тутхыннап, уңерчеңер* – ‘[Раньше] девушек карамчили и увозили на верховой лошади, перебросив через седло’ (ХРС, 2006, с. 753). Описание указанного способа размещения на коне похищаемой девушки встречается и в этнографических описаниях дореволюционных исследователей. Приведем их: «Приехав в улус невесты с родными и знакомыми, жених сейчас после обеда схватывал поперек невесту, бросался на лучшего коня, заранее приготовленного, и как ветер уносился в необозримую степь» [Костров, 1852, с. 45]; «Высмотрев затем, где ляжет невеста, или подкараулив ее как-нибудь, когда она выйдет на улицу, они в благоприятный момент схватывают ее, заворачивают ей голову, перекидывают ее через седло и мчатся в степь, давши свистом сигнал жениху и другим товарищам» [Кропоткин, 1895, с. 34].

Нередко бывало, что родственники девушки заранее знали или догадывались о планируемом умыкании. В целях предотвращения этой акции уже заблаговременно готовились: собирали крепких мужчин и хороших лошадей для погони – *сүргүнчи*, устраивали засады, бдительно следили за девушкой и пр., поэтому в момент карамчения они часто настигали похитителей, избивали их, а невесту увозили обратно [Патачаков, 1958, с. 83].

В ситуации, когда похищение невесты проходило успешно для жениха, алгоритм дальнейших действий, связанных с подготовкой к свадьбе, во многом проходил по аналогии с тем, когда девушку умыкали по ее воле. При ее согласии на брак жених выплачивал калым (хак. *халын*). Он состоял из определенной суммы денежных средств и домашнего скота. При этом среди домашних животных обязательно должны быть лошади [Костров, 1852, с. 43]. Старики-хакасы сообщали об этой традиции следующее: «Если девушка вышла замуж за человека, которого не уважали родители невесты, то требовали большого калыма и много араки и кроме того требовали хорошего коня (пас ат), бегуна, рысака или иноходца»⁹; «Отдал он [жених] моим родителям семь коров и двух коней. Своего бегунца отдал и еще молодого коня отдал. А коровы все были дойные (ПМ М. С. Усмановой: Куругачева Авдотья Филиповна, 1901 г. р., д. Сартычул)»¹⁰; «За невесту платили калым ее родителям. Перед родителями невесты вставали на колени. Калым – 14 лошадей и 15 коров (ПМ М. С. Усмановой: Кушаев Яков Семенович, 1897 г. р., Усть-Парная)»¹¹; «Калым платили деньгами. Если бога-

⁹ АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. Л. 40.

¹⁰ АМАЭС ТГУ. № 678-1. Л. 6.

¹¹ Там же. № 677-4 а. Л. 9.

тые, то давали много овец, корову, коня (ПМ М. С. Усмановой: Аёшин Михаил Трофимович, 1898 г. р., с. Трошкино)¹²; «Отец девушки просит выкуп – коня (жеребца) и деньги (1–2 тыс. руб.) (ПМ М. С. Усмановой: Аршанов Александр Максимович, 1916 г. р., с. Аршаново)¹³; «Родители жениха идут с вином. В мое время калым скотом брали, а раньше брали за невесту 500–600 рублей денег, коня и корову. Деньги и корову брали позднее. Можно было взять во время свадьбы (ПМ М. С. Усмановой: Теляшкина Наталья Сергеевна, 1900 г. р., с. Трошкино)¹⁴.

Помимо назначенного калыма, как уже отмечено, родителям невесты требовалось еще подарить коня – *нас ат*, выступавшего в роли своеобразной заместительной жертвы за невесту. Наряду с этим принятие такого коня стороной невесты символизировал собой окончательное закрепление брачного сговора. С этого момента девушка безоговорочно переходит в статус сосватанной невесты. Согласно соционормативной практике хакасов, после этого родители уже не могут отдать ее замуж за иного претендента. По воспоминаниям стариков, «если дочь прибежала домой от мужа, ее обратно не принимали и вместе жить не разрешали, боясь народа и родных зятя»¹⁵. Вместе с тем иногда случалось, что просватанную девушку всё же умыкали. Данный факт создавал острую конфликтную ситуацию с крайне неприятными последствиями для похитителя. А. А. Кропоткин по этому поводу сообщал: «Бывает и так, что высватанную невесту отбивает у жениха другой. Эти случаи, однако, редки; но когда они бывают, происходит схватка не на живот, а на смерть: многих искалечивают или оставляют со шрамами на лице и голове» [1895, с. 34].

Заметим, что сам акт дарения коня *нас ат* не был строго привязан к какой-либо конкретной дате или событию. Данный фактор во многом зависел как от локальной традиции, так и непосредственно от желания родителей невесты. Он мог осуществляться в различные моменты свадебного цикла: в ходе встречи, проходившей после погони за похищенной девушкой, в одной из предсвадебных встреч *чарас* (букв. ‘мировая’ или ‘перемирие’) или прямо на свадьбе (*той*). Вместе с тем сам процесс дарения коня носил церемониальный характер. Дарственное животное подносил отцу невесты непосредственно сам жених. Прежде чем вручить коня своему тестю, он расхваливал его достоинства и скаковые качества, например говорил, что это «самый первый конь в *аал’е* (селении), отличный рысак или непревзойденный иноходец». Жених держал конские поводья в правой руке и ею же их вручал тестю. При этом отец девушки, следуя традиции, не мог взять их прямо голой рукой. Для этого он поднимал подол своей одежды и таким образом брался за поводья¹⁶. Получив лошадь, он накрывал ее тканью. При уводе лошади в конюшню ткань снималась и отдавалась одному из старших братьев жениха. Передача лошади «обмывалась» вином, которое распивалось тут же на улице [Патачаков, 1958, с. 84].

Заслуживает внимания и такой неременный элемент свадьбы, как украшение конской амуниции. Все основные участники свадебной процессии тщательно подходили к вопросу праздничного оформления и декорирования конструкций амуниции верховых лошадей. Соответствующее украшение коней выполняло не только эстетическую функцию, но и выступало главным маркером социальной и имущественной представительности его владельца, что поднимало его престиж в обществе. Н. А. Костров описал свадебную процессию следующим образом: «Они едут верхами на самых лучших конях, убранных в самую лучшую сбрую: седла с серебряной насечкой, шитые шелком чепраки и новые уздечки; подушки, находящиеся на седлах, обшивают для этого случая шелком и мишурой. Впереди молодых по-прежнему едут песенники с занавесами, а позади человек до 200 народу обоюбого пола верхами, с колокольчиками и бубенчиками на лошадях» [Костров, 1853, с. 30]. Кроме того, долж-

¹² АМАЭС ТГУ. № 677-4 а. Л. 22.

¹³ Там же. № 682-3. Л. 4.

¹⁴ Там же. № 818-1. Л. 2.

¹⁵ АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. Л. 14.

¹⁶ Там же. Л. 109.

ным образом украшенный конь был призван продемонстрировать окружающим переходный ритуальный статус девушки-невесты. В этой связи хакасы вспоминали: «На свадьбу ехали на подводах с хорошими сбруями. Раньше это приносило большую славу. Поэтому задолго до свадьбы хорошо подготавливались. Разукрашивали конские сбруи, чтобы не опозорить себя. Хомуты, седелки, шлеи, узды были все наборные и блестящие. Теперь в народе таких сбруй нет. Дуги были раскрашены разносортными красками с рисунками. К дугам привязывали колокольчики <...> Невеста в сопровождении молодых женщин ехала впереди. На шее ее лошади были особые украшения из серебряных побрякушек, которые по-сагайски назывались “сусталыстеры” [букв. лучистые, блестящие]. По украшению на шее лошади люди из других улусов узнавали невесту <...> На лошадей невесты и свахи седлали серебряные седла, т. е. передняя и задняя луки такого седла были отделаны серебряным набором различных форм и видов. Седла делали наши местные мастера. Стремена были оловянные. Под седлами клали кичим [чепрак] из белого или синего кимига, т. е. из белого войлока. На переднем конце нижнего подола кичима, по обеим сторонам подвязывали к нему по одному колокольчику. В заднем конце нижнего подола кичима по обеим сторонам подвязывали по два колокольчика. Всего было шесть колокольчиков. Конские нагрудники и потвевя тоже были наборные»¹⁷.

Важнейшей составляющей свадебной обрядности хакасов является предоставление девушке, вступающей в брак, приданого (*инчи*) – имущества, выделяемого ей родителями. В его состав входили предметы домашнего обихода, одежда, украшения, домашний скот и пр. Выделение *инчи* происходило во время *тöргин* – поездки молодоженов за подарками к отцу девушки. Подобный визит чаще совершался после рождения ребенка – через год или два-три после свадьбы. При этом размер приданого и его общая ценность обычно соответствовали калыму, что нашло отражение в народной поговорке: «*Халын нинче, инчи́зи анча*» – ‘Сколько калыма, столько и приданого’ (ХРС, 2006, с. 794). В этой связи интересны воспоминания пожилой хакаски о рассматриваемой народной традиции: «По хакасскому обычаю через год молодая едет к отцу, и он дает ей корову, 30–40 овец и лошадь. Родной брат отца тоже дает скот. Она с этим приданным возвращается к мужу (ПМ М. С. Усмановой: Сунчугашева Таисия Егоровна, с. Анчил чон)»¹⁸.

Размер приданого зависел от материального состояния родителей невесты. Ввиду того что приданое было собственностью невесты, оно во многом определяло ее статус в семье, поэтому родители стремились выделить своей дочери значительную долю материального богатства. Хакасские баи в качестве *инчи* дарили своим чадам целые стада домашних животных, и среди них непременно должны быть кони. Так, например, по сведениям П. Е. Островских, в состав приданого одной из состоятельных невест входил небольшой табун, состоящий из тридцати лошадей [Островских, 1895, с. 320].

Обязательным атрибутом приданого хакасской невесты был хороший верховой конь – *изер ат* – ‘букв. конь с седлом’, луки седла которого были инкрустированы серебром. Подаренный конь, наряду с другими животными, воплощал собой благословление родителей на счастливую брачную жизнь их дочери. Об этом свидетельствуют слова отца невесты, произносимые в процессе свадебной церемонии: «Приезжайте ко мне; я благословлю вас конем и коровою: сим начинайте жить в долгоденствии и благополучии» [Костров, 1852, с. 45]. Обязательное дарение коня выступало своего рода залогом ее успешного чадородия. Отметим то, что в традиционных представлениях хакасов образ коня воплощал собой витальность и плодородие, а также выполнял охранительные функции по отношению к молодоженам и их потомству.

В конце XIX в. практически каждая семья (род) в своем хозяйстве имела священного коня – *ызых’а*, олицетворявшего собой счастье и благополучие его хозяев и всесторонне покровительствовавшего им, поэтому в процессе свадебной обрядности неизменным элемен-

¹⁷ АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. Л. 49, 50

¹⁸ АМАЭС ТГУ. № 682-5. Л. 75.

том было приобщение невесты к культу семейно-родового *ызык'а*. Обряд проводил свёкр. Невеста должна была трижды поклониться сакральному животному. В это время отец жениха обращался к покровительствующему гению, кланялся и делал ему подношение в виде кусочков мяса и окропления аракой. В материалах Н. С. Тенешева приведена молитва, обращенная к духу-покровителю – *хара ызык'у* (священному коню черной масти), обнаруженное ее: «Над трубой [юрты] будь смотрителем, у двери – часовым! Будь хозяином скота и птиц! Будь кольчугой [т. е. защитой] большого нашего двора и юрты! Пусть хара чоргам [черный иноходец] будет твоим покровителем! Мүчирее [кислые сырки с маслом пусть] пищей будут вашей! Привезенного нами из другого улуса нового человека [т. е. невесту] не обижайте, как чужого, а любите как своего человека! В ночную тьму охраняйте [ее], как часовые! Днем будьте зрителями [за ней]! Ко [всему] доброму путь указывайте, от [всего] плохого отстраняйте! Передний путь [ее] расчищайте, задний путь [ее] защищайте кольчугой»¹⁹.

Следует сказать, что не только родственники невесты выделяли ей приданое, но и родители жениха, в свою очередь, также обеспечивали своего сына материально-хозяйственными ценностями. Указанный родительский дар в народе обозначался как *үлүзи* – ‘доля’. В его состав входили различные предметы домашнего быта, хозяйственный инвентарь, скот, денежные средства и пр. Среди подаренных домашних животных всегда были лошади. Официальное торжественное выделение *үлүзи* происходило во время свадебного пиршества. Оно носило церемониальный характер и выражалось в следующем. Близкий друг жениха, в указанной ситуации называемый *тіленчік* – ‘проситель’, либо он сам жених подходил к отцу и кланялся. Правой рукой подавал родителю чашу с аракой, а в левой руке держал посуду с отваренным мясом. Он обращался с просьбой о выделении доли не напрямую, а завуалировано. При этом в произносимой речи одним из ключевых был образ коня: «Чтобы ездить в гости нужен пегий конь, чтобы ездить на свадьбу, нужен гнедой конь!»²⁰. Отец брал араку и окроплял очаг, а затем принимал мясо. Отрезав три кусочка, он бросал их в огонь как подношение духу-хозяину огня – *от ине / от иче*. После этого благословлял сына и произносил такие слова: «Я даю тебе белую корову, чтобы делать айран! Я даю тебе гнедого коня, чтобы ездить на свадьбы! Я даю тебе пегого коня, чтобы ездить по улусам!» [Катанов, 1907, с. 236–237, 351–352]. Отметим, что доля жениха *үлүзи* вместе с приданным невесты *инчи*, объединенные в одно хозяйство, образовывали ту материальную базу, на основе которой развивалось самостоятельное хозяйство молодоженов [Патачаков, 1958, с. 85].

Ярким элементом традиционной свадьбы и одним из любимых игровых зрелищ для хакасов были скачки на конях. Они были призваны продемонстрировать мастерство всадника и скаковые качества лошадей. На свадебном пиру победителя чествовали, усаживали на почетное место. В народе он получал общее признание и уважение. Исследователи XIX в. сообщали об этой традиции следующее: «Скачки и разные игры бывают у татар [хакасов. – В. Б.] во время свадеб. Это совершается в степи, где собирается большое число татар. Девушки и молодые ребята при играх и скачках кричат песни, другие же из мужчин борются, иногда бегают по закладу на конях и играют в карты» [Кузнецова, Кулаков, 1898, с. 57]. Традиция проведения конных скачек получила отражение в устном народном творчестве. Подобные состязания наряду с другими испытаниями устраивали баи для молодых людей. В качестве главной награды назначали руку и сердце своих дочерей. Так, в одном из фольклорных произведений от лица отца девушки приводятся следующие условия для достижения желаемой цели: «У меня есть два беговых коня! Пусть твои кони их обгонят! У меня есть два силача! Пусть твои поборют моих силачей! У меня есть две песенницы, пусть твои их перепоют (ПМ М. С. Усмановой: Янгулова Аксинья Ивановна, 70 лет, д. Малое Озеро)»²¹.

Далее следует отметить важный момент участия лошади, а если быть точнее, ее плоти в свадьбе. Конина наряду с говядиной и мясом мелкого рогатого скота являлась важнейшим

¹⁹ АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. Л. 30.

²⁰ Там же. Л. 46.

²¹ АМАЭС ТГУ, № 683, л. 26.

источником пищевой продукции к праздничному столу. Более того, в прошлом на свадебном пиршестве из всех видов мяса именно конина была предпочтительнее. Е. К. Яковлев писал об этом: «При всяком торжестве или удаче в чем-либо устраивается пир, закалываются целые табуны лошадей, и прекращается пиршество не раньше, чем всё будет съедено. Так было в героический период, в золотой век жизни татарского [хакасского. – В. Б.] народа, так оно осталось в общем и по сию пору у охотничьих племен сойот и у некоторых из сагайских родов» [1900, с. 45]. Традиция использования конского мяса в качестве праздничной пищи получила отражение в эпическом творчестве хакасов:

Ай Мічік, алып кізі,
Тасхар сығара кил пасты,
Хатығ хыйғызын салыпчадып,
Албаты чонына чахығ пирче:
– Хыр асхырлығ чылғыны
Хыра чығынар.
Хызыр пиилерні, тудып,
Хаарта соғынар.
Хырбалап той салынар,
Торасхырлығ чылғыны
Тооза чығынар!
Тоң сас пиилерні соғып,
Тоғырап, кил, той салынар!
Тастар полза,
Хыр асхырлығ чылғыны
Хыра чыып,
Хызыр пиилерін соғып,
Хырбалап той салчалар.
Торасхырлығ чылғыны
Тооза чыып,
Тоң сас пиилерін соғып,
Тоғырап, кил, ит пызыр турлар
(Ай Мічікнең, 1993, с. 3, пер. наш. – В. Б.);

Ай Мичик богатырь,
На улицу вышел,
Строгий указ [свой] возвещая,
Податному народу наказ дает:
– Серого жеребца [вожака]
Всех кобылиц соберите.
Нежеребых кобылиц, поймав,
[Всех] подчистую забейте.
Мясное пиршество устраивайте,
Гнедого жеребца [вожака] лошадей
[Всех] полностью соберите!
Нежеребых кобылиц, забивая,
Покрошив [на куски], пиршество готовьте!
Пастушки же,
Серого жеребца [вожака] кобылиц
Всех собрав,
Нежеребых кобылиц забив
Мясное пиршество устраивают.
Гнедого жеребца [вожака] лошадей
Всех собрав,
Нежеребых кобылиц забив
Искрошив [на куски], мясо варят [в котлах]

Изебі чох Алып Хыс Хан,
Улуғ пасхысха сых киліп,
Ўс тап хыйғы төгібіскен:
– Харағы сіліг халых чоным,
Тоозылбастағ той ползын,
Ўзілбестег чырғал ползын!
Тора асхырлығ малны сўр килзер,
Тоғлағын на таллап, той идінер;
Хыр асхырлығ малны сўр килзер,
Хызырын на таллап пайлаңар!
Хырых чирде от кўй турзын,
Хырых чирде төрт хулахтығ
Кўлер хазанда араға
Салғыл турчатсын!
(Айдолай, 1963, с. 35, пер. наш. – В. Б.).

Бесстрашная Богатырка Хыс Хан
На высокую лестницу взобравшись,
Трижды воскликнув, приказ изрекла:
[О,] прекрасногоглазый мой народ,
[Пусть] нескончаемый [здесь] будет пир,
[Пусть] непрекращающееся столпотворение будет [тут]!
[С] гнедыми жеребцами скот [сюда] пригнав,
[Лишь самых] тучных [из скота] отобрав, устраивайте пир;
[С] серыми жеребцами скот [как] пригоните,
[Лишь добрых] яловых [из скота] отобрав, забивайте!
[В] сорока местах [пусть] костры горят,
[В] сорока местах с четырьмя ушками
[В] бронзовых котлах арака
Пусть плещется

Выводы

Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в традиционной свадебной обрядности хакасов конь занимал важное место. Он обладал высокой материальной и символической ценностью. Рассматриваемое животное находило широко практическое применение в быту и жизни народа. Оно являлось одним из важнейших источников мясной пищи и использовалось как основное транспортное средство. На лошади приезжали свататься и увозили невесту из дома. Именно посредством коня осуществлялся акт умыкания девушки, а также следующая за этим действием погоня и т. д. Вместе с тем большую роль в брачном процессе играла и символическая функция этого животного. Конь выступал в качестве символического аналога души человека. Его образ наделялся сакральными характери-

стиками, связанными с представлениями о жизненной силе и благополучии человека, а также с продуцирующей и апотропейной магией. Всё это способствовало включению его в свадебную обрядность.

Одним из главных составляющих брачного ритуала было взаимное одаривание роднящихся сторон. Среди подарков особое место отводилось лошадям, являвшимся ключевым объектом дарообмена. Это животное было неременным элементом калыма и всех заменяющих его даров, а также приданного невесты – *инчі* и выделяемой родителями доли жениха – *үлүзі*. При этом дарственный конь *нас ат* являлся своеобразным залогом и символом заключения неписаного брачного договора.

В традиционном сознании обладание хорошим конем и наличие в его амуниции дорогих декоративных элементов не только подчеркивали эстетические предпочтения, но и служили маркером социального статуса и престижа владельца. Данная норма соблюдалась в свадебной процессии.

Роль коня в обрядовой и соционормативной практике, связанной с заключением брака, является лишь одной из составляющих многогранного образа этого животного в культуре хакасов. Столь широкая функциональность коня в жизни рассматриваемого народа, очевидно, может указывать на номадические корни феномена почитания коня.

Список литературы

- Бутанаев В. Я.** Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Каратанов И. И.** Черты внешнего быта качинских татар // Изв. Импер. рус. географ. об-ва. 1884. Т. 20, вып. 6. С. 618–645.
- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
- Костров Н. А.** Качинские татары. Казань, 1852. 66 с.
- Костров Н. А.** Кизильские татары. Казань, 1853. 38 с.
- Кропоткин А. А.** Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. СПб.; М.: Изд. Тов-ва М. О. Вольф, 1895. Т. 12, ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. С. 19–50.
- Кузнецова А. А., Кулаков П. Е.** Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск: Тип. Енисейского губ. управления, 1898. 298 с.
- Островских П. Е.** Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
- Патачаков К. М.** Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. 104 с.
- Спасский Г. И.** Народы, кочующие вверху реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 1–25.
- Яковлев Е. К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.

Список источников и словарей

- Ай Мічікнең Кўн Мічік // Ай Мічікнең Кўн Мічік. Богатырские сказания. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1993. С. 4–62. (на хак. яз.)
- Айдолай. Героическое сказание. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1963. 192 с. (на хак. яз.)
- АМАЭС ТГУ № 677-4 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию 1972 г. Тетрадь № 4». 41 л.

- АМАЭС ТГУ. № 678-1 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, Ужурский и Шарыповский районы Красноярского края». Август 1973 г. Тетрадь № 1. 51 л.
- АМАЭС ТГУ № 682-3 «Этнографическая экспедиция в Хакасию в 1976 г.». 78 л.
- АМАЭС ТГУ. № 682-5 «Отчет об экспедиции в Таштыпский и Усть-Абаканский районы Хакасской области в июле-августе 1975 года». 78 л.
- АМАЭС ТГУ № 683 «Этнографическая экспедиция в д. Малое Озеро Шарыповского района Красноярского края в январе 1974 г.». Тетрадь № 1. 76 л.
- АМАЭС ТГУ № 818-1 «Копии дневников экспедиции М. С. Усмановой к хакасам в 1977 г.». Тетрадь № 2. 18 л.
- АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. «Тенешев Н. С. Брак, семья, свадебные обряды и обычаи сагайцев». 1956 г. 140 л.
- ХРС – Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References

- Butanaev V. Ya.** Traditsionnaia kul'tura i byt khakasov: Posobie dlya uchitelei [Traditional Culture and Life of the Khakass: A Guide for Teachers]. Abakan, Khakass book Publ., 1996, 224 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora [World of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan, KhSU Press, 2008, 376 p. (in Russ.)
- Karatanov I. I.** Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features of the external life of the Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [The bulletin of the Imperial Russian Geographical Society]*, 1884, vol. 20, no. 6, pp. 618–645. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. V. Radlov) [Dialects of Uriyanghai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas: (Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. V. Radlov)]. St. Petersburg, 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.)
- Kostrov N. A.** Kachinskie tatory [Kachin Tatars]. Kazan, House of the Provincial Government Publ., 1852, 66 p. (in Russ.)
- Kostrov N. A.** Kizil'skie tatory [Kizil Tatars]. Kazan, 1853, 38 p. (in Russ.)
- Kropotkin A. A.** Saianski khrebet i Minusinskii okrug [Sayan Range and Minusinsk District]. In: *Zhivopisnaia Rossiya [Picturesque Russia]*. St. Petersburg, Moscow, M. O. Volf Publ., 1895, vol. 12, iss. 1: Eastern outskirts of Russia. Eastern Siberia, pp. 19–50. (in Russ.)
- Kuznetsova A. A., Kulakov P. E.** Minusinskie i achinskie inorodtsy [Minusinsk and Achinsk natives]. Krasnoyarsk, Enisei Province Control Publ., 1898, 298 p. (in Russ.)
- Ostrovskikh P. E.** Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraia [Ethnographic Notes about the Turks Minusinsk Territory]. *Zhivaya starina [Living Antiquity]*, 1895, vol. 3–4, pp. 297–348. (in Russ.)
- Patachakov K. M.** Kul'tura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazi s russkim narodom (XVIII–XIX vv.) [Culture and life of the Khakass in the light of historical ties with the Russian people (18th – 19th centuries)]. Abakan, Khakass book Publ., 1958, 104 p. (in Russ.)
- Spassky G. I.** Narody, kochuyushchie vverkh reki Enisei [The nomadic people of the upper Enisei River]. *Sibirskii vestnik [The bulletin of Siberian]*, 1818, vol. 1, pp. 1–25. (in Russ.)
- Yakovlev E. K.** Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitelnyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya [Ethnographic survey of the alien population of the valley of the Southern Enisei and the Explanatory Catalogue of the Ethnographic Department of the Museum. Description of the Minusinsk Museum]. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, 212 p. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Ai Michikniң i Kyn Michik [Ai Michik and Kyn Michik]. Ai Michik i Kiun Michik. Bogatyrskie skazaniia [Ai Michik and Kyn Michik. Heroic legend]. Abakan, Khak. book Publ., 1993, pp. 4–62. (in Khakass)
- Aidolai. Alyptyg namakh [Aidolai. The heroic legend]. Abakan, Khakass book Publ., 1959, 192 p. (in Khakass)
- AMAES TGU [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University (further – AMAES TSU), № 677-4 “Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu letom 1973 g.” [Ethnographic expedition in Khakassia. Summer of 1973], 41 p. (in Russ.)
- AMAES TSU, № 678-1 “Etnograficheskaya ekspeditsiya TSU v Khakasiyu, Uzhurskii i Sharypovskii raiony Krasnoyarskogo kraia. Avgust 1973 g.” [Ethnographic expedition TSU in Khakassia, Uzhur and Sharypov districts of the Krasnoyarsk district. August, 1973], 51 p. (in Russ.)
- AMAES TSU, № 682-3 “Etnograficheskaya ekspeditsiya TSU v Khakasiyu. Iyul’-avgust 1976 g.” [Ethnographic expedition TSU in Khakassia. July-August, 1976], 78 p. (in Russ.)
- AMAES TSU, № 682-5 “Otchet ob ekspeditsii v Tashtypskii i Ust’-Abakanskii raiony Khakasskoi oblasti v iyule-avguste 1975 g.” [Report on the expedition to the Tashtypsky and Ust-Abakansky districts of the Khakass region in July-August 1975], 78 p. (in Russ.)
- AMAES TSU, № 683 “Etnograficheskaya ekspeditsiya v d. Maloe Ozero Sharypovskogo raiona Krasnoyarskogo kraia v yanvare 1974 g. [Ethnographic expedition to the village of Maloye Ozero, Sharypovsky District, Krasnoyarsk District in January 1974]. Notebook no. 1, 78 p. (in Russ.)
- AMAES TSU, № 818 (1) “Perepechatka materialov etnograficheskoi ekspeditsii TSU v Khakasiyu. Leto 1977 g.” [Reprint of materials of the ethnographic expedition of TSU to Khakassia. Summer of 1977], 18 p. (in Russ.)
- AMAE RAS [Archive of the Museum of archeology and ethnography of the Russian Academy of Sciences]. F. 5. Op. 6. D. 19 “Teneshv N. S. Brak, sem’ya, svadebnye obryady i obychai sagaitsev” [Fund 5. Inventory 6. File 19. “Marriage, family, wedding ceremonies and customs of the Sagay”], 1956, 140 p. (in Khakass and Russ.)
- Khakassko-russkii slovar’ [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Khakass and Russ.)

Информация об авторе

Венарий Алексеевич Бурнаков, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 18041639600
WoS Researcher ID Q-2858-2016
RSCI Author ID 282642

Information about the Author

Venariy A. Burnakov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 18041639600
WoS Researcher ID Q-2858-2016
RSCI Author ID 282642

*Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 14.06.2022
The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 14.06.2022*

Научная статья

УДК 397 + 81 (571.54)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-155-167

История имянаречения у баунтовских эвенков

Ольга Владимировна Бураева¹
Елизавета Фёдоровна Афанасьева²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

² Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

¹ olgaburaeva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6079-0601>

² elizaveta_fedor@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9147-0283>

Аннотация

У каждого народа столетиями складывался свой антропонимикон – реестр личных имен, который в каждый отрезок исторического периода имел свои особенности. Мы рассмотрели этот процесс на примере личных имен баунтовских эвенков – локальной группы коренного малочисленного народа Республики Бурятия, проживающего в настоящее время в Баунтовском эвенкийском районе. Имя играло особую роль в жизни эвенка, воспринималось как нечто живое. Имя было индивидуальным, редко повторялось. Выявлены исконно эвенкийские имена XVII–XIX вв., которые не известны современным эвенкам. Установлено, что наиболее распространенными мужскими именами у баунтовских эвенков являлись имена, образованные при помощи суффикса *-вуль*. Следующими по частоте употребления являлись имена, оканчивающиеся на *-ча*, *-най*, *-ней*, *-ни*, *-ту* / *-лту*, *-кта* / *-кто*, *-но*, *-ня*, *-чан*, *-ко*. Женские имена в большинстве своем были образованы при помощи суффикса *-к*. Нами зафиксированы русские и бурятские имена, появившиеся в антропонимиконе эвенков в результате установления культурных связей между народами, определена частота их употребления. Выяснено, что с конца XIX в. эвенки используют в основном трехчленные имена, которые включают имя, отчество, фамилию.

Ключевые слова

антропонимия, донесения казаков, ревизские сказки, посемейные списки, книги похозяйственного учета, баунтовские эвенки, род Чильчагир, род Киндигир, Бурятия

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект № 121031000243-5 «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)»

Для цитирования

Бураева О. В., Афанасьева Е. Ф. История имянаречения у баунтовских эвенков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 155–167. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-155-167

© Бураева О. В., Афанасьева Е. Ф., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 155–167
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 155–167

The History of Naming among the Baunts Evenks

Olga V. Buraeva¹, Elizaveta F. Afanasyeva²

¹ The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

² The Buryat State University of Dorji Banzarov
Ulan-Ude, Russian Federation

¹ olgaburaeva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6079-0601>

² elizaveta_fedor@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9147-0283>

Abstract

Purpose. The purpose of this article is to explore the naming system of Baunt Evenks – local group of Evenks in Buryatia. For centuries, each nation has developed its own anthroponymicon – a register of personal names, which had its own characteristics in each historical period.

Results. We examined this process using the example of the personal names of the Baunt Evenks – a local group of the indigenous people of the Republic of Buryatia, currently living in the Bauntovsky Evenk district. Name played a very important role in an Evenk's life. It was individual, rarely repeated and perceived as something alive. In the process of research, the original Evenk names of the 17th – 21st centuries, unknown to modern Evenks, have been revealed. It was established that the most common male names among the Baunt Evenks were formed with the suffix *-wul*. The next in the frequency of use were names ending in *-cha, -nay, -nei, -ni, -tu / -ltu, -kta / -to, -no, -nya, -chan, -ko*. Most female names were formed with the suffix *-k*. We have recorded Russian and Buryat names that appeared in the Evenks anthroponymicon as a result of the establishment of cultural relations between peoples. The frequency of their use has been also determined. It has been found that since the end of the 19th century, the Evenks have mainly been using three-word names: first name, patronymic, surname.

Conclusion. In the naming system of the Evenks, there were a number of conventions and prohibitions. Firstly, a person could not exist without a name. Secondly, the Evenks treated personal names as something intimate. Thirdly, the naming process was not instantaneous. Fourth, the name of the Evenks was a new word. And fifth, the formation of personal names among the Evenks was subject to certain linguistic norms.

Keywords

anthroponymy, reports of the Cossacks, revision tales, family lists, books of household records, Baunt Evenks, Chilchagir clan, Kindigir clan, Buryatia

Acknowledgments

The research was conducted within the state assignment, project no. 121031000243-5 “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th – 21st Centuries)”

For citation

Buraeva O. V., Afanasyeva E. F. The History of Naming among the Baunt Evenks. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 155–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-3-155-167

Введение

Антропонимия любого народа – это ценный источник по его истории, культуры и языка. В 1960-е гг. в нашей стране возрос интерес к этнической ономастике, к проблемам, связанным с этнографическим аспектом изучения имен собственных. Вероятно, этим и было вызвано создание в 1967 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР группы ономастики. В апреле 1968 г. в Москве прошло I Всесоюзное антропонимическое совещание, организованное Институтом этнографии АН СССР, Институтом языкознания АН СССР и Отделом юридической комиссии при Совете министров РСФСР. Материалы этого совещания были опубликованы в 1970 г. в сборниках статей «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем» [1970] и «Антропонимика» [1970]. Увидели свет сборники «Этнонимы» [1970], «Этнография имен» [1971]. Теоретическим вопросам антропонимии были посвящены статьи И. В. Бестужева-Лады [1970], В. А. Никонова [1970а; 1970б], А. В. Суперанской [1970], В. Д. Бондалетова [1970], Н. А. Бельк [1970], А. П. Евдошенко [1970]. В дальнейшем были опубликованы монографии А. В. Суперанской [1973], В. А. Никонова [1974], учебники С. И. Зинина [1972], В. Д. Бондалетова [1983], сборники статей «Онома-

стика Востока» [1980], «Этническая ономастика» [1984]. Огромный интерес вызывала антропонимия народов Восточной, Южной и Центральной Азии, Африки, многих народов Советского Союза: кетов, тунгусов, якутов, чукчей, киргизов, таджиков, узбеков, казахов, чувашей, башкир, бурят, осетин, русских и др. Антропонимией эвенков впервые занялись Г. М. Василевич [1969; 1970; 1974], П. Я. Скорик [1970], затем В. А. Туголуков [1970; 2013], М. М. Хасанова [1983]. В современной России интерес к антропонимии эвенков возрождается. Это и статьи Г. И. Варламовой [2010], Д. Г. Вачелановой [2014; 2017], Л. Н. Омельченко и Д. Г. Вачелановой [2015], и Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области [2010].

Как видно из этого обзора, антропонимия эвенков России, тем более их локальных групп, редко являлась предметом специального исследования. А антропонимия баунтовских эвенков вообще не изучена. Научная новизна данного исследования заключена во введении в научный оборот новых архивных материалов, ранее не публиковавшихся. Цель данной статьи состоит в выявлении особенностей имянаречения у баунтовских эвенков – локальной группы эвенков Бурятии.

Источники

До революции 1917 г. баунтовские эвенки были приписаны к Баунтовской инородной управе. В качестве источников информации о личных именах эвенков Баунтовской инородной управы мы использовали ревизские сказки и посемейные списки из Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ, ф. 9). Их антропонимический материал просто бесценен. Всего ревизских сказок с 1718 по 1858 г. в Российской империи было десять. В нашем распоряжении имеется 10-я ревизская сказка за 1858 г. Она содержит информацию о мужском и женском населении Баунтовской инородной управы с указанием имени, отчества, фамилии, возраста, родственных отношений (отношение к главе семьи).

В архиве имеются посемейные списки за 1892, 1896, 1903, 1908 гг. Посемейные (семейные) списки были введены в 1858 г. Первоначально списки, имевшие десять граф, расчерчивались и заполнялись от руки, в 1908 г. мы имеем бланки, отпечатанные типографским способом. В 1-й графе ставился порядковый номер юрты (семейства), во 2-й – номер, под которым семья упоминалась в предшествующей ревизии, в 3–8 графах фиксировались сведения о мужчинах: имя, отчество, фамилия, прозвище главы семьи, его детей, внуков, братьев, всех, кто проживал совместно, в 9–11 графах давалась информация о женщинах. В 7-й и 11-й графах делалась отметка о прибыти и убыти лиц мужского и женского пола после составления списка. В 8-й графе отмечали поступивших на действительную службу со времени составления списка и в течение предшествовавших шести лет с указанием года призыва.

Рождение ребенка

Из полевых материалов 1962–1963 гг. С. А. Шубина нам известно, что у баунтовских эвенков рождение ребенка было радостным событием в жизни семьи. «Особенно семья, включая сородичей вообще, была рада, когда рождался мальчик. В нем видели будущего кормильца и продолжателя рода, сразу же после рождения первого ребенка глава семьи – отец – выделял для него оленя: если рождался мальчик – *гилгу* (самца), девочка – *нями* (матку)» [Шубин, 2007, с. 94].

В честь такого события устраивалось пиршество. Лучшие куски мяса подавались матери. Все родственники и гости должны были оказать посильную помощь шкурами, одеждой или продуктами, если семья нуждалась в них. Если же семья жила в достатке, то вручались подарки. Ребенок, завернутый в тщательно выделанную теплую кабарожью шкуру, переходил с рук на руки, затем укладывался в люльку. Здесь же давалось ему имя. Имя должно было в какой-то степени соответствовать характеру или темпераменту ребенка (родные и гости старались по малейшим признакам поведения новорожденного определить это), или же имя давалось пожилыми людьми, значение имени сводилось к пожеланию «быть молодцом»,

«быть гостеприимным», «быть хорошим стрелком», «иметь всегда друзей» – Бэркэн, Малук, Бэркэвуль, Гиркивуль и т. д. [Шубин, 2007, с. 94].

При имянаречении новорожденного его отец и мать обычно старались не вмешиваться, предоставляя эту возможность родственникам и гостям. Большой честью считалось для семьи, если единогласно соглашались с именем, данным пожилым, уважаемым человеком.

Все присутствующие на этой трапезе желали ребенку здоровья, быстрого роста, незнания болезни и т. д., выполнялся определенный обряд очищения. «Имя дается того, кто прежде всех придет в юрту новорожденного, потому мальчики часто носят женские имена и наоборот. При этом соблюдается обряд: первому пришедшему, т. е. тому, чье имя должен принять родившийся, – писал А. Мордвинов, – бросают под ноги горящую головню, чрез которую он обязан перешагнуть. Этим новорожденный освобождается от всех будущих зол и напастей. ...при случае могли воспользоваться следующими ороченскими именами: Кенкар, Шинтанча, Жугнувуль, Белкувуль, Букача, Ванчувуль, Балин, Даймупга, Акивул, Муличин и т. п.» [Мордвинов, 1851, с. 131].

В некоторых случаях, когда в семье, где родился ребенок, были раньше случаи смерти малолетних или близких родственников, торжество и наречение имени проходило тихо. Говорили гости вполголоса об оленях и на другие отвлеченные темы, чтобы обмануть злого духа. В этом случае никто не трогал ребенка и не должен был его видеть, с приходом матери ребенка сразу же укладывали в люльку. Новорожденный получал два имени. Иногда мальчику давалось второе имя девочки или русское. Первое настоящее имя не упоминалось, его знали только родители и ближайшие родственники. «Злой дух, – говорили эвенки, – будет стараться умертвить ребенка или насладиться ему болезнью, но он ошибется, так как имя-то у ребенка другое» [Шубин, 2007, с. 94–95].

У эвенков, кроме двух имен (одно имя рассчитано на обман злого духа), использовалось еще одно средство. Детям давались имена-клички, которые впоследствии прочно закреплялись за ними (например, ягненок, бычок, грязнуля), названия национальности (русская, бурят, орочен); семьи, в которых умирали все родившиеся дети, обычно брали себе на воспитание чужого ребенка, считая, что в таких случаях обязательно будут выживать вновь родившиеся. Или же бездетной матери приносили соседи своих малолетних детей, чтобы поводить с ними некоторое время, затем их уносили обратно, по решению шамана иногда изготавливали большую куклу и инсценировали роды. Действия эвенков имели целью обмануть злого духа и сохранить ребенка [Там же, с. 95].

Имянаречение

В системе имянаречения у эвенков существовал целый ряд условностей и запретов. Во-первых, без имени человек не мог существовать. Прежде всего оно было важно для общения в социуме, с чужими. «Имя собственное, неповторимое, выделяет человека из мира природы, возносит его над обитателями тайги. Только с именем человек становится индивидуумом, личностью», – пишет М. М. Хасанова [1983, с. 101].

В некоторых случаях имя представляло собой название рода. Во-вторых, эвенки относились к личным именам, как к чему-то сокровенному, так как они считали, что в имени содержится часть души человека. Поэтому в обращении между собой имя собеседника произносилось редко. Да и сам эвенк также редко произносил свое имя. С этим фактом сталкивались сборщики ясака в XVII–XIX вв., часто записывая имена эвенков неверно, так как последние старались не произносить свои имена, но не по какому-то умыслу, а согласно существующим традиционным верованиям. В быту, в общении между собой при произнесении имен детей родственников также придерживались определенных правил. Так, родители, обращаясь к детям, использовали термины родства, такие как *хутэ* (ребенок), *омолги* (парень), *хунат* (девушка) [Василевич, 1969, с. 171]. Жена или муж также не называли друг друга по имени, употребляли термины родства: *Гарпаликан аминин* (отец Гарпаликан), *Гарпаликан энинин* (мать Гарпаликан). Для обращения к посторонним людям служили слова *бэе* (чело-

век, парень) и *гирки* (друг, товарищ), последним термином пользовались и женщины при обращении друг к другу. Обратиться к старшему по имени означало нарушение обычая и могло быть воспринято как оскорбление.

В-третьих, процесс имянаречения был не одномоментным. Имя ребенку давали не сразу, а лишь после наблюдений за его характером, нравом, здоровьем. Когда набиралось достаточно наблюдений за тем, что происходило во время рождения ребенка, выяснялись его индивидуальные качества и личные особенности, тогда старшие (дед, бабушка, дядя) или шаман выбирали ему имя. Имена старались не повторять, и чаще всего имя ребенка было новым словом [Там же, с. 172]. Для имен использовались названия, явления, признаки всего, что окружало ребенка во время его рождения. Так, если рождение ребенка было связано с каким-либо событием, то оно отражалось на выборе имени ребенка. Например, если при рождении девочки шел первый мокрый снег (*либгэ*), то ей давали имя *Либгэрик* [Там же], мальчику, родившемуся при первых лучах восходящего солнца, – имя *Гарпанча*, *Гарпаней* (луч солнца), *Гарпаликан* (лучик солнца). Если в семье умерло несколько детей, родители, стремясь уберечь новорожденного от такой же участи, давали ему «некрасивое» имя, которое во взрослом возрасте обычно заменялось другим.

В-четвертых, у эвенков имя являлось новым словом. Имена, как правило, не повторялись, очень редко давали ребенку имя умершего, но всеми почитаемого родственника.

В-пятых, несмотря на отсутствие общераспространенных имен, образование личных имен у эвенков подчинялось определенным языковым нормам, в силу чего их имена отличались от других. Для образования имен существовали определенные суффиксы. Наиболее распространенными для образования мужских имен были суффиксы *-вул / -ул*, *-ча*, *-га*, *-ни*, *-най / -ней*, *-ту*, *-лту*. Чаще для женского имени добавлялся суффикс *-к* [Там же, с. 171]. Для образования женских имен использовался суффикс *-дар / -дэр / -дор*. Имена образовывались также с помощью уменьшительно-ласкательных и увеличительных суффиксов: *-кан*, *-чан*, *-дя*, *-ндя* [Словарь..., 2010]. В настоящее время бывает трудно определить значение старинных эвенкийских имен, но отдельные имена легко поддаются расшифровке.

Впервые имена баунтовских эвенков мы встречаем в архивных документах XVII в. В отписке (донесении) Ивана Тархова воеводе Ивану Ивановичу Ржевскому от 29 декабря 1661 г. написано, что «Почагалского роду князец *Кокувкан Тулгогил* да сын ево шуленга по русскому пятидесятник *Удуга Кокувканов*» обратились с просьбой на Витиме реке на усть Кидимита реки ж и на Кучиде озере поставить... острожек» [Исторический выбор..., 2014, с. 142].

В 1666 г. в отписке Андрюшки Барнышева воеводе Кириллу Аристарховичу Яковлеву упоминаются имена «баунтовских ясачных людей... *Горгоchonка* з братьями» [Там же, с. 157].

В отписке стольнику и воеводе Кириллу Аристарховичу Яковлеву от мая 1667 г. сказано, что «ис Кучидцкого острогу ясачной тунгус *Бомбони* приходил в Баргузинский острог» и говорил, что в Баунтовском остроге в аманатах сидит «моего рода аманат» и «чтобы ево *Бамбокея* великие государи пожаловали», отпустили того аманата из Баунтовского острога, а взяли в аманаты в новом Яровнинском (Еравнинском. – О. Б., Е. А.) «сына ево Бомбокиева», чтобы платили они ясак всем родом в том остроге «по вся годы беспереводно» [Там же, с. 155].

В 1675 г. Богдан Несвитаев в отписке стольнику и воеводе Михаилу Васильевичу Приклонскому в Енисейский острог писал «про измену баунтовских ясачных тунгусов Киндигирского роду про *Мунга* да Чилчагирского роду про *Терпузу*». В отписке также говорится, что подали «баунтовские ясачные тунгусы Киндигирского роду *Нелты* да *Калбей* с родниками своими» челобитную о постройке на Еравне острога, а также, что в аманатах в Баргузинском остроге сидят *Калбей* и *Нелнюга* [Исторический выбор..., 2014, с. 244].

Обратимся к ревизским сказкам и посемейным спискам баунтовских эвенков, уделяя внимание личным именам. На разных этапах своей истории баунтовские эвенки были тесно связаны с другими народами, в частности с русскими и бурятами, что нашло отражение в собст-

венных именах. В архивных материалах XVIII – начала XX в. у эвенков зафиксированы не только эвенкийские имена, но и русские и бурятские.

Исконные имена баунтовских эвенков середины XIX в. поражают своим разнообразием. По записям «Ревизской сказки» за 1858 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 1) среди баунтовских эвенков в 1-м чильчагирском роде числились 221 душа мужского пола, 206 душ женского пола, во 2-м чильчагирском роде – 134 души мужского пола, 111 душ женского пола, в 3-м киндигирском роде – 35 душ мужского пола и 30 душ женского пола. Среди них практически не встречаются одинаковые имена.

Нами выписаны следующие мужские имена: *Аргавуль, Лушмавуль, Сомивуль, Борчавуль, Юрнавуль, Онгавуль, Гокавуль, Долавуль, Доковуль, Бочивуль, Тачавуль; Аруней, Игланей, Илканей, Гарпаней, Голбоней, Гугданей, Ушканей, Огженей, Одоней, Толканей, Сыганей; Лорунча, Иланча, Оченча, Толкинча, Гагинча, Кисанча; Бегальту, Инальту, Лирбикту, Нагальту, Чикту; Валакта, Лоргокто; Егдани, Нюжкани, Лукшани, Далгани, Шинкани, Бучени; Муличан, Малинчан, Никачан, Салкичан; Болгино, Накуно, Тулгана; Алтыка, Олгоко, Накуко, Октоко; Бусыня, Сондыня, Уптыня.*

Выписанные имена можно классифицировать следующим образом. Наиболее распространенными именами у баунтовских эвенков в середине XIX в. являются личные имена, образованные при помощи суффикса *-вуль*. В современном прочтении они соответствуют форме фамилий на *-ев*: *Аргавулев, Лушмавулев, Гокавулев, Доковулев* и др. В настоящее время среди баунтовских эвенков этих фамилий практически нет, за исключением *Доколевых* и *Лоргоктоевых*. Вторыми по способу образования распространенными являются имена на *-най / -ней*. Из них узнаваемы фамилии забайкальских эвенков: *Арунеев, Гарпанеев*. Личные имена баунтовских эвенков данного исторического периода также образовывались при помощи суффиксов *-ту / -лту, -кта / -кто, -ни, -чан, -ка / -ко, -но, -ня*.

Одинаковых мужских имен из вышеназванного количества душ трех родов баунтовских эвенков нами не найдено, за исключением имени *Буку*, которое было дано двум мужчинам: сыну *Головуля* и брату *Ярматкана Ярмавулева*. Они были из разных родов: *Головуль* из 1-го чильчагирского рода, второй – из 2-го чильчагирского рода.

Женские имена периода 1858 г. также разнообразны. Большинство из них образованы при помощи суффикса *-к*: *Киралак, Наргилак, Чюрик, Омилак, Вевак, Калак, Нисулак, Онолок, Горбилак*. Немало имен на *-лан / -лон*: *Адавлан, Анкулан, Никилан, Чиялан, Томколон*. При образовании имен использовались уменьшительные суффиксы *-кан / -кон*: *Нюликан, Челавкан, Буликан, Юнекан, Нирукан, Олкон; -ткан: Упаткан, Чалаткан*. Одинаковых женских имен нами в списках также не обнаружено.

Как считает В. А. Туголуков, распространение ламаизма среди эвенков следует датировать первой третью XVIII в., когда из Монголии в Россию (на Селенгу) переселилось некоторое количество монголов [Туголуков, 2013, с. 218]. Православная церковь пыталась противодействовать распространению ламаизма, начав усиленно крестить эвенков. Их приобщение к православию было особенно интенсивным во второй половине XVIII в. [Там же].

Процесс присвоения эвенкам русских имен (а также греческих, латинских, еврейских) в результате крещения зафиксирован в ревизских сказках баунтовских эвенков. Так, по данным «Ревизской сказки Баунтовской инородной управы» за 1858 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 1), в I чильчагирском роде насчитывалось 221 мужчина и 206 женщин, во II чильчагирском – 134 мужчины и 111 женщин, в киндигирском – 35 мужчин и 30 женщин (всего 737 человек).

Русские имена при крещении священник давал обычно по святым. Фамилией становилась фамилия русского «восприемника». Повсюду утвердились трехчленные имена, люди стали носить имя, отчество, фамилию.

В I чильчагирском роде у *Алтыки Карпушкина* были братья *Олгоко* по крещению *Петр Васильев Козулин, Борчавуль – Иоаким Васильев Козулин*. У Петра были сыновья: *Лушмавуль* (по крещению *Никита Васильев Козулин*), *Сомивуль* (по крещению *Трофим Козулин*). У *Жоргавуля Петрушкина* был брат *Боявуль* (по крещению *Захар Алексеев Козулин*). *Илканей* после

крещения стал *Инокентеем Михайловым Черных*. У *Мехея Оргавулева* были братья *Горгини*, по крещению *Осип Алексеев Козулин*, и *Инальту*, по крещению *Костанкин Михайлов Черных*. В документе встречаются *Морчавуль (Василий Черных)*, *Лоргонча (Федор Васильев Козулин)*. *Отывуль (Петр Петров Иванов)*, *Луکشани (Иоанн Павлов Кишанов)*, *Сыганей (Павел Иванов Жучков)*. В большом семействе-хозяйстве *Найканчи Тонкинова* из 11 сыновей с женами и их детьми 8 сыновей крещены: *Кудель (Яков Федосов)*, *Ошовуль (Василий Васильев Козулин)*, *Инанча (Никифор)*, *Ирканча (Илья Федосов)*, *Иконча (Иван Федосов)*, *Иганча (Иван Федосов)*, *Нюгкани (Михаил)*, *Лонтони (Андреян)*. У некрещеного сына *Найканчи Улавуля* из шести сыновей крещен один *Органча (Василей)*. У сына *Найканчи Куделя* из четырех сыновей два крещены: *Дарынага (Василий Минеев)* и *Егорча (Павел Федосов)*. У *Ошовуля* из трех сыновей крещен один *Улюкай (Николай)*. У *Икончи* сын *Манику* по крещению стал *Степаном Федосовым*. У *Ирканчи* сын *Шинкани* – *Павлом Федосовым*.

Во втором чильчагирском роде *Ярматкан Ярмавулев* после крещения стал *Ильей Гантимуровым*. В киндигирском роде сын *Семена Кальсина Гаранча* стал *Костанкином Александровым*, а сын его брата *Николая Мошкой* – *Александром Михайловым Черных*, *Чачунча* крещен *Костанкином Черных*, *Мани* – *Инокентеем Елишиным*.

Встречались изредка русские женские имена: *Татьяна, Анна, Прасковья, Арина, Авдотья, Агавья, Лукерья, Степанида, Катерина*; мужские: *Иван, Еремей, Михайло, Григорий, Спиридон, Ванька, Васька, Васонка, Данило, Андреян, Фёдор, Егор, Гришка, Антон, Якушка, Павел, Алексей, Костанкин, Александр, Степан, Семен, Николай, Максим, Терентей, Маша, Поташка*. В ревизской сказке зафиксированы и такие мужские имена: *Кандинской, Шарик, Богатырь, Золотуха, Малыгин, Батина*.

В семейных списках 1892 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 5) зафиксировано в I чильчагирском роде 273 мужчины и 229 женщин, во II чильчагирском роде – 106 мужчин и 90 женщин, в киндигирском роде – 44 мужчины и 35 женщин (всего 777 человек). У детей мы обнаружили в основном русские имена. Например, у *Кокончи Арунеева* (по крещению *Александр Андреев Винокуров*) дети *Иван, Николай, Александр, Любовь*. У *Лоргокто Баранчина* сыновья *Шугаль, Семен*. Если у *Шугалья* дети имеют эвенкийские имена: *Тувливуль, Олёни, Тавуни, Дундэни, Чампуни*, то у детей *Семена* – русские имена: *Евдокия, Мария, Прокопий*. Бурятских имен ни в записях 1858 г., ни в записях 1892 г. нет.

В семейных списках 1896 г. в I чильчагирском роде из 297 мужчин только 18 имеют эвенкийское имя: *Боявуль, Бодиндак, Толгани, Оошин, Дудкон, Гоневуль, Шугаль, Тавливуль, Олёнь, Дундон, Тавуни, Лоргокто, Могульту, Ульгонча, Манувуль, Турунай, Бодин, Ирон*. Остальные имеют русские имена, особенно распространены: *Иван (35 чел.), Николай (24), Петр (17), Василий (16), Семен (14), Павел (13), Илья (13), Александр (9), Андрей (8), Михаил (8), Егор (6), Сергей (6)* и др. Из 253 женщин только у 21 эвенкийские имена: *Сижук, Лёнгок, Онук, Именмук, Манив, Гулита, Туркук, Бакуль, Чампук, Урук, Бочинкок, Довсук, Тавлик, Бокса, Ноног, Кукун, Лушум, Чимге, Сопок, Саин, Ольгок*. Наиболее распространены такие русские имена: *Анна (35 чел.), Мария (21), Марья (12), Александра (10), Екатерина (10), Ольга (10), Наталья (9), Парасковья (8), Елена (8), Евдокия (7), Ирина (6)* и др.

Во II чильчагирском роде мы видим следующую картину. Из 253 мужчин у 6 – эвенкийские имена: *Оменче, Лигней, Еман, Тыхчи, Дзявишуль, Шинкани*. Наиболее распространены русские имена: *Николай (13 чел.), Василий (11), Степан (8), Иван (7)*. Из 106 женщин у 5 – эвенкийские имена: *Самогик, Тульдупон, Кирмильек, Тамувкан, Совын*, русские имена: *Анна (16 чел.), Мария (9), Марья (7), Екатерина (5), Евдокия (5), Парасковья (5)*, появляются бурятские имена: *Ирдыни, Сандама*. Зафиксированы имена *Белка, Лапке*.

В киндигирском роде из 40 мужчин только 1 имеет эвенкийское имя *Душеуль*, у остальных русские имена: *Николай (5 чел.), Иван (5), Василий (4), Иннокентий (4), Семен (3), Константин (3), Егор (3)* и др. У 35 женщин русские имена: *Анна (8 чел.), Мария (6), Евдокия (4)* и др.

Часто встречаются двойные имена: *Борчавуль (Иоаким), Боявуль (Захар), Инальту (Костанкин), Егорча (Павел), Иганча (Иван), Иконча (Иван), Инанча (Никифор), Умокай*

(Николай), Горгини (Осип), Дарынага (Василий), Иркинча (Илья), Лоргонча (Федор), Сыганей (Павел), Лукиани (Иоанн), Шынкани (Павел), Лушмавуль (Никита), Органча (Василий), Морчавуль (Василий), Отывуль (Петр), Ошовуль (Василий), Сомивуль (Трофим), Гаривуль (Иоанн), Ярматкан (Илья), Дуловуль (Василий), Чунавуль (Николай), Гаранча (Константин), Чачунча (Костанкин), Мани (Иннокентий), Мошкой (Александр), Чалаткан (Мария). Следует отметить, что количество населения в этом году достигло 825 человек (самое большое с 1858 по 2017 г.).

В семейных списках 1892 и 1896 гг. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 5, 9) фамилии баунтовских эвенков уже оформлены по правилам образования русских фамилий: *Бальжеулов, Машеулов, Муличанов, Гочивулев, Сенериконов* и т. д. Встречаются фамилии, которые носят в настоящее время баунтовские эвенки: *Бальжеуловы, Догончины, Торгоновы, Найканчины, Арунеевы*. Личные имена данного периода в большинстве русские. Редко встречаются исконно эвенкийские имена. Среди них записаны: *Лоргокто, Коконча, Улганча, Олгоко*. Почти в каждой семье есть *Семен, Павел, Илья, Михаил, Мария, Аксинья, Меланья, Прасковья, Варвара*.

В посемейных списках эвенков за 1903 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 17) I чильчагирский род насчитывал 262 мужчины и 219 женщин, II чильчагирский – 108 мужчин и 97 женщин, киндигирский – 46 мужчин и 39 женщин (всего 771 человек). Среди мужских чаще всего встречаются: *Иван* (44 чел.), *Николай* (42), *Василий* (29), *Павел* (21), *Петр* (21), *Степан* (21), *Илья* (16), *Александр* (16), *Семен* (16), *Егор* (15), *Алексей* (13), *Михаил* (12), *Федор* (11), *Сергей* (10), *Прокотий* (9) и др. Эвенкийские мужские имена: *Айгаул, Гавганча, Боди, Бодин, Галувуль, Гапувуль (Николай), Дундак (Дмитрий), Дутко (Прокотий), Дявиеуль, Капиткан, Корчагай, Николай (Толгани), Упунай, Шуголь*.

Вместе с тем надо отметить, что среди баунтовских эвенков процесс ламаизации не нашел распространения в отличие от другой локальной группы в Бурятии – баргузинских эвенков. Среди баргузинских эвенков встречаются такие бурятские имена, как *Цырен, Мунко, Дулма, Цыден, Бадма, Гарма* и др. Объясняется это тем, что эта локальная группа издавна живет рядом с бурятами, в большинстве своем приняла буддизм. По настоянию лам эвенки стали соблюдать буддийские каноны и при выборе имени следовать их советам.

Среди женских имен встречаются эвенкийские: *Бокуль, Мету (Вера), Нашун (Наталья), Онгок, Тавлик, Шалговик, Шепдама (Матрена)*; бурятские – *Совжид* и *Ирдыни*. Наиболее распространены русские имена: *Анна* (57), *Александра* (14), *Мария* (55), *Екатерина* (21), *Ольга* (16), *Наталья* (15), *Евдокия* (15), *Елена* (12), *Парасковья* (12), *Дарья* (10), *Ирина* (8), *Степанида* (7) и др.

В списках 1908 г. (ГАРБ, ф. 9, оп. 1, д. 24) выявлены новые эвенкийские мужские имена: *Барук, Быркешка, Гокавуль, Гуколько (Яков), Дукуни, Мидинак, Ондауль (Иван), Чикты, Шушинга (Филимон)*; женские имена: *Булобияк, Дёшук (Анна), Иляпкак, Муту (Вера), Ундуй, Чулан*.

В книгах похозяйственного учета сельских советов Баунтовского района за 1940–1946 гг. у эвенков мы уже не встречаем записи по родам, только по месту жительства – сёла Хойгот (колхоз «10 лет БМАССР»), Шуринда (колхоз «Третья пятилетка»), Усой, Усть-Джилинда (колхоз им. Молотова, прииски) (Книга памяти Баунтовского эвенкийского района, 2014). Среди 227 человек взрослого населения встречаются следующие эвенкийские фамилии: *Бальжеулов, Басаулов, Догончин, Гасалтуев, Дектяулов, Доколев, Мордонов, Найканчин, Торгонов, Чинавлев*, чьи внуки и правнуки и сегодня живут в местах своих предков. Эвенкийские личные имена только у пяти мужчин (*Бикей, Дугдан, Дюру, Тульдо, Тысу*) и у трех женщин (*Босук, Урендак, Тугдан*).

Среди эвенков встречаются бурятские имена или фамилии. Например, *Афанасьева Санжи, Молоков Бадма, Найканчин Аюша, Кокчендуевы Батор, Бальжид* и *Бадма, Пальтеевы Базар* и *Пунсук, Папуевы Хандама* и *Янжима, Тимаевы Ригжит* и *Сымжит, Цыремпилова Максар, Цыреновы Бадма* и *Сындыма, Френдинштейн Батор*.

Наиболее распространенными именами являются мужские *Степан* (11 человек), *Иван* (8), *Николай* (7), *Гавриил* (6), *Семен* (6), *Александр* (5), *Павел* (5), *Алексей* (4), *Михаил* (4); женские *Мария* (11), *Евдокия* (11), *Анна* (10), *Дарья* (7), *Елена* (7), *Прасковья* (6), *Александра* (6), *Наталья* (5), *Екатерина* (4).

По данным за 2019 г. (Текущий архив администрации Баунтовского эвенкийского района), наиболее распространены эвенкийские фамилии *Бальжеулов*, *Басаулов*, *Вачеланов*, *Дандеев*, *Догончин*, *Кантаулов*, *Мордонов*, *Найканчин*, *Торгонов*, *Унаулов*, *Урончин*. Встречаются бурятские и русские фамилии: *Намсараев*, *Эрдынеев*, *Сыренов*, *Августяков*, *Агафонов*, *Воробьев*, *Димитров*, *Загоняч*, *Иванов*, *Квасов*, *Кириллов*, *Козулин*, *Молчанов*, *Муромов*, *Наливаев*, *Нестеров*, *Нилов*, *Новиков*, *Соболев*, *Сологубов*, *Черных*, *Чуркин*, *Юкович*. Имена в основном русские, к уже упоминавшимся ранее добавились *Ярослав*, *Владислав*, *Радион*, *Артем*, *Руслан*, *Арсений*, *Матвей*, *Вадим*, *Багдан*, *Эдуард*, бурятские имена *Доржо*, *Бато*. Наиболее распространены русские женские имена *Елена*, *Ольга*, *Дарья*, *Татьяна*, *Анна*, *Светлана*, *Лариса*, *Любовь*, *Оксана*, *Олеся* и др.

Заключение

Мы выявили особенности имянаречения у локальной группы эвенков Бурятии – баунтовских. Имя воспринималось ими как живое, связанное с человеком. До XVIII в. было принято давать человеку только имя. С принятием православия, с установлением культурных, экономических и общественных связей с русскими и бурятами к эвенкам стали проникать русские и бурятские имена. К середине XX в. эвенкийские имена практически исчезли. В настоящее время эвенки употребляют имена и отчества, данные в ЗАГСе. Эвенкийский колорит сохраняется только в фамилиях. Обряды, проводимые при рождении и имянаречении ребенка, остались в прошлом. Вводимые в научный оборот архивные материалы являются важным источником по истории и этнографии эвенков Бурятии.

Список литературы

- Антропонимика / Отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М.: Наука, 1970. 360 с.
- Белык Н. А.** Некоторые правовые и социологические вопросы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 24–33.
- Бестужев-Лада И. В.** Исторические тенденции развития антропонимов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 9–23.
- Бондалетов В. Д.** Динамика личных имен в XX в. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 91–105.
- Бондалетов В. Д.** Русская ономастика: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
- Варламова Г. И.** Имя и наречение именем в эвенкийском эпосе // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: Сб. науч. тр. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. Вып. 3. С. 65–71.
- Василевич Г. М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки. XVIII – начало XX в. Л.: Наука, 1969. 305 с.
- Василевич Г. М.** Собственные имена эвенков // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 225–230.
- Василевич Г. М.** Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных в Сибири (опыт картографирования) // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974. С. 296–302.
- Вачеланова Д. Г.** Именослов баргузинских эвенков // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 12. URL: <http://human.snauka.ru/2017/12/24578> (дата обращения 08.02.2019).
- Вачеланова Д. Г.** Имена баргузинских эвенков: прошлое и настоящее // Арктика. XX век. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (2). С. 79–80.

- Евдошенко А. П.** Предпосылки системно-типологического исследования антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. 341 с.
- Зинин С. И.** Введение в русскую антропонимию: Пособие для студентов-заочников / Ташкент. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ташкент: [б. и.], 1972. 275 с.
- Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века: Документы и материалы / Отв. ред. Б. В. Базаров; авт.-сост. О. В. Бураева, С. В. Бураева, М. Н. Балдано. Иркутск: Отгиск, 2014. 784 с.
- Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. 343 с.
- Мордвинов А.** Орочены, или оленные тунгусы // Современник: литературный журнал. 1851. Т. 27. С. 126–135.
- Никонов В. А.** Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970а. С. 33–56.
- Никонов В. А.** Этнонимия // Этнонимы: Сб. ст. М.: Наука, 1970б. С. 5–33.
- Никонов В. А.** Имя и общество. М.: Наука, 1974. 280 с.
- Омельченко Л. Н., Вачеланова Д. Г.** Имянаречение баргузинских эвенков // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2015. Вып. 1. С. 37–41.
- Ономастика Востока / Ред. колл.: Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, В. В. Цыбульский. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1980. 286 с.
- Скорик П. Я.** Антропонимические процессы у малых народностей Севера // Антропонимика / Отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М.: Наука, 1970. С. 39–52.
- Словарь желтулакского говора Амурской области / Б. В. Болдырев и др.: В 2 ч. Благовещенск: БГПУ, 2010. Ч. 2. 235 с.
- Суперанская А. В.** Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 7–17.
- Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
- Туголуков В. А.** Тунгусские имена как этнографический источник // Ономастика Востока / Ред. колл.: Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, В. В. Цыбульский. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1970. С. 32–36.
- Туголуков В. А.** Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. 352 с.
- Хасанова М. М.** Антропонимы в фольклоре восточных эвенков // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 95–102.
- Шубин А. С.** Эвенки. Улан-Удэ: Респ. тип., 2007. 360 с.
- Этническая ономастика / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. М.: Наука, 1984. 192 с.
- Этнография имен / Отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1971. 263 с.

Список источников

- ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 9 (Баунтовская тунгусская инородная управа). Оп. 1. Д. 1. 1858 г. Л. 1–40; Д. 5. 1892 г. Л. 1–12; Д. 9. 1897 г. Л. 1–12; Д. 17. 1903 г. Л. 1–24; Д. 24. 1908 г. Л. 1–74.
- Книга памяти Баунтовского эвенкийского района: Документальное издание Музея народов Севера Бурятии им. А. Г. Позднякова / Ред.-сост. Е. Ф. Куренная. Багдарин; Чита: Экспресс-издательство, 2014. 320 с.
- Текущий архив администрации Баунтовского эвенкийского района.

References

- Bazarov B. V.** (ed.). *Istoricheskii vybor: Rossiya – Buryatiya v XVII – pervoi treti XVIII veka: Dokumenty i materialy* [Historical choice: Russia – Buryatia in 17th – first third of 18th century: Documents and materials]. Comp. by O. V. Buraeva, S. V. Buraeva, M. N. Baldano. Irkutsk, Ottisk, 2014, 784 p. (in Russ.)
- Belyk N. A.** *Nekotorye pravovye i sotsiologicheskie voprosy antroponomiki* [Some legal and sociological issues of anthroponomics]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 24–33. (in Russ.)
- Bestuzhev-Lada I. V.** *Istoricheskie tendentsii razvitiya antroponomimov* [Historical trends in the development of anthroponyms]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 9–23. (in Russ.)
- Boldyrev B. V. et al.** *Slovar' dzheltulakskogo govora Amurskoi oblasti* [Dictionary of dzheltulak dialect of Amur region]. In 2 pt. Blagoveshchensk, BSPU Press, 2010, pt. 2, 235 p. (in Russ.)
- Bondaletov V. D.** *Dinamika lichnykh imen v XX v.* [Dynamics of personal names in the 20th century]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 91–105. (in Russ.)
- Bondaletov V. D.** *Russkaya onomastika* [Russian Onomastics]. A textbook. Moscow, Prosveshchenie, 1983, 224 p. (in Russ.)
- Dzharylgasimova R. Sh., Nikonov V. A.** (eds.). *Etnicheskaya onomastika* [Etnic onomastics]. Moscow, Nauka, 1984, 192 p. (in Russ.)
- Evdoshenko A. P.** *Predposylki sistemno-tipologicheskogo issledovaniya antroponomimii* [Prerequisites for the system-typological study of anthroponymy]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 57–62. (in Russ.)
- Khasanova M. M.** *Antroponomimiy v fol'klоре vostochnykh evenkov* [Anthroponyms in the folklore of the Eastern Evenks]. In: *Traditsii i sovremennost' v kul'ture narodov Dal'nego Vostoka* [Traditions and modernity in the culture of the peoples of the Far East]. Vladivostok, FESC AS USSR Publ., 1983, pp. 95–102. (in Russ.)
- Mordvinov A.** *Orocheny, ili olennye tungusy* [Orocheny or Deer Tunguses]. *Sovremennik: literaturnyi zhurnal* [Sovremennik: literary magazine], 1851, vol. 27, pp. 126–135. (in Russ.)
- Murzaev E. M., Nikonov V. A., Tsybul'sky V. V.** (eds.). *Onomastika Vostoka* [Onomastics of the East]. Moscow, Nauka, 1980, 286 p. (in Russ.)
- Nikonov V. A.** (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomimiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, 343 p. (in Russ.)
- Nikonov V. A.** *Etnonimiya* [Ethnonymy]. In: *Etnonimiy* [Ethnonymy]. Collection of articles. Moscow, Nauka, 1970, pp. 5–33. (in Russ.)
- Nikonov V. A.** *Imya i obshchestvo* [Name and society]. Moscow, Nauka, 1974, 280 p. (in Russ.)
- Nikonov V. A.** *Zadachi i metody antroponomimiki* [Tasks and methods of anthroponymy]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponomimiki* [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka, 1970, pp. 33–56. (in Russ.)
- Nikonov V. A., Stratanovich G. G.** (eds.). *Etnografiya imen* [Ethnography of names]. Moscow, Nauka, 1971, 263 p. (in Russ.)
- Nikonov V. A., Superanskaya A. V.** (eds.). *Antroponomimika* [Anthroponomics]. Moscow, Nauka, 1970, 360 p. (in Russ.)

- Omelchenko L. N., Vachelanova D. G.** Imyanarechenie barguzinskikh evenkov [Naming of the Barguzin Evenks]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]*, 2015, iss. 1, pp. 37–41. (in Russ.)
- Shubin A. S.** Evenki [Evenks]. Ulan-Ude, Resp. tip., 2007, 360 p. (in Russ.)
- Skorik P. Ya.** Antroponimicheskie protsessy u malykh narodnostei Severa [Anthroponymic processes among the small peoples of the North]. In: Nikonov V. A., Superanskaya A. V. (eds.). *Antroponimika [Anthroponomics]*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 39–52. (in Russ.)
- Superanskaya A. V.** Yazykovye i vneyazykovye assotsiatsii sobstvennykh imen [Linguistic and extra-linguistic associations of proper names]. In: *Antroponimika [Anthroponymy]*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 7–17. (in Russ.)
- Superanskaya A. V.** Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of the proper name]. Moscow, Nauka, 1973, 367 p. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Evenki Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka [The Evenks of Eastern Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk, Sibirskie promysly, 2013, 352 p. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Tungusskie imena kak etnograficheskii istochnik [Tungus names as an ethnographic source]. In: Murzaev E. M., Nikonov V. A., Tsybul'sky V. V. (eds.). *Onomastika Vostoka [Onomastics of the East]*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 32–36. (in Russ.)
- Vachelanova D. G.** Imenoslov barguzinskikh evenkov [The namesake of the Barguzin Evenks]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific research]*, 2017, no. 12. (in Russ.) URL: <http://human.snauka.ru/2017/12/24578> (accessed 08.02.2019).
- Vachelanova D.** Imena barguzinskikh evenkov: proshloe i nastoyashchee [The names of the Barguzin Evenks: past and present]. *Arktika. XX vek. Gumanitarnye nauki [Arctic. 20th century. Humanities]*, 2014, no. 1 (2), pp. 79–80. (in Russ.)
- Varlamova G. I.** Imya i narechenie imenem v evenkiiskom epose [Name and naming in the Evenk epic]. In: *Evenkiiskii etnos v nachale tret'ego tysyacheletiya [The Evenk ethnos at the beginning of the third millennium]*. A collection of scientific papers. Blagoveshchensk, BSPU Press, 2010, iss. 3, pp. 65–71. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki. XVIII – nachalo XX v. [Evenks. Historical and ethnographic essays. 18th – early 20th century]. Leningrad, Nauka, 1969, 305 p. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Sobstvennye imena evenkov [Proprietary names of the Evenks]. In: Nikonov V. A. (ed.). *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponimiki [Personal names in the past, present, and future: Problems of Anthroponymy]*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 225–230. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Antroponimy i etnonimy u narodov ural'skoi i altaiskoi semei, rasselennykh v Sibiri (opyt kartografirovaniya) [Anthroponyms and ethnonyms among the peoples of the Ural and Altai families settled in Siberia (mapping experience)]. In: *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii [Problems of mapping in linguistics and ethnography]*. Leningrad, Nauka, 1974, pp. 296–302. (in Russ.)
- Zinin S. I.** Vvedenie v russkuyu antroponimiyu [Introduction to Russian Anthroponymy]. A manual for part-time students. Tashkent, 1972, 275 p. (in Russ.)

List of Sources

- Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. F. 9. (Bauntovskaya tungusskaya inorodnaya uprava). Op. 1. D. 1. 1858 g. L. 1–40; D. 5. 1892 g. L. 1–12; D. 9. 1897 g. L. 1–12; D. 17. 1903 g. L. 1–24; D. 24. 1908 g. L. 1–74.
- Kniga pamyati Bauntovskogo evenkiiskogo raiona: Dokumental'noe izdanie Muzeya narodov Severa Buryatii im. A. G. Pozdnyakova. Ed. and comp. by E. F. Kurenayaya. Bagdarin, Chita, Ekspres-izdatel'stvo, 2014, 320 p.
- Tekushchii arkhiv administratsii Bauntovskogo evenkiiskogo raiona.

Информация об авторах

Ольга Владимировна Бураева, доктор исторических наук
Елизавета Федоровна Афанасьева, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Olga V. Buraeva, Doctor of Sciences (History)
Elizaveta F. Afanasyeva, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 16.11.2020;
одобрена после рецензии 12.04.2021; принята к публикации 12.04.2021
The article was submitted on 16.11.2020;
approved after reviewing on 12.04.2021; accepted for publication on 12.04.2021*

Список сокращений

АН СССР	–	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ИА РАН	–	Институт археологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
КРАУНЦ	–	Камчатская региональная ассоциация «Учебно-научный центр», Петропавловск-Камчатский
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры, Москва
л. н.	–	лет назад
НГПУ	–	Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
РА	–	Российская археология
СА	–	Советская археология
СВАКАЭ	–	Северо-Восточная Азиатская комплексная археологическая экспедиция
СЭ	–	Советская этнография
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
ТГУ	–	Томский государственный университет
ЭО	–	Этнографическое обозрение

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ неисключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлекцией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлекции выпуска можно по адресу: <https://nguhist.elpub.ru/>.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62